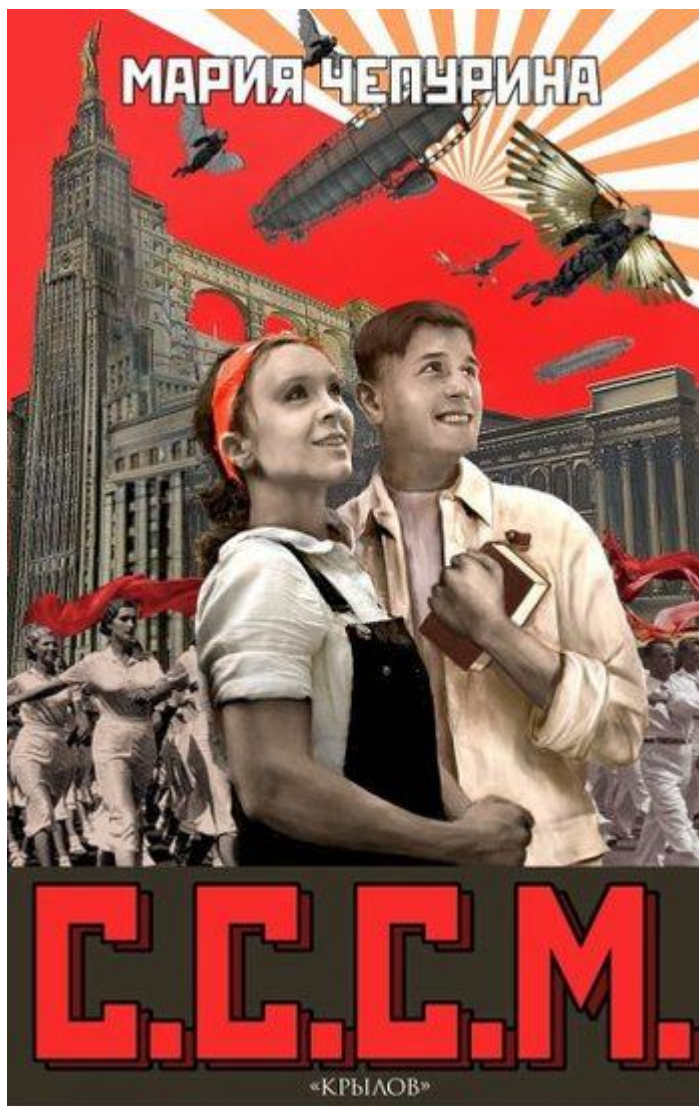

Мария Чепурина
С.С.С.М.

Текст предоставлен правообладателем. <http://www.litres.ru>
«Чепурина М. С. С. С. М. »: ИК «Крылов»; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-4226-0111-0

Аннотация

Эпоха фокстрота и танго, дирижаблей и беспосадочных перелётов, чёрно-белого кино и красных косынок. Атомная бомба ещё не изобретена, Вторая Мировая война только назревает, аббревиатура С.С.С.М. — Самая Счастливая Страна Мира — ещё пишется с точками. В этой стране уже построен настоящий коммунизм. Деньги, частная собственность, институт брака, неравенство полов, — все эти пережитки старины остались в прошлом! Еда бесплатная, грамотность стопроцентная, Рабочая партия ведёт страну верным путём.

Вот только Вождь в Мавзолее пока не воскрес, да Мировая Революция пока не разразилась. Сколько придётся ждать того и другого? Пролетарий Краслен Кирпичников думал, что долго. Он отправился в Столицу просто для того, чтобы изобличить вредителей и спасти свою девушку от навета. Но путешествие обернулось политическими событиями мирового масштаба. Из простого рабочего Краслену предстоит

переквалифицироваться в шпиона мирового уровня. И придется Кирпичникову не только помотаться по разным буржуйским странам, быть героем, вызволять из плена красных ученых, вырывать их гениальное изобретение, оживив, из лап мировой буржуазии, но и выручать Вождя, а затем, как водится, — спасти мир. Но мы верим — пролетарский «Джеймс Бонд» Краслен Кирпичников со всем этим справится, ведь он рожден в С.С.С.М.

Мария Чепурина **С. С. С. М**

Автор благодарит В. И. Ленина, А. М. Коллонтай, В. В. Маяковского, И. Северянина, В. Е. Татлина, К. С. Петрова-Водкина, К. С. Малевича, А. А. Дейнеку, Л. М. Лисицкого, Б. М. Иофана, Г. Т. Крутикова, Н. А. Ладовского, В. А. и Л. А. Весниных, Я. Г. Чернихова, К. С. Мельникова и других товарищей за помощь в написании этого романа.

1

«Ну, где она, в конце концов?!»

Краслен Кирпичников десятый раз нетерпеливо прошагал между двух рядов квадратных металлических колонн, от одного конца платформы до другого, уперся в статую Свободного рабочего, потом пошел обратно. Полдесятого! Куда это годится?! Ведь они решили в девять, твердо ведь решили, и она пообещала! А теперь уже и смысла нет, места все заняты. Уму непостижимо! Почему в стране, где коммунизм, все крестьянство самоколлеktivизировалось, полностью изжиты мракобесие и неграмотность, построено метро, а Партия рабочих бдительно следит за выполнением пятилетки, несознательные девушки до сих пор позволяют себе запросто опаздывать на свидания с пролетариями?!

Раздосадованный, злой, Краслен уселся на скамейку, посмотрел на светлый потолок с рядами круглых электрических светильников, похожих на планеты, опоясанные кольцами. Подумал про себя: «Коли не будет ее в следующем поезде — уйду. Точно, больше ждать не буду! Надо проучить ее, в конце концов!»

Раздался приветственный грохот, народные массы подтянулись к краю платформы. Новенький, блестящий, обтекаемый, как ракета, красный поезд вырвался из туннеля, встал и гостеприимно открыл двери для пассажиров. Краслен взволнованно вглядывался в толпу. В море юнгштурмовок, шляп, картузов, тюбетеек и футболок в крупную полосу часто попадались серебристые спецовки пролетариев. Краслен и сам пришел в рабочем комбинезоне. На заводе их выдавали бесплатно. Многие рабочие — его подруга в том числе — носили прозодежду ежедневно. Красота и удобство спецовок были всем очевидны, почетность подчеркиваемого ими производственного труда не вызвала сомнений, а пользу пролетарского костюма для здоровья доказали доктора.

— Краслен! — раздался голос справа.

Пролетарий обернулся. Девушка стояла рядом с ним, смотрела виновато, но кокетливо. Две косички, из русских неожиданно сделавшиеся черными, тщательно подведенные глаза и кирпичного цвета губы не оставляли никаких вопросов относительно причины опоздания.

— Бензина!.. — гневно начал парень.

— Знаю, знаю, двадцать две минуты! Я недостойна звания авангардовки! Мне стыдно! В наше время, а тем более в день тридцатипятилетия Революции, это поведение недостойно и нелепо! Ты из-за меня пропустишь весь парад! Но, милый, это в последний раз! Даю честное слово!.. И потом, разве бесплатные парикмахерские, дарящие работницам красоту, не являются важнейшим коммунистическим завоеванием?..

Краслен что-то буркнул. Бензина взяла его за руку, и вместе они побежали к выходу. На эскалаторе девушка, как обычно, встала на ступеньку выше, так что влюбленные почти

сравнились ростом. Обниматься тут было особенно удобно.

Оказавшись на поверхности, Бензина и Краслен ужаснулись. До площади Индустрии — центральной площади Правдогорска — осталось еще двести-триста метров, но и здесь, на подступах, было не протолкнуться.

— Я же говорил, что надо быть за час, не позже! — не сдержался парень. — Ладно, постараемся просочиться.

Они бросились в толпу, пытаясь проскользнуть поближе к площади, найти такое место, где хоть что-нибудь увидят. Безрезультатно.

— Обежим вот этот дом, — сказал Краслен, кивнув направо, на кубическое здание из бетона и стекла. — Хотя не знаю, есть ли там дорога. Но надеюсь, что отыщем. Выйдем к улице Свободы. Колонны по ней будут уходить. И то хлеб.

Побежали вокруг дома. Оказались в каких-то запутанных двориках, десять минут плутали по ним вместе с другими гражданами, которым тоже пришла в голову эта идея. В конце концов наткнулись на дружинников, которые сказали: здесь проход закрыт. Пришлось бежать обратно и оглядывать другое здание, слева от метро, — большое, белое и круглое в сечении. Там вышло лучше: добрались без приключений. Но народу с этой стороны толкалось даже больше, чем у станции.

— Может быть, вернемся? — предложила девушка.

Но было уже поздно. Заиграли барабаны, весело ударили литавры, бодро и призывно зазвучал голос трубы. Свежайший майский воздух — кстати, май был единственным месяцем, название которого оставили от старых, капиталистических времен, — наполнился торжественными звуками военного оркестра. «Марш новаторов» поплыл над городом, и сердце у Краслена сжалось от восторга. Он не видел площади, не видел руководителей на трибуне памятника Первому вождю, но крепко сжимал теплую ладошку своей девушки, жил в самом справедливом государстве на Земле и слышал музыку, которая кружила ему голову, звала, воодушевляла, восхищала. Да, Краслен был счастлив.

— Ты не думала, — спросил он у Бензины, — как так получилось, что нам повезло родиться в С. С. С. М.? Ведь мы могли быть неграми в какой-нибудь Ангелике, а то и еще хуже, угнетенными туземцами в колонии!

— Да, — сказала она. — Я думаю об этом очень часто. Мы могли бы быть маньяками и жить при феодальных предрассудках...

С площади раздался стук копыт: районный военком открыл смотр войск.

— ...а то и лошадьми! — закончила Бензина.

«Здравствуйте, товарищи спортсмены!» — гроыхнуло с площади. Парад был не только военным. В нем участвовали все, кем могла гордиться страна: передовики производства, отличники учебы, красная интеллигенция и физкультурники. Ежегодно четвертого мая в каждом городе Республики по площади шли лучшие из лучших и показывали то, чего достиг народ под чутким руководством Партии рабочих.

«Здравствуйте, товарищи юнкомы!» И в ответ хор детских голосов: «Здражлатвакомандир!» — «Поздравляю вас с праздником тридцатипятилетия Великой Революции!» — «Ура-а-а-а-а-а-а-а!»

Бензина залезла на плечи Краслену.

— Что там, кто сейчас шагает? — спрашивал взволнованно пролетарий.

Она рассказывала: вот идет пехота, вот матросы, вот кавалеристы. Краслену оставалось только слушать мерный шаг и восхищаться выучкой военных, пробовать представить, стало ли их больше по сравнению с прошлым разом. Внимая звуку копыт, он высчитывал количество лошадей. Четыреста? А может быть, пятьсот? Целая армия... Целый паровой котел, если сложить вместе все лошадиные силы...

Оркестр играл «Марш пэвэошников». Краслен с полным правом держал руками Бензины ножки, одетые в серебристую униформу и обутые в черные ботинки Центркожтреста. Настроение у него было отличное.

Краслен был штамповщиком круглых деталей, Бензина — закройщицей крыльев в текстильном цеху. Знакомы они были еще с детства, жили в одном здании, работали на одном заводе. Завод был уникальным. Некогда на месте предприятия стояли лишь избышки бедняков-единоличников, затравленных, забитых царской властью. После Революции сюда пришли строители. Трудно им было: агенты капитала не дремали, отсталые крестьянские массы как могли саботировали строительство, хлипкие временки не спасали ни от жары, ни от холода. Но всего за пару лет ударные бригады возвели единственное в мире предприятие летатлинов (они же — махолеты) — безмоторных авиаконструкций. Такую удивительную штуку создал красностраниский инженер, и теперь жители Республики одни на всей Земле могли летать как птицы. Для них, трудящихся великой страны справедливости и прогресса, не было ничего невозможного!

Бензина состояла в «Красном авангарде» — в него брали наиболее идейных, самых лучших молодых людей от 16 до 20 лет. Краслен по возрасту уже вышел из этой организации и готовился вступить в Партию рабочих. О свадьбах, клятвах верности, венчаниях и прочей лицемерной мишуре молодые люди (впрочем, как и все современные красностраницы) слышали разве что от стариков да, может быть, из радиопередач о буржуазных режимах. С детьми они пока не торопились, подать заявку на вселение в парную комнату было все как-то недосуг. Да и так ли много значила эта комната в условиях обобщественного быта? Краслен мог ежедневно видаться с любимой и на проходной, и в клубе, и в столовой жилкомбината. Они все делали вместе: вносили деньги на постройку дирижабля «Рабинтерн», писали письма коммунистам далекой Эскериды, изучали речи руководителей, обсуждали новое кино, ходили в клуб на лекции, прыгали с парашютом, добивались выполнения пятилетки за три года и читали «Арматилл».

Краслен старался помнить о тех людях, кто пока что не освободился от империалистического гнета: так он ярче ощущал свое везение, свое счастье и учился его ценить. Иногда старик Никифоров, шестидесятилетний фрезеровщик с их завода, развлекал Краслена и Бензину рассказами о прошлом: о царе, капиталистах и помещиках, предателях-народниках, никчемных болтунах-социалистах, декадентах, единоличниках, кулацких подголосках, правых уклонистах, извратителях партлинии и прочих персонажах, канувших в века. И, как ни отрадно было сознавать, что с внутренним врагом покончено навсегда, а все-таки Краслен чуть-чуть жалел, что не родился лет на сорок раньше, не увидел героического времени, не смог ни побороться за индустриализацию, ни съездить на деревню агитатором за сельские коммуны, ни разоблачать вставших в коммунизм бюрократов и попов, ни строить электрические станции... «Ну что ж ты! — говорил ему Никифоров. — Ведь наше время тоже героическое. Внешний враг не дремлет! Надо так же бодро строить и работать, как и раньше, неуклонно повышать культурный уровень, чтоб грянула скорее мировая революция!» Пожалуй, он был прав, но год сменялся годом, Труд и Капитал обменивались выпадами, рабочие угнетались и обличали, буржуи клеветали и эксплуатировали, фашизм бесновался и скалил зубы, а мирового пожара все не было видно... А ведь подвигов хотелось уже сегодня!

Краслену повезло: два человека, стоявшие в толпе прямо перед ним, решили уйти. Пролетарий смог пробраться ближе. Теперь он наконец-то видел шествие, и сердце вновь затрепетало от такого воодушевляющего зрелища.

По залитой солнцем площади, усыпанной листовками, красиво уходили местные партийцы под знаменами. Следом за ними двигались авангардовцы в красных беретах. Они махали руками, пританцовывали, подбрасывали мячи, кувыркались через голову, демонстрируя физическую подготовку: кто в рабочей спецодежде, кто в летном костюме, кто в студенческой униформе. А вдалеке уже виднелась колонна юнкомов. Ребята несли в руках собственноручно сделанные модели паровозов, аэросаней, блюмингов, думпкаров, гидроглиссеров, трамваев, тракторов. Не зря работали местная техстанция и кружок авиамоделирования! Над головой одного мальчишки вился настоящий дирижабль, который

тот держал на ниточке. Девчата шли с цветами. Кое-кто нес в руках книги и журналы.

За молодежью шли колонны лучших предприятий. Первым показался коллектив фабрики-кухни: всем было известно, что нарпитовцы, кормившие город, развозившие еду по столовым, довели за этот год число пельменей до шестидесяти тысяч ежедневно. Пельмени, разумеется, лепились механическим путем. Краслену не хотелось даже думать, что бы было, если б кухонное рабство пролетарок не сменилось новым бытом и рациональным пиццепромом.

А потом на площадь вышли лучшие рабочие завода махолетов. Их Краслен хотел увидеть больше всех.

— Если б ты поменьше думала о глупостях, была бы среди них, — заметил он Бензине, слезшей с его плеч.

— Подумаешь! А сам-то! — фыркнула подруга.

— Вообще-то я был в том году! А вот ты...

— Баррикадкина бригада нашу обошла в последний день! Мы были лучшими! А все из-за Абстракции... Умудрилась сделать целых три бракованных выкройки, растяпа! Без нее бы...

— Ладно, не расстраивайся! Я же не всерьез, я ж так, любя...

— Любя-шутя-нарочно!

— Главное, Зиночка, что мы с тобой даем стране летатлины! Баррикадины девчата свою честь заслужили. Не завидуй, придет и твое время.

Каждый цех выбирал лучших рабочих, достойных пройти по площади в этот знаменательный день. Краслен, конечно, не отказался бы, если бы товарищи снова отправили его. Но выбор пал на Революция — Люська, который, кроме производственной работы, был еще рабкором, сочинял статьи в «Коммунию» и в «Май», писал агитки, делал стенгазету. Вон он, кажется, шагает с транспарантом, где написано «Даешь соревнование!». Краслен махнул рукой. Люсек его не видит. Жаль. А вон Никифоров! Он даром что старик, даст фору авангардовцу. И в партии сорок два года. Кажется, так не случалось ни разу, чтоб не был Никифоров здесь, на параде, в колонне завода. С ним рядом шагает директор Непейко. А сверху, над всеми, летит, мерно махая крылами, начальник рабкома — Маратыч. Живая реклама летатлинов!

Потом шел завод «Теслэнерго». На нем выпускали устройства для передачи электроэнергии на расстояние. Краснострания уже освобождалась от унылой паутины проводов, и ЛЭП теперь остались лишь в глуши, куда пока что не успел дойти прогресс. Махолетчики парили, не боясь высоковольтных линий и столбов, так портивших ландшафт. Устройства для энергопередачи выпускали разного размера: маленькие — для соединения зданий и подстанций, а большие — в целях обороны. Буржуинам было ясно, что С. С. С. М. сумеет защитить себя и в случае агрессии, не мешкая, поразит столицу противника пучком управляемых молний. Так что людям в серебристой спецодежде, везшим на тележках образцы своей продукции, не напрасно доставались цветы, аплодисменты и восторженные взгляды.

За электриками двигались текстильщицы — все в белом, все босые, молодые и прекрасные. Их было не так много, около десятка: каждая работала на ста — двустах станках. Краслен залюбовался: шествие воздушных, сказочных волшебниц, осыпаемых листовками, как снегом, не могло его оставить равнодушным. Бензина не из ревности, конечно (это буржуазное переживание кануло в лету вместе с остальными атрибутами частной собственности), а только шутки ради закрыла ему глаза.

...Когда она открыла их, уже шла техника. Большие трактора везли орудия на платформах. Следом двигались пупырчатые клепаные танки. Девушка считала их похожими на помесь жабы с крокодилом, Краслену же были по вкусу эти чудеса инженерной мысли. Хотелось хоть разок залезть туда, увидеть, что внутри... а может быть, даже вступить в бой с силами Капитала...

За прожекторным отрядом шли машины-звукоуловители, которые могли слышать

шум аэроплана на далеком расстоянии. За звукоуловителями — новые модели грузовых автомобилей. За грузовиками — мотопехотинцы. Дальше — мирные машины: рыбозовные, цементные, пожарные, автобусы...

Больше всего Бензину поразил большой-большой, размером с целый дом единоличника, шагающий экскаватор. Он ковылял неуклюже, переваливаясь с боку на бок, но всем своим видом излучал мощь и величие. На стреле сидели несколько рабочих, весело размахивающих флагами.

А потом все небо словно заволочло огромной тучей, случилось маленькое солнечное затмение. Это шел огромный цеппелин. С него бросали прокламации, цветы и конфетти.

— Эх, вот бы прокатиться! — с восхищением сказал Краслен. Он пока ни разу за свою жизнь не успел полетать на дирижабле.

Дальше были гидропланы, авиетки, вертолеты... Поднялась в небо и пугающе зажужжала авиаистребительная пила — гигантский вертящийся диск, готовый крошить самолеты противников в воздухе. Сто аэропланов пролетели над головами, корпусами выстроив предложение «Слава красностраницкому народу!».

Наконец, когда на площади остался только оркестр, раздались звуки вальса. Краслен и Бензина пошли танцевать, как и все остальные, кому повезло наблюдать это яркое зрелище — тридцать пятый триумф красностраниццев.

Улицы Свободы и Труда, пересекаясь там, где находилась площадь Индустрии, и служа осями города, делили его на четыре части: две жилые, состоявшие из крупных комбинатов (каждый — десять тысяч человек) и располагавшиеся по диагонали друг от друга; производственная зона, а также зона для отдыха. В эту-то, последнюю, Краслен с Бензиной и пошли после парада.

До вечера они гуляли по общественному саду, развлекались на аттракционах — разумеется, бесплатных, ели эскимо. Эскимо тоже раздавали даром, как и все продукты питания: сельхозкоммуну с самой лучшей техникой и новыми породами животных, новыми сортами зерновых и овощей давали урожаи, позволявшие кормиться и аграрным, и промышленным рабочим. Для приобретения продуктов нужно было предъявить лишь удостоверение с работы, но раздатчицы частенько не смотрели на него: бездельников и «лишних» в Красностраниции давно уже не водилось. Ни очередей, ни давки не было: обычно ели дома, то есть в комбинатовской столовой, или же в общественной — тогда, когда гуляли в зоне отдыха. Поэтому на улицах и в бывших продуктовых магазинах раздавали только лакомства: ландринки, шоколадки, лимонад и тому подобное.

С колеса обозрения был виден родной завод, на центрифуге девушка до того испугалась, что всю дорогу не переставала глупо хихикать, а на паровозике Краслен с Бензиной так горячо целовались, что ехали одни в вагончике: люди не хотели им мешать и садились в следующий и предыдущий. Осуждать влюбленных никому, разумеется, и в голову не приходило.

Потом снова танцевали под оркестр в общественном саду, играли в бадминтон взятыми напрокат ракетками, брызгали друг в друга водой из фонтанов, слушали напутствия партийных руководителей из радиоточки, любовались махолетчиками в небе. В пять часов пошли в кино на «Папиросницу». До дома добрались только к восьми.

В фойе жилкомбината проводились выставки искусства. Пару дней назад произведения рабочего фотографа сменились яркими полотнами известных кубофутуристов, и теперь со стен глядели рвущиеся ввысь аэропланы, полные движения спортсмены с миллионом рук и ног, летящие, ломающие хрупкий свод небес ракеты, мощные конструкции с множеством колес, винтов, турбин и люди, чьи портреты, будто бы взрываясь, разлетались на цилиндры и кубы.

Еще в фойе имелось множество колонн: прозрачных, круглых, расширяющихся кверху, словно сталактиты или капли с потолка. Внутри каждой из них застыла своя композиция: художники соединили в них кусочки дерева, газеты, шестеренки, бигуди, пружины,

лампочки, чернильницы и множество других вещей — простых, но неожиданных. Бензине нравилось разглядывать объемные коллажи, у нее даже была любимая колонна. Перед тем как разойтись по своим блокам, влюбленные, как всегда, обнялись возле нее.

— А может, знаешь что? — сказал Краслен. — А может, это? Может, это самое, ага? Зайдешь ко мне? Ребят-то нету.

— Что-то мне не хочется...

— Ломаешься!

— Нет, просто не хочу. Вот, может, завтра...

— Но, Бензина, это же мещанство! Коммунисты — за свободную любовь! Что за буржасное кокетство?! Что за глупая попытка отрицать потребность человека в половом...

Бензина перебила:

— Да? А что сказал товарищ Небоскребов на последнем съезде партии о новом понимании женской свободы? Ну-ка, перескажи!

Тут пришел черед смутиться парню: да, уела так уела!

* * *

А тридцать шесть лет назад еще мало кто верил в то, что красностраскому царизму, имевшему тысячелетнюю историю, однажды придет конец. Коммунистические ячейки были немногочисленны и беспощадно преследовались. Страной, где читать и писать умел только каждый десятый, правили помещики, буржуи и попы. Пролетариат и крестьянство казались им всего лишь послушным стадом, созданным для удовлетворения их, господских, нужд.

Неизвестно, сколько бы еще продлилось угнетение народа, если б не международные дела и не феерическая глупость последнего, самого ничтожного за всю историю Красностразии царя.

Единственным и главным увлечением «государя» была карточная игра в безик. Целые дни проходили за этим занятием: прерывался царь разве что для того, чтобы посидеть за столом в компании своей матери, теток, жены и дочерей да сделать в дневнике «важную» запись: «Играл в безик, пил чай, лег во столько-то». Естественно, при такой насыщенной жизни времени на государственные дела уже не оставалось, и министры были предоставлены сами себе. Впрочем, возможно, это было и к лучшему, ведь все, за что ни брался царь, оканчивалось скверно. Торжественная коронация привела к ужасной давке, где погибло много людей. Попытки держать речь перед народом, во время которых «государь» выглядел как плохо подготовившийся школяр возле доски, раз от раза снижали его популярность. Визит в сопредельное государство Тэйкоку, где он перепутал местное святилище с туалетом, закончился хорошей трепкой, которую заезжему царю устроили местные жители.

На горизонте тем временем маячили события мирового масштаба. «Святая империя брүннов», расположившаяся в самом центре цивилизованного мира, в течение предшествующих столетий подмяла под себя множество мелких государств и окрестных народов, но со временем ослабела, долго оставалась аграрной, не успела к разделу колониального пирога и считалась второразрядной страной — до тех пор, пока очередное правительство в конце прошлого века не двинуло империю по пути прогрессивных (и агрессивных!) реформ. Спohватившиеся брүнны принялись возводить металлургические заводы, делать паровые котлы, укрощать электричество, стоять дредноуты... Вскоре они уже тянули лапы к чужим колониям и претендовали на звание первой державы мира.

Разумеется, такой поворот событий никому не пришелся по вкусу. Буржуазные республики Ангелика и Шармантия, первыми построившие у себя индустриальный капитализм и обзаведшиеся колониальным шлейфом, забыв свои противоречия, заключили союз. Вошла в этот союз — политики назвали его «Нежной Идиллией» — и Красностразия. Договор заключил еще батюшка нынешнего царя. Зачем, почему — в эти сложные вопросы любитель чая и безика не вдавался.

Инцидент в Тэйкоку между тем не прошел бесследно. Отношения с соседом год от года

обострялись. И Тэйкоку, и Краснострания претендовали на земли ослабленного Маняня и господство в Восточном море. Долго дожидаться начала войны не пришлось. С самого начала она стала складываться не в пользу Краснострании. Подданные царя из кожи вон лезли, проявляя чудеса героизма, но Тэйкоку одерживала победу за победой.

Император брюннов был единственным, кто сочувственно отнесся к восточным неприятностям Краснострании: по крайней мере, так показалось царю. Поэтому когда через несколько месяцев после войны «Святая империя» как бы невзначай предложила ему военную коалицию, царь подмахнул договор, не задумываясь: брюннский государь был его родственником, а кроме того, он так замечательно играл в безик...

Испуганные Ангелика и Шармантия потребовали у царя объяснений. Их не последовало. Видя, что дело принимает опасный оборот и памятуя, что лучшая защита — это нападение, буржуазные республики объявили мобилизацию. Теперь объяснений потребовал «Священный император». Не дождавшись таковых, он сделал то, что давно собирался, — объявил войну Ангелике и Шармантии. Глупый царь, естественно, не мог не поддержать своего милого «братца». Началась Империалистическая война.

Если красностранская армия с трудом выдерживала натиск Тэйкоку, то воевать на два фронта ей было уж и вовсе не по силам. К началу следующего года страна оказалась обескровленной. Молодых и здоровых мужчин почти не осталось, стали заводы и фабрики, начался голод. Истрадавшиеся народные массы в поисках крайнего средства спасения решили отправиться во дворец и пасть в ноги царю-батюшке. Нарядная процессия с иконами и портретами «государя» была расстреляна гвардейским полком. «Говорят, там погибло много детей и женщин. Вот так незадача! — записал царь в своем дневнике. — Вечером пил чай с маман, отличные ватрушки...»

«Государю» в тот день было невдомек, что терпению его народа пришел конец. Война обнажила все язвы красностранского общества, сделала жизнь невыносимой, создала революционную ситуацию. По стране прокатилась волна выступлений. Тут и там начали появляться народные комитеты. Вышли из подполья политические партии. Либералы вынудили царя даровать конституцию и объявить выборы в Государственную думу. Не выдержав испытания народовластием, тот отрекся. Монархия пала, власть перешла к будущему собранию депутатов. Либералы потирали руки, народу же, познавшему вкус свободы, уже было мало формальных демократических институтов. Революционное творчество масс развернулось на полную катушку: следующей зимой во втором по значению городе Краснострании начались баррикадные бои. Перепуганная таким поворотом событий буржуазия не заметила, как под шумок вернулся из эмиграции и провозгласил курс на коммунистическую революцию Вождь красностранского и мирового пролетариата.

До конца весны вынашивали друзья народа свой план. Час восстания пробил, когда собралась и чинно расселась в отведенном ему дворце буржуазная Дума. Ворвавшиеся во дворец коммунисты потребовали от болтунов-депутатов сложить с себя полномочия в пользу народного, передового правительства, пригрозив в противном случае расправой. Депутаты вызвали охрану. «Охрана устала вас охранять! — ответили буржуазным избранникам дежурившие во дворце солдаты — Убирайтесь подобру-поздорову!» Думцы разбежались как тараканы.

Получив власть, коммунисты первым делом обобществили заводы и фабрики, отдали землю крестьянам, разогнали церковников и наделили гражданскими правами женщин. Скоро дело дошло и до заключения мира. Уступив капиталистам и Тэйкоку некоторые незначительные территории (Вождь вообще не был жаден, да и скорую мировую революцию он предчувствовал), красностранцы вышли из Империалистической и завершили войну на востоке. Теперь ничто не мешало коммунистам строить жизнь в соответствии со своими дерзкими мечтаниями. Название «Краснострания», говорившее прежде о красоте их родного края, обрело новый смысл. А вскоре за первым в мире государством рабочих закрепилось еще одно название: Самая-Счастливая-Страна-в-Мире.

«Святая империя», лишившись своего единственного союзника, недолго смогла

обороняться от остатков «Нежной Идиллии». К тому времени, как первый министр (император от горя успел скончаться, не оставив наследников) подписал безоговорочную капитуляцию, страна уже лежала в руинах. Правительствам Ангелики с Шармантией этого показалось мало: они унижали проигравшую как могли, наслаждаясь своей победой. Сначала у нее отобрали немногочисленные колонии и сферы влияния, потом наложили неподъемную контрибуцию, а в довершение всего объявили единственной виновницей войны. Но это было еще не самым ужасным. «Святая империя» прекратила свое существование: от нее уцелела лишь одна пятая территории, то есть собственно Брюнеция. На остальных землях образовались новые национальные государства: гордая Шпландия, ироничная Вячеславия, беспокойная Котвасица, приморская Фратрия и другие, менее значительные республики, взявшие равнение на англиканский капитализм. Буржуазия торжествовала. Казалось, остается лишь дожидаться, когда падет коммунистическая власть в С. С. С. М., поставить ограбление Брюнеции на поток — и можно наслаждаться жизнью!

Излишне говорить, что планам капиталистов не суждено было сбыться. «Идиллия» разладилась: Ангелика претендовала на мировое влияние, Шармантия хотела собственного пути. Экономические кризисы, гениально предсказанные основоположником научного коммунизма, один за другим сотрясали буржуазный мир. Рабочее правительство в С. С. С. М. оказалось на удивление стойким: Краснострания, несмотря даже на подлое убийство Вождя, произошедшее через двенадцать лет после падения царизма, не только не собиралась возвращаться к буржуазному строю, но и становилась год от года все красивее, богаче, веселее. А Брюнеция, оправившись от поражения, начала вновь собираться с силами и лелеять мечту о реванше. На очередных выборах брюнны отдали большинство голосов агрессивной фашистской партии. С этого момента все мыслящее человечество в один голос заговорило об опасности развязывания новой бойни. Но как распределяться силы в этой очередной войне, когда она начнется, что послужит катализатором и действительно ли нет никакой возможности избежать кровопролития — на все эти вопросы каждый отвечал по-своему...

2

— Раз Мотор Петрович обещает, что исправится, — сказал Спартак Маратыч, — переходим к следующему пункту заседания. Более приятному.

Серьезный, строгий, образованный, идейный, с серыми глазами, иногда похожими на два красноармейских штыка, этот человек заслуживал того, чтобы в тридцать с небольшим его называли по имени-отчеству. Два месяца назад Спартак-Маратыча избрали председателем завкома. Он тут же взялся за работу: проводил беседы с отстающими, добился повышения культуры пролетариев, построил эффективную работу по поддержке чистоты цехов и складов. Заседание новый председатель вел отлично — четко, без излишней болтовни, по-деловому. Слушать Спартак было приятно.

То, о чем сегодня будут говорить, Краслен уже примерно представлял. Вопрос с конца апреля обсуждали в комнатах жилого комбината, в цехе и в столовой.

— Речь о выполнении пятилетки, — объявил Спартак Маратыч. — Все мы знаем, что партия поставила задачу уложиться за три года. Наш завод имеет все возможности выполнить это важное задание: нет у нас ни пьяниц, ни прогульщиков, работаем сознательно, почти все выполняем больше ста процентов плана в день. Что же? Нужно только продолжать трудиться дальше? А? Работать как работали?

Молчание.

— А может быть, теперь, когда мы знаем, что вполне могли бы несколько повысить темпы производства, оставаться в рамках прежних нормативов, почивать на лаврах было бы ошибкой?

— Преступлением! — выкрикнул Люсек.

— Предлагаю, — объявил Спартак Маратыч, — встречный план! Пятилетка за два с

половиной года! У кого какое мнение на этот счет, товарищи?

Рабочие смущенно посмотрели друг на друга. Поднялась рука Никифорова.

— Что ж, оно неплохо, — начал он. — Вот помнится, на стройке Красногэса... Впрочем, нет, по-моему, на Кубической централи... Словом, там ребята выполнили план на триста три процента. В годы первой пятилетки. Им тогда труднее было. Если вот Мотор еще подтянется, да Дизель Николаевич прибавит пять процентов, да Прогрессова возьмется посерьезнее, так, думаю, потянем. Я б попробовал. Хотя без обещаний... Чтоб не опозориться... Оно ведь как: не говори «гоп»...

— Ладно вам, папаша! Это старая пословица! — воскликнул Революций. — Я за встречный план! Вообще, по-моему, мы тут обленились за последнее время. Сто процентов выдаем — и ладно, и довольны! Что это такое?!

Встал Краслен:

— А что, по-моему, дело! Прав Спартак Маратыч! Вот Никифоров сказал, что, мол, не нужен встречный план, пускай без обязательств. А по-моему, очень нужен! Он нас подстегнет! Работать лучше станем, если будем знать, что обещали!

Еще несколько рабочих выступили в пользу пятилетки за два года. Кое-кто поддерживал Никифорова, прочие считали, что вернее взять побольше обязательств, чтоб лишить себя возможности не выполнить их. Только Электриса Никаноровна, столовщица, сказала:

— Раз правительство решило за три года, так и надо. Нечего выдумывать. Все сделаете за два, а потом что? Будете бездельничать?

Все над ней, конечно, посмеялись: толстая нарпитовка не шибко разбиралась в производстве и, хотя была хорошей коммунисткой, не могла понять, что инициатива пролетария — важнейший элемент народного хозяйства.

— Значит, голосуем? — предложил Спартак Маратыч.

Тут раскрылась дверь и на пороге появился сборщик Аверьянов.

— Ишь, не запылится! — фыркнул кто-то из рабочих.

— Сильно извиняюсь, — бросил сборщик, но в его так называемом извинении сквозили нотки наглости.

Начальник хмуро посмотрел на Аверьянова, самодовольно усевшегося ного на ногу в первом ряду:

— Ты совсем не уважаешь коллектива, Степан.

— Да? Это почему же?

Пролетарии зашушукались.

— Сам знаешь почему. Ты мне тут не паясничай! Смотрите-ка, нашелся, независимый какой! — вспылел Маратыч. — Может, ты при старом председателе себе так позволял на полчаса опаздывать! Но с этим я покончу!

— Ты, гляжу, себя одного уже за весь коллектив считаешь, — бросил Аверьянов. — Не тебе меня манерам учить! Зарываешься, Маратыч...

— Я-то зарываюсь?!. Это, знаешь, ты, товарищ, зарываешься! Считаешь, что другие дожидаться тебя будут?

— Я в цеху работал. Надо было дело кончить, прежде чем сюда идти. Работа-то важнее разговоров. Или ты так не считаешь?

«Что он мелет, этот Аверьянов? — думал про себя Краслен. — Чего он добивается? Станный, подозрительный экземпляр. Я-то думал, таких больше нет в наше время».

Аверьянов на завод пришел недавно. В коллектив он как-то сразу не вписался. В этом человеке каждая черта была нелепой, нетипичной, удивительной: и брови, черные как смоль, при светлых, почти белых волосах, и безыдейное имя — Степан Аверьянов, и все его манеры, поведение. Сборщик вечно был не в духе. В директивах руководства он все время находил какую-нибудь мелочь, самую последнюю детальку, которая ему не нравилась: ходил, ругал, ворчал, хотя, конечно, в пользу буржуазного порядка не высказывался. Очень любил выделиться. Если все шли есть, он шел работать, если все работали — бурчал, что

должен пообедать. Так же и сегодня: рассуждения о некоем срочном деле, не дающем вовремя явиться на собрание, были попросту нелепы. Ведь собрание было плановым, проводилось после окончания всех смен и являлось неотъемлемой частью важного процесса управления предприятием.

«Удивительно! — продолжал рассуждать Краслен. — Такое ощущение, что мы перенеслись в первую пятилетку, когда на заводах еще водились вредители и вражеские агенты!»

— Ты вот что, Аверьянов... — начал председатель.

Грохот взрыва прервал его речь. Дверь столовой клуба с шумом распахнулась, где-то рядом загремели бьющиеся чашки и тарелки, окна треснули.

— Ой, мамочки! — завизжала Электриса Никаноровна и шлепнулась без чувств.

Какая-то закройщица метнулась к ней. Остальные пролетарии бросились к дверям.

— В нас бомбу с самолета кто-то кинул!

— Капитал! Ангеликанцы!

— Саботажники! Вредители!

— Без паники! Без паники! — кричал Спартак Маратыч. — Покидаем помещение организованно!

Через пять минут Краслен вместе с толпой был в сборочном цеху. В помещении, где он прежде находился, теперь валялись искореженные части механизмов, жалкие остатки от конвейера, дымящиеся стропы. Все это ужасно походило на картины из фойе, на фантазии художников, искавших Самой Сути через разрушение видимых вещей. Воняло гарью. Пролетарии, забившие собой все помещение, волновались, охали и ахали, шептали: «Что ж теперь-то? Кто ж это так, а? А как же с планом?» Появился директор Непейко, на лице которого все прочли испуг и замешательство.

— А ну-ка, разойдись! — велел Спартак Маратыч.

Пролетарии расступились, дав ему пройти в то место, где в полу зияла дыра.

— Ни к чему не прикасаться! — энергично потребовал завкомовский начальник.

Он провел осмотр места преступления. Потом велел всем выйти и остался в помещении с директором Непейко.

По прошествии еще минут пятнадцати рабочие опять пришли в столовую, расселись и Маратыч объявил:

— Товарищи рабочие! Взгляните друг на друга. Кто сейчас отсутствует? Кто не был на собрании? Мне нужно записать их имена.

Тут Краслен впервые в жизни ощутил противное волнение, похожее на страх. Об этом чувстве он, счастливый, честный житель справедливой страны, доселе знал лишь из художественной литературы.

Ходить на заседания завкома было, в общем, обязательно, но санкций к тем, кто прогулял, не применяли и никак не контролировали посещаемость. Те, кто не пришел, лишали себя голоса и власти в управлении заводом — хуже было только им самим. Случаев, чтоб кворум не собрался, не бывало. Процедура выявления прогульщиков на памяти Краслена тоже была первой. Ведь на тех, кто не присутствовал на собрании, подозрение падало в первую очередь...

— Я знаю, кого не было! — воскликнули из зала. — Не было Пятналера Безбоженко!

— А что сразу Пятналер?! — возмутились двое старших братьев этого товарища. — Рехнулись?! Он, по-вашему, преступник?! Вон, на Аверьянова взгляните! Если кто из наших, так уж точно...

— Тихо-тихо! — оборвал Спартак Маратыч. — Никого не обвиняем, но запишем. Следствие решит.

Три брата — Пялер, Делер и Пятналер, названные каждый в честь очередного юбилея Революции, Краслену были хорошо знакомы: он вместе с ними жил в одной комнате. Братья всегда держались вместе и ужасно походили друг на друга, несмотря на разный возраст: большерукие, мясистые, немного неуклюжие, грубоватые, но честные и работающие, каких

еще поискать.

— Клароза Чугунова не явилась!

«Нет, эта не могла!» — решил Краслен. Некрасивую, маленькую, плоскогрудую Чугунову знал и уважал весь завод. В честь очередной годовщины принятия плана электрификации всей страны она пообещала делать 220 % плана ежедневно — и твердо держала свое слово. Клароза была рекордсменкой по количеству прыжков с парашютом, чемпионкой по скоростному надеванию противогаза, победительницей конкурса чтецов и постоянной участницей майских парадов на площади Индустрии. Собирать подарки для обездоленных детей Эскериды — Клароза, подписывать на постройку гигантской авиамамки — тоже Клароза, организовывать юнкомовскую самодеятельность — снова она, проводить воспитательную работу с отстающими, прорабатывать уклон, пропесочивать хулиганов — и тут Чугунова в первых рядах. А как ласково, как заинтересованно она обычно смотрит на Краслена! Нет, Клароза не вредительница, быть того не может!

Кто же? Краслен огляделся. Мерзкое, трусливое чувство снова заворчалось в животе.

— Кто еще отсутствует? — спросил Спартак Маратович.

Все в зале замолчали. Встал Кирпичников:

— Бензины еще нету...

Общий вздох.

— ...Но только вы не думайте! Уж в ней-то я уверен, как в себе! Говорю вам, чтоб потом такого не было: «смолчал, мол, укрывает»... Мы с Бензиной честные!

— А где она?

— Скажи нам!

— В парикмахерской...

Кирпичников сам отправил девушку перекраситься в естественный цвет. Вчера на каруселях он с трудом втолковал Бензине, что любит ее и без издевательств над шевелюрой. Никто не запрещал красностраникам женщинам быть красивыми, никто не отрицал их естественного стремления нравиться... Но реакция коллектива все равно получилась неприятной:

— Свистулька!

— Вертихвостка!

— Что, она там поселилась? Ведь вчера уже была! Я все заметила!

— Смотри, Краслен! Глядишь, не с теми свяжется...

— Товарищи, спокойно! — объявил Спартак Маратыч. — Воздержитесь от подобных обвинений! Следствие решит!

— Вот именно! — вскричал Краслен взволнованно. — Чего у Аверьянова не спросите, где был?! А?! Тоже мне работник!

Надутый Аверьянов бросил на Краслена взгляд, исполненный презрения, но смолчал. На лицах товарищей он и без того читал мрачное подозрение на свой счет.

— Кто бы ни был тем вредителем, — сказал Спартак Маратыч, — его цель ясна и очевидна. Он хотел не дать нам сделать пятилетку в нужный срок, сорвать ударный план. Мне кажется, товарищи, что нужно показать этому гаду, сателлиту капитала, всю решимость, всю сплоченность нашего коллектива! Предлагаю мобилизоваться и принять наш встречный план! Пятилетку в тридцать месяцев! Покажем злопыхателям, на что мы способны!

— Верно!

— Ве-е-ерно!

— Значит, голосуем. Так, кто за?

Единогласно.

3

— Ребят, а где стаканы? — спросил Делер, появившись на пороге комнаты с

алюминиевым чайником.

Держать в жилых помещениях кипятильники и примусы не разрешалось техникой безопасности, так что любители гонять чай на сон грядущий ходили вниз, на кухню.

— Все в столовую забрали. На помывку, — ответил Краслен.

— Ага, — сказал Пятналер. — Отчитали нас за некультурность. Выговор грозили даже сделать, если сами впредь сдавать не будем.

— Мать честная... — буркнул Делер.

Поставил чайник на подоконник, поскольку стол был занят, и пошел искать стаканы.

В холостяцком блоке комбината все было очень прогрессивно и культурно: чистое постельное белье, кровати с тюфяками, шторы на окошках (только что из прачечной!), большой красивый шкаф, стол, стулья, радиотарелка в жилых комнатах. Никаких тебе клопов, ни тараканов, ни матрасов из соломы, ни рогож. Удобства — душевая и уборная — на каждом этаже. Конечно, электрические лампочки. Короче говоря, живи и радуйся, не то что в грязных избах при лучине в капиталистическое время.

Койки были трехэтажные, и в комнатах обычно жили шестеро. Краслен дружил с соседями: помимо троих братьев, в комнате с ним вместе обитали токарь Новомир и поэт с двойной фамилией Шариков-Подшипников. Он тоже трудился на заводе: выделывал стихи о глодающих сталь станках, крикливом гомоне болванок и других прогрессивных явлениях. В то время как на капиталистических предприятиях только-только стали появляться столовые для рабочих, Краснострания уже обеспечила трудящихся пищей не только для тела, но и для того, что при старом режиме именовалось «душой»: ни один завод не обходился без штатных поэтов, художников, артистов, чтецов. Свою работу деятели пролетарского искусства называли «творьбой» — смесью борьбы и творчества.

В этот вечер Краслен отдыхал, расположившись на лежанке, почитывая самоучитель эскеридского языка и вполуха слушая беседу Пялера с Пятналером, листавших «Пролетарскую звезду». Сбоку от них за столом пристроился тихоня Новомир. Нацепив круглые очки, он, как обычно, что-то усиленно чертил: видимо, продолжал работать над своей мечтой — изобретением особого станка, который будет выдавать деталей вдвое больше против современного.

— «...Правобуржуазная „Эксцельсиор“ отмечает, что агрессивные проекты Бриоло встретят несомненное сопротивление со стороны Ангелики, — читал вслух Пялер. — Орган шарматийских националистов „Вандреди“ заявляет, что пора подойти критически к антикрасностранской пропаганде, которая ведется при помощи креста и хоругвей, так как заинтересованные стороны используют ее для своих внешнеполитических и хозяйственных расчетов».

— Ну то-то же! Доперли, наконец! — сказал Пятналер.

— Все равно попы с капиталистами добьются своего, — ответил Новомир. — Рассорят нас с Шарматией, порвут дипотношения.

— Не порвут! Ведь там социалисты в министерстве, а им выгодно друзьями Краснострании казаться, чтоб рабочим пыль в глаза пускать!.. Ну ладно, читай дальше.

— «Ангеликанские империалисты — организаторы кровавой бойни в Чунчаньване...»

— Тоже неудивительно...

— «Манянская печать, в частности манянские телеграфные агентства, пытаются оправдать неслыханное вмешательство ангеликанских властей Южной Цай во внутренние дела Маняня (при помощи ангеликанских властей удалось ликвидировать рабочую власть в Чунчаньване). С этой целью манянские агентства распускают слухи, будто во главе движения были красностранцы...»

Вошел Делер со стаканами. Налил себе чайку, добавил кубик сахара, пристроился за столом, под лампой со светло-зеленым абажуром, и стал слушать, медленно помешивая ложечкой в стакане.

— «Брюннский канцлер Отто Шпицруттен снова давит на рейхстаг, требуя увеличить военный бюджет на следующие три года. Похоже, его лживым уверениям в том, что это

продиктовано исключительно нуждами обороны, не верит ни один депутат».

— А хотите анекдот? — вставил Пятналер. — Крановщица рассказала. Значит, этот брюннский их начальник говорит: «Брюнецию и Ангелику, к сожалению, все еще разделяет море. Но мы предпримем все усилия для того, чтобы заполнить это пространство броненосцами!» Ха-ха!

Соседи засмеялись — все, кроме Новомира.

— Ну, а что, — сказал он тихо, оторвавшись от проектов. — И заполнят. Туго нам тогда придется.

— Глупости! У нас же электрические волны. Вот направим им заряд — в момент уймутся!

— А я думаю, что раньше они сцепятся друг с другом. Доделить то, что не доделили в Империалистическую. Грянет мировая революция...

— Ну как же! Нас еще на свете не было, когда всем обещали — вот-вот грянет. И что дальше? Сколько лет уж...

— Грянет, куда денется!..

— А правда, председатель Рабинтерна выступает за союз с социалистами?

— Брехня...

— Давай читай, что дальше.

— А про Эскериду в этот раз там ничего не написано? — осведомился Кирпичников.

Жаркая, далекая и глубоко отсталая страна Эскерида в течение последнего года являлась объектом самого пристального внимания мирового пролетариата. После свержения народом малохольного короля Чучо XXIII в ней разгорелась гражданская война. На одной стороне стояли рабочие, коммунисты, республиканцы, на другой — силы мракобесия и реакции во главе с профашистскими элементами. Именно оттуда, от эскеров, ждали искры для мирового пожара. Именно туда рвались все борцы за свободу из разных стран. После того как в газетах написали о разбомбленном фашистами автобусе с эскерскими детишками, Кирпичников взялся за изучение языка особенно тщательно. Бросить родной завод, сорвать все производственные планы ради подвигов в Эскериде было бы, конечно, безответственно... И все же Краслен втайне надеялся, что однажды и он исполнит свой интернациональный долг.

— Про эскеров сегодня не пишут.

— Должно быть, все плохо, — сказал Новомир. — Наши отступают. Сколько месяцев они уже не одерживали побед?..

— Хватит ныть! — рявкнул Пялер. — Смотрите, забавная новость. «Глава англиканского правительства накануне принял у себя владельца десяти фабрик эскимо Рональда Памперса. Тема беседы не разглашается. Буржуазной печати запрещено затрагивать этот вопрос. Остается лишь теряться в догадках, чем мог заинтересовать премьер-министра хозяин такого мирного производства...»

— Может, он праздник решил своим деткам устроить? — хихикнул Пятналер.

— Бомбу ледяную изготавливают, — мрачно констатировал Новомир.

— Какую еще бомбу?! Что за паникерские разговоры?! Да и вообще, парни... Надоело слушать про заграничное! Читай, что в Краснострании творится.

Пялер развернул газетный лист.

— «На полях Южной губернии развернулась борьба с опасным вредителем — марокканской кобылкой. На помощь хлеборобам пришли авангардовцы и молодежь из Облюбхима. По сельхозкоммунам юга пущен агитпоезд с агрономами и химиками».

— Здрасьте! — буркнул Новомир. — Сейчас еще и хлеб погибнет. Перед самым столкновением...

— Да не будет столкновения! — оборвал его Пятналер. — Читай дальше.

Новомир обиделся, замолк. Потом зачем-то скомкал свой чертеж: решил, наверное, выкинуть. Обычно эта участь постигала все его проекты. Передумал, вновь расправил, положил на стол перед собой и принялся чинить в него карандаши карманным ножиком.

Пятналер вытащил из пачки папиросу, сунул ее в рот и начал мять губами: в жилых комнатах курение запрещалось, да и бросить он собирался уже давно. Краслен разглядывал картинки под названиями на эскеридском языке. У Делера закончился чай, и он отправился к подоконнику плеснуть кипяточку. Пялер читал дальше:

— «Результаты металлургических гигантов Зубовского округа за две первых пятидневки крайне неутешительны. Завод имени Разина снова сильно отстал по выплавке чугуна. Завод „Черный квадрат“ плетется в хвосте по всем показателям»... Головотяпы!

— Скоро так напишут и про нас, — сказал вдруг Делер.

— Ты давай не каркай! — оборвал его Краслен.

Пялер опустил газету:

— А ведь и правда могут написать. Ну, в самом деле! Сначала сборочный цех, теперь вот песок этот... Боюсь, товарищи. А завтра-то что будет? Вдруг с аэроплана обстреляют?! Зря мы взяли обязательство в два года пятилетку... Опозоримся... За три теперь не сделать...

На другой день после взрыва конвейера кто-то насыпал песку в токарные станки. Работа встала. Как, когда в цеха проник вредитель, кто он — эти темы обсуждали все рабочие, сначала на заводе, а затем в жилкомбинате. Контролеры с проходной давали слово, что чужих не пропускали — ни сегодня, ни вчера, ни днем, ни ночью. Значит, свой? Но кто это мог быть?!

Пятнадцать лет назад в С. С. С. М. упразднили органы милиции: с введением бесплатного питания исчезло воровство; другие преступления, более тяжкие, народ не совершал и до этого. Одни регулировщики — земные (на дорогах) и воздушные (на крышах) — в модной белой форме иногда напоминали, что когда-то в Краснострании были милиционеры. При честном руководстве, справедливом самоуправлении, общей образованности и массовой работе с молодежью предпосылки для преступности исчезли. Случаи халатности и мелких нарушений вроде хулиганства разбирали комитеты предприятий, и они же назначали наказание. Поэтому отлавливать вредителя работникам завода безмоторных авиаконструкций надо было собственными силами. Расследовать дело поручили, разумеется, Маратычу. В помощники назначили директора Непейко и Люська. Весь день они ходили по заводу и допрашивали каждого, но толку от допросов не было: ничего, что как-то разъясняло бы события, никто сказать не мог. На тех, кто вчера не был на собрании, смотрели подозрительно.

— Аверьянов. Это Аверьянов, — сказал Делер. — Я не сомневаюсь. Кто еще-то? Доказательств только нет. Пока. Но Маратыч их найдет. И арестует.

— Да, он подозрительный, — охотно согласился Пятналер. — А имя-то — Степан! Ну прямо прошлый век, седая древность! Ладно, понимаю, могут быть отсталые родители... Так что бы не сменить-то? Нет, ведь ходит и доволен. Скользкий тип. Заметьте — сборщик! В родном цеху взрывать — оно удобней!

— Он, конечно, — буркнул Пялер. — Только как теперь работать? Что со сборкой? Станки не наладить... Боюсь, план провалим!

— Хватит охать, это не проблема! Час себе накинем сверхурочно — не по пять часов работать будем, а по шесть в день. Или, там, по семь. Не страшно. Сборщикам поможем. Без конвейера, конечно, неудобно, но что делать! Справимся вручную.

— Правильно, Краслен! Быстрее б только этого Иуду Аверьянова поймать да обезвредить.

— А вы вот что: притворяйтесь, будто верите ему. Пускай он себя выдаст новым преступлением — за руку поймает! Жаль, конечно, что опять нам что-нибудь испортит... Но что делать!..

— Да не он это. Не он. Не Аверьянов, — заявил вдруг Новомир.

— А кто, по-твоему? — с недоверием спросил у него старший из трех братьев.

— Я не знаю. Но не Аверьянов. Ведь вредители, они должны скрываться, маскировку применять, а этот больно наглый!

— Может, и не он, — сказал Краслен.

— Нет, он! — вскричал Пятналер.

Из рта его упала папираса, вся разжеванная.

— Следствие решит... — парировал Кирпичников. — У нас по Конституции никто не может быть виновным, пока не доказали. А ты его уже и расстрелять готов, приятель! Даже подозрительно...

— Ах вот что! Ты меня подозреваешь?!

— Я-то, может быть, и нет. Но где ты был вчера вместо собрания, товарищи не знают. Где, скажи-ка!

— Где! Не ваше дело, черт возьми! Ты лучше бы, Кирпичников, пригляделся к своей девке! — возмутился Пятналер.

Он вскочил со стула и собрался подойти к Краслену, чтобы решить дело кулаками, но был схвачен за руки братьями.

— Ты Бензину оскорблять мою не смей, слышь? Ясно? — Краслен поднялся с кровати. — Я всем прямо на собрании объявил, что в ней уверен. А вот братья твои что-то промолчали про тебя... Наверно, если б кто-то честный не сказал, то так бы и молчали перед всеми о твоём, дружок, отсутствии?

— Язык попридержи!

— Ты, слышь, Краслен... Ты бочку не кати на нас... Сумеет друг за друга постоять-то!

— Если бы я не был коммунистом, я б тебе, Кирпичников, морду набил!

— Парни, вы чего? Не ссорьтесь лучше, — попросил соседей Новомир.

— Молчи, сопля!

— Кликуша! Паникер!

— Какой я паникер вам, что болтаете?!

— Ну а кто, по-твоему, вредитель? Кто? Давай, скажи, защитник Аверьянова!

— Совсем с ума сошли... Какой я защитник... Просто сказал, что...

Дверь открылась.

— Гутен так! — сказал красивым басом Шариков-Подшипников.

Появление поэта разрядило обстановку. Он скинул кожанку, берет метнул на вешалку, конечно, не попал, довольно улыбнулся, плюхнулся на стул и стал снимать ботинки. Огляделся.

— Вы тут, часом, не ругаетесь?

— Маленько дискутируем, — ответил примирительно Краслен.

Поэта все соседи очень уважали, и ругаться при нем было как-то некультурно. Делер и Пятналер застучали маленькими ложечками в чайных стаканах. Краслен опять занялся изучением четвертого по счету иностранного. Новомир полез в сундук и зашуршал там номерами «Техники и жизни». Пятналер после долгого молчания сообщил:

— А ну-ка, братцы, почитаем объявления! Ох, как я люблю их...

И принялся декламировать:

— «Федосеевский стройкомбинаттрест срочно приглашает мастера по производству марсельской черепицы»... «21 мая в ДК Бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев состоится вечер встречи ветеранов общества „Долой стыд“»... «В отъезд на полуостров Дальнемерзлый приглашаются: инженер-угольщик и инженер-нефтяник»... «Бумтресту нужны паровые машины в 700 лошадей»... «Новая комедия в „Геракле“ — „Модный трактор“. Режиссер Бабусин-Минский. Картину иллюстрируют гармонисты». Слышишь, Делер? Гармонисты! Я бы поглядел такую фильму...

Когда улеглись, Краслен долго, до трех часов ночи, ворочался. Все думал о ссоре с соседями — это случилось впервые. Чертов вредитель! Он портит не только станки, но и дружбу.

Вновь и вновь Краслен пытался вычислить преступника. Перебирал в голове варианты, улики, кандидатуры, подозрительные моменты... И вдруг понял — вредитель с ним рядом. Вредитель под маской рабочего, честного парня (девчонки?) тут, близко, и скоро Краслену

придется почувствовать боль оттого, что он так горько ошибся в мнимом товарище! Стало заранее больно. Немножечко страшно. Кирпичников вновь стал обдумывать, много ли шансов имели соседи, друзья и приятели, чтоб заложить злополучную бомбу. Примеривал платье шпиона на каждого. Думал о том, как же прав был Никифоров: время свершений, опасности, подвигов, битв не закончилось. Надо быть сильным и смелым. Не спать. Не зевать. Не давать себе слишком уж верить другим. Ведь пока коммунизм на Земле не построен, пока есть буржуи, министры, фашисты и прочая нечисть — нельзя расслабляться.

4

Проснулся он в двенадцатом часу. Это ж надо! Не почувствовал, что рассвело, не услышал ни утреннюю музыку по радио, ни того, как возились соседи. Даже завтрак проспал. Хорошо хоть, что Краслен работал во вторую смену: не с восьми, а с часу.

Соседи уже ушли. На столике валялась вчерашняя газета с сообщениями про бойню в Чунчаньване и про марокканскую кобылку. Сверху помещались два стакана в подстаканниках и чей-то портсигар. Мусорная корзина была доверху забита скомканными чертежами. Краслен оделся, вышел в коридор, откуда доносились звуки марша — бодрого и яркого, какого-то светящегося, что ли.

Прямо перед дверью в его комнату на белом полу лежал огромный лист ватмана. По нему, передвигая вырезки журналов и газет, ползал художник. Со своим коллажем, места для которого в жилой комнате не хватало, он возился уже пятый день.

Сверху, из спортзала, слышалось, как мяч бьется об пол, как кто-то прыгает, как весело скрипят спортивные снаряды. Снизу раздавался детский крик — там были ясли. Через окна в полный рост струился свет, и было видно, как на внутреннем дворе, построившись рядами, дошколята, дети комбинатовцев, в одних трусах и майках делают гимнастику.

Мимо шел по поясу голый Революций. Бросил:

— Ба! Да ты небось едва проснулся! — И в шутку хлестнул Краслена полотенцем. — Слышал?

— Что?

— «Что»? Эх ты, соня! Да в Шармантии в правление союза переплетчиков двух наших нынче выбрали! Ну, в смысле, коммунистов! Наконец-то! Обошли-таки буржуйских болтунов!

— А... Это здорово...

— Сегодня в стенгазету напишу. Ну ладно, некогда. Увидимся еще!

Люсек исчез. Краслен пошел, умылся («Интересно, как у пролетариев Шармантии дела с водоснабжением и зубным порошком? Наверняка не хватает»). Оставалось полчаса до выхода на смену, так что начинать какие-то серьезные занятия — например, идти в бассейн жилкомбината, или, там, в библиотеку, или в музыкальную комнату — бесполезно. В столовой завтрак уже кончился, обед не начался: там делать было нечего. Кирпичников решил пойти на верхнюю террасу: прогуляться, глянуть на коллекцию тропических растений, разводимых юнками.

Отсюда, с тридцатизэтажной высоты, открывался превосходный вид на улицу. По мокрой, только что политой и поэтому блестящей мостовой текли людские реки. Лето, кажется, вошло в свои права. В одежде пешеходов преобладали белый и серебристый цвета. На фоне светлых зданий, полностью лишенных глупых украшений и прекрасных своей гладкой лаконичностью, на фоне столь же светлой мостовой из искусственного камня, под лучами бодрого, воинственного солнца зрелище спешащих по делам свободных людей рождало ощущение чего-то очень чистого, правдивого и ясного. Нет, конечно, были тут и яркие цвета: флажки на зданиях, тюбетейки, зелень на газонах. Эти красочные пятна лишь подчеркивали царство чистоты и белизны. Наверно, если бы Краслену встретился какой-нибудь рабочий с головой, отравленной фашистской или просто буржуазной пропагандой, то Кирпичников пришел бы с ним сюда, на комбинатскую террасу. Показал бы ему сверху

жизнь красностраницев. И рабочий, разумеется, не смог бы не поверить в коммунизм. Его бы впечатлило, покорило, восхитило все вокруг: и махолетчики, все время проплывающие в воздухе, и шелест шин автомобилей — самых мощных в мире, и блистание солнцеловителей (источников энергии), и зрелище высоких труб заводов с поднимающимся дымом, и шумящий вертолет, приземлившийся на крыше женского крыла жилкомбината...

«Неужели человек, который это видел, может быть вредителем? — подумалось Краслену. — Кто, кто, кто?! Ну не Пятналер же! И никак не Клароза. Вряд ли Аверьянов. Ну, а что касается Бензины...»

— Эй, Краслен! — окликнул кто-то.

За спиной стоял Маратыч.

— Дышишь воздухом?

— Ну да... Пожалуй, так...

— Наверно, размышляешь?

— Не без этого. Как следствие идет?

— Идет, — сказал Маратыч. И добавил очень тихо: — Знаешь что, товарищ? Будь внимателен. Смотри вокруг. Следи! Вредитель себя выдаст. Агитацией. Прогулом. Бракоделством... Как угодно неожиданно. Глади во все глаза!

Краслен оторопел:

— Ты что, хочешь сказать, что...

— Тс-с-с!

— Что этот кто-то... Кто, с кем я общаюсь? Друг? Сосед?

— Краслен, я заподозрил... одну личность. Не могу пока сказать. Нет доказательств. Я прошу тебя: смотри внимательно! За всеми. За соседями, ребятами в цеху, за остальными... Всеми, с кем общаешься! Тебе я доверяю. Понимаешь, этим гадом может оказаться кто угодно... Но я знаю, что это не ты. Как, поможешь?

— Ну естественно! Вот если б ты, Спартак, сказал бы мне понятнее, за кем, на что смотреть...

— На все! За всеми! У меня есть только подозрения. Прости, сказать их вслух пока что рано!

— Понимаю.

— Я ведь не могу быть сразу в каждом из цехов, на складе, в комбинате, видеть все... Конечно, есть директор и Люсек. Но ты ведь понимаешь, мало этого! За дело должен взяться коллектив, все мы, рабочие. Но раз этот вредитель просочился в нашу массу, так удачно нацепил личину пролетария, что я могу довериться лишь некоторым. Нашему директору, Люську и вот тебе, может быть, еще паре-тройке...

— Спартак Маратыч! Я, конечно, буду помогать тебе!

— Спасибо, братец! — Начавком пожал Краслену руку, скупой улыбнулся. — Сообщай мне обо всем подозрительном, что сможешь углядеть!

— Всенепременно!

— И, пожалуйста... молчи об этом нашем разговоре. Не хочу, чтоб кто-то стал завидовать. Краслену, мол, доверяют, а мне вот, дескать, нет... Смолчишь? Спасибо. Скоро мы отловим эту гадину.

Вертолет, было замолчавший, снова завертел свой мощный винт и снялся с крыши, поднимая за собою красное полотнище с большими буквами: «ЛЮБОВЬ. КОММУНА. РАДИО».

В металлообрабатывающем цеху звучал сильный, способный перекрыть шум всех станков, голос Шарикова. Поэт был еще и чтецом. Нередко он давал рабочим сводки новостей, политпросвет и лекции на тему обстановки за границей. Разумеется, читал свои стихи. Но так как пролетарий должен получать образование по возможности широкое, Шариков старался поумерить самолюбие творца и декламировал чужие сочинения,

часто что-нибудь из классики. Сейчас он читал Гоголя — конечно, не в самом цеху, а в радиоузле, по микрофону.

Слева от Краслена штамповал свои детали младший из Безбоженко, Пятналер. Рядом с ним на фрезерном станке трудился дед Никифоров, который временами похихикивал над глупостью Манилова. Краслен «Мертвые души» уже знал: прочел в библиотеке год назад. Теперь он заскучал. Без завтрака работа перестала приносить радость. По закону у Краслена было полчаса на пообедать. Их он мог использовать всегда, в любое время, и поэтому решил подкрепиться незамедлительно.

Электриса Никаноровна зевала. С тех пор как всю еду объявили бесплатной, ее труд стал слишком прост: ни кассы, ни раздачи, только наблюдай за тем, чтоб пища не остыла, да поддерживай порядок в помещении. Голос чтеца звучал и здесь, в столовой, но нарпитовка не очень уважала книги классиков. Гораздо больше ее увлекали отчеты со съездов и актуальная информация.

Поскольку смена только-только началась, столовая пустовала. Электриса Никаноровна скучала больше, чем обычно, и, обрадовавшись Краслену, мгновенно завязала разговор:

— Борщ, смотри, какой наваристый! Вот только что пришел! Бери, пока там мясо еще плавает!

— А я хочу солянку. Есть солянка? Снова нету...

Повара фабрики-кухни сделали сегодня всего двенадцать видов супа против двадцати, как вчера-позавчера. Щи зеленые, борщ грибной с черносливом, рассольник рыбный с фрикадельками, чихиртма из баранины, харчо, суп горховый, суп из брюссельской капусты, из щавеля, тыквенный, манный, молочный, томатный... Солянку не возили пятый день. Вторые блюда тоже разочаровали: тридцать три мясных и семь гарниров. Опять этот надоевший гуляш из говяжьего сердца, долма, раки в вине, осетрина на вертеле, крабы, индюшка, язык... Ничего интересного! По крайней мере, с выпечкой нормально. Пончики приехали! Ура!

Краслен набрал себе борща (две порции), немного языка с душистой гречкой в грибном соусе. Налил из самовару чаю в белую и гладкую, без всяких украшательств, супрематистскую чашку. В очередной раз вспомнил про то, что эта серия посуды, если не врут, была спроектирована тем самым художником, что создал герб Краснострании — квадрат черного цвета, украшенный затем красной звездой.

За чистый стол, накрытый красной скатертью, подседа Электриса Никаноровна.

— Ну что, — спросила она, глядя на Красленову тарелку, содержимое которой постепенно убывало, — как дела, Красуш? Какие будут новости?

— Какие... вот в Шармантии на выборах в профком переплетчиков успех у коммунистов.

— Хорошо! А сам как поживаешь?

— Вот, проспал сегодня, не позавтракал. Приходится обедать раньше всех.

— А что проспал-то? Чать, с Бензиной? — Электриса улыбнулась.

— Не-е-е-ет... Спал просто плохо. Думал про вредителя.

— Нашли его?

— Какой там...

Электриса Никаноровна вздохнула:

— Что им не сидится, этим буржуинам! Только зажили — и вот оно, опять! Неужели никогда это не кончится?!

— Кончится, конечно, Электриса Никаноровна. Все войны рано или поздно кончаются победой одной из сторон! — с важным видом ответил Кирпичников. — Даже Столетняя война, уж на что была длинная...

— А сам-то ты как думаешь? — спросила Электриса.

Суп закончился, Кирпичников принялся за второе.

— Много кто бы мог... — ответил он. — А вы вот, например, кого бы заподозрили?

— Конечно, Аверьянова! — ответила нарпитовка.

— Угу... Мои соседи... — гречневая каша не давала слишком много говорить, — мои соседи... они тоже... так считают.

— Ну а ты что, не согласен?

— Я... — Краслен опустил вилку. — Если только между нами! В общем, это... Я к Стаканводьеву присматриваюсь.

— Это, что ли, к Комунбеку Абдулаичу?

— Ага. Вот вы заметили: обычно он на задний ряд садится, а в этот раз на средний сел и с краю... Может, помните? Ну, прямо у двери. Когда рвануло, он ведь ближе всех был. Первым просился на место преступления!

— Точно! Он!

— ...Хотя Стаканводьев лучший сборщик. Да и в партии давно. Характеристика...

— Стало быть, не он! — подытожила Электриса.

— Может, он, а может, и кто другой. Взять, к примеру, Коксохимкомбинатченко...

— Батюшки мои! Да он же авангардoveц! К тому же положительный такой...

— Положительный-то положительный, а на часы, пока заседали, раз десять посмотрел! Я за ним наблюдал. Ждал, наверно, скоро ли рванет!

— А и правда, все может быть... — поддакнула нарпитовка. — Наверное, он.

— Э-э-э! С выводами сразу погодите, Электриса Никаноровна! Лучше вспомните, как себя Тракторина вела!

— А что она? Траня хорошая девочка! Да я как-то и не припомню...

— Верно, что не припомните! Вы же тогда в обморок свалились, а она вам помогать рванулась. Ну? Соображаете?

— Про что соображать-то?

— Да про то, что коллектив весь как один человек побежал обследовать место преступления, а одной Тракторине до этого словно и дела нет! Выходит, она взрыву-то и не удивилась вовсе? Так получается?

— Удивилась или нет — какая разница! — фыркнула Электриса. — Траня бросилась на выручку товарищу! Мне то есть. Да если бы не она, я бы, может, до сих пор тут вверх тормашками валялась, так-то вот!

— А что это вы ее так защищаете? — осведомился Краслен.

— А что бы и не защитить, коли она меня подняла, когда я свалилась?!

— А может, вы неспроста свалились, а, Электриса Никаноровна?! — выпалил Кирпичников неожиданно для себя.

Возникла неловкая пауза. Столовщина покраснела. Едок тоже.

— Пончик-то возьми еще, Красуля. Как раз на тебя смотрит, вон какой толстенький! — осторожно проговорила Электриса минуту спустя.

— Спасибо. Я, пожалуй, пойду, — с этими словами Краслен поднялся из-за стола. В столовой появился Революций.

— А, Кирпичников! — воскликнул он развязно. — Что-то часто мы встречаемся. Похоже, поздний завтрак, да, дружище?! Ха-ха-ха!

Он вынул из-под мышки свернутый в трубу большой лист ватмана, оставил на столе и стал сдирать со стенки старый номер стенгазеты.

— Свежий выпуск! — радостно сказала Электриса, предвкушая новенькое чтение.

У Краслена оставалось семь минут обеда. Можно задержаться, посмотреть. Он помог Люську расправить стенгазету, закрепить ее на стенке. Потом бросил взгляд на то, что там написано, и сразу же заметил заголовок: «Непейко — к ответу!»

— Директор?

— Ну да! — заявил Революций спокойно. — Возможно, что бомбу взорвал и не он, но кто допустил, что в наш коллектив смог внедриться вредитель?! Вина на Непейко!

— Но он же пролетарский директор... И кто его выбрал? Мы сами. Партийный, не вор, получает такие же деньги, как всякий рабочий... — ответил Краслен неуверенно.

— Мало ли что! Непейко создал атмосферу, в которой вредительство стало возможным! Он или плохой руководитель или просто...

Столовщица с шумом открыла окно. Белый тюль надулся свежим майским воздухом, как парус, солнечные зайчики забегали по стенам и мармитам.

— ...Или просто шпионажем занимается!

— Согласна с Революционером! — с готовностью сказала Электриса Никаноровна. — Непейко виноват! Прощупать его надо бы... Революционер, ты умный парень!

— Ну, стараюсь, Электриса Никаноровна, — ответил, улыбнувшись, рабочий. — Нам завком собрать бы. И поставить там вопрос о снятии этого Непейко. Я так и написал вот. Что, Кирпичников? По-твоему, неверно?

— Не знаю. Может быть. Пойду я в цех, пожалуй, мне уже пора, — сказал Краслен.

Он вышел из столовой и услышал за спиной, как Электриса, ставя в вазы на столах для пролетариев свежие цветы, говорила:

— Умный ты, Революционер... Ох, прямо голова как дом советов! Ну конечно, нужно снять Непейко! Я сама и не дотумкала... А ты — толковый парень...

«Что же, может быть, они и правы».

Из метцеа доносились голоса — взволнованные, злые, возмущенные. Кирпичников на миг остановился, опасаясь заходить. Представил, что увидит кучу развороченных станков, изломанных деталей, гору трупов... Прервал свою нелепую фантазию: «Все глупости!» Вошел.

Толпа в спецовках собралась как раз вокруг его станка.

Не успев спросить «Что здесь случилось?», услышал истошный вопль Пятналера:

— Вредитель! Шкура! Гад! Фашистский прихвостень!

— Ах, вот ты как! — шумел в ответ Никифоров. — Глядите на него, лиса какая! Уличили в бракоделстве, так он вон чего — на другого решил свалить! Не выйдет, так-то!

— Да, товарищи, не верьте вы ему! Рабочим притворяется, а сам... а сам — крещеный! Он мне, прихвостень фашистский, сам сболтнул однажды!

— При царе, дурила, всех крестили, будто ты не знаешь! Гляньте на него! Куда свернул! Ну ты вот некрещеный, а деталей-то напортил целый короб. Ясно теперь, взрыв-то кто...

— Да ты, ты, сучья морда! Ты взорвал!

— Мели, Емеля!

— Ты взорвал! Товарищи! Меня эта собака специально уболтала, чтоб я порчу допустил!

— Да что у них случилось? — шепотом спросил Краслен у ближайшего рабочего в толпе.

— Безбоженко, придурок, целый пуд, кажись, деталей перепортил. Он начальнику не сдал их своевременно, знай в ящик все кидает и кидает. Так они там перемялись все до непригодности, — ответили Краслену.

— А Никифоров при чем?

— Пятналер говорит, что уболтал, мол, специально разговорами отвлек из злостных побуждений.

— Ух! — Краслен присвистнул. — Кто же виноват-то?

— Черт их разберет, — сказал рабочий. — Оба подозрительные.

5

В комнате пахло тухлыми яйцами, горелым, серой и еще какой-то кислой дрянью. Если бы Краслен не знал пристрастие Новомира к разным опытам по химии, наверно, испугался бы.

На столе лежал номер журнала «Техника и жизнь», раскрытый на странице с

заголовком: «Опыты над Чертингом». Страница была украшена силуэтом господина в смокинге, цилиндре и пенсне. На мелкой картинке пониже некая рука спускала на веревочке все тот же силуэт в большую емкость с жидкостью. И надпись под картинкой: «Выкупайте Чертинга».

Новомир, счастливый как жених, сидел над этим номером. Вокруг него стояли банки, емкости, коробки и бутылки с реактивами. В сторонке, на газете, размещались три картонные фигуры испытуемого, вырезанные точно по журналу: черная, багровая, зеленая.

— Смотри! — сказал сосед довольно.

Взял зеленого, поднес его к стакану с чем-то непонятным, и фигурка покраснела. Потом смочил ватку в нашатырном спирте, обмахнул ею Чертинга — тот вновь позеленел.

— А? Глянь, как злится!

— Мы ему не нравимся, — сказал Краслен с улыбкой.

Чертинг был большим политиком в Ангелике, вождем крупнейшей партии — либеральных консерваторов. Попеременно со своим давним противником, главой консервативных либералов Гарри Чертоном, с которым у них было множество сильнейших разногласий, Чертинг занимал пост первого министра. Кабинет переходил из рук в руки каждые два-три года. Всякий раз очередная оппозиция, пришедшая к власти, обещая применить к «ужасной» Краснострании санкции, повысить курсы акций, принять меры против стачек пролетариев и, конечно, «навести порядок». Красностранские газеты обожали рисовать карикатуры на непримиримых оппонентов, помещая рядом эту парочку: пузатый, мелкий Чертон, вечно с трубкой, вечно сидя (так он еще больше походил на куля с картошкой), с простоватой, словно у матроса, физиономией — и напыщенный, высокий, тощий Чертинг.

— Все химичишь... А читал нынче в столовой стенгазету? — неожиданно для самого себя спросил Новомира Кирпичников. Он думал о вредителе весь день, но был уверен, что голова соседа занята исключительно наукой и техникой.

— Естественно, читал, — ответил тот. — С утра об этом думаю.

— О чем?

— О том, кто же вредитель... О директоре. Прав Люсек! Непейко виноват... Да что Люсек, я же и сам так думал! Снять его к чертям! — Потом добавил: — Все вокруг так подозрительно...

Взял Чертинга из цинка, проколол дыру в цилиндре, привязал его за нитку и спустил в бутылку с чем-то непонятным.

— Раствор уксусно-кислого свинца, — пояснил химик.

Политик между тем внезапно начал толстеть и делаться все более похожим на своего идейного противника. Потом он почернел и стал лохматым, как питекантроп. Или как дьявол. Словом, выдал свою истинную сущность.

Трое братьев, появившись дома этим вечером, смотрели вокруг мрачно, не читали ни газет, ни новых сочинений Шарикова, а сразу улеглись на койки и замолчали.

Ночью кто-то громко топал в коридорах комбината, а наутро Новомир сказал, что слышал стук в их дверь.

Пару дней спустя Бензина и Краслен пошли в парк отдыха. Неперывка позволяла выбирать свой выходной: влюбленные, конечно, брали общий, чтобы вместе отдыхать, — второй день пятидневки.

В парке было многолюдно, но не шумно. Здесь и там играли в домино, в шахматы, в шашки. Многие, лежа на траве, читали книги: любопытный глаз мог рассмотреть на корешках их названия: «Красный Пинкертон», «Цемент», «Лесозавод», «Анна Каренина»... Над деревьями взлетали батутисты: в переливающихся на солнце комбинезонах они напоминали вольных рыбок, выпрыгивающих из воды. Птицы-махолетчики, как обычно, парили над головами.

На одной скамейке парень в белых шортах возбужденно пересказывал подруге

содержание какого-то кино. Другая скамейка была занята старушкой, наблюдающей за внуками: малыш в трусах пытался поймать голубя, а девочка постарше бегала с сачком за насекомыми. Рядом находилась танцплощадка. Десять девушек наслаждалось обществом десяти ребят: никто не сидел без пары. «Танго Роза» весело лилось из громкоговорителя.

Чуть дальше, на открытой сцене, давал представление любительский агиттеатр. В постановке «Да здравствует книга!» парад печатников сменялся шествием библиотек, а антре буржуазного писателя прерывала хоровая песня о хорошей литературе. Краслен и Бензина не стали задерживаться у сцены, но если верить помещенной рядом афише, то, помимо сценических приемов, в постановке использовались физкультура, трудовые движения, военный строй и краткий доклад о важности просвещения.

В глубине парка, на озере, проходили соревнования по гребле. Для участия в них Краслен с Бензиной пришли поздно. Оставалось только разместиться на временно оборудованных трибунах и, обнявшись, наблюдать за физкультурниками.

Бензина незаметно завела разговор о заявке на общую комнату. Краслен слушал вполуха, гладил косы своей невесты, а сам никак не мог избавиться от мыслей о вредителе.

Последние два дня он с подозрением наблюдал за окружающими. В страхе обнаружил, что отдельные товарищи, и в том числе Пятналер, нарушают технику безопасности. Однажды услышал, как Электриса Никаноровна сказала, что она хоть и кухарка, а вот государством не умеет управлять, да вряд ли и научится когда-нибудь. Конечно, это были мелочи и глупости, но разве не из них потом мог вырасти побег зла и предательства? Еще он как-то заметил, что у Революция в газете три описки, две из них — в словах «губком» и «пролетарий». Вдруг умышленно? Нет, глупости, конечно. Но Маратычу Краслен рассказал про все — на всякий случай. Тот был очень благодарен.

В другой раз Кирпичников увидел, как Мотор Петрович (отстающий штамповщик, которого прорабатывали на прошлом собрании) нес домой — ну, в смысле, в свою комнату — мешок с песком. Спросил так, словно бы шутейно, невзначай — зачем, мол, что такое? Тот сказал, что грунт для кактусов. Позвал к себе, растения продемонстрировал: Краслену показалось, что с какой-то очень уж услужливой готовностью. Об этом эпизоде он, конечно, тоже известил начальника завкома и добавил от себя: в горшках для кактусов удобно что-нибудь прятать.

Остальные пролетарии — Краслен это заметил — тоже стали подозрительно смотреть на окружающих. Глядели косо чуть ли не на каждого, включая и Краслена, и Маратыча. Конечно, больше всех гнобили Аверьянова. Он, кажется, струхнул: сказал, что был глупцом, что больше он не станет отпадать от коллектива, что характер у него, конечно, скверный, но, раз на заводе есть вредитель, он готов переступить через себя и пожать руки тем, кто ему лично не нравится. Сборщики рассказывали, что этот чудака на самом деле стал работать с бо льшим рвением, начал делать прозгимнастику со всеми, сделался общительнее, только, как и раньше, никогда не подпевал песням о Родине: кривился, если слышал что-нибудь патристичное, ворчал, что «режет ухо».

«Может быть шпион таким, как Аверьянов? — думалось Краслену. — Или... Или он ведет себя как коммунист? Как авангардовец? Никто чтоб не подумал? Вот кого бы я не заподозрил никогда?» Он глянул на Бензину. Содрогнулся. Та болтала что-то о будущих детишках вперемешку с рассуждениями насчет гребных команд, пыхтевших в лодках.

— Кто вредитель, как ты думаешь? — прервал ее Кирпичников.

— Какой еще вредитель? — До Бензины не сразу дошло, о чем он думает. Потом она обиделась: — Ты что, меня не слушаешь?! Зачем мы пошли в парк? Чтоб думать о вредителях?! Как будто ты не можешь хоть минуту подумать о чем-нибудь другом? Обо мне, например...

Типичный женский ответ. Или все же?... Мог бы так сказать вредитель? Просто совпадение! Совпадение! Девушка права, он слишком много думает про все эти дела, пора отвлечься...

В поисках того, что могло бы его отвлечь, Краслен повертел головой и у кромки озера

заметил Кларозу Чугунову. Она расхаживала взад-вперед в широких трусах из агитсатина, разрисованных серпами и молотками, и держала на худеньком плечике здоровенное весло. Товарищей с завода Чугунова как будто не замечала.

— Хорошо бы нам дали комнату не в пятом корпусе, а в шестом, — рассуждала между тем Бензина. — Там кровати встроенные и столы откидные, а двери, как в поезде, раздвигаются.

— Ты весь день сегодня только и говоришь о всякой материальной ерунде, — заметил Краслен. — То стулья, то столы, то шкаф, то койка... Скоро так до самоваров с фикусами дойдешь, обывательница!

— Сам ты, Кирпичников, обыватель! — не моргнув глазом ответила девушка. — Согласно статье двадцать седьмой всенародно принятой Конституции С. С. С. М., каждый гражданин имеет право на жилье. Так что и мечтать о жилье законом не возбраняется! А критиковать стремление здоровых пролетарок к отпавлению естественных потребностей — это левый уклон и идеалистическое заблуждение!

— Это каких таких потребностей, интересно?

— А вот таких! — Кирпичникову показали язык. — Ладно, сиди. Я сейчас.

Стоило Бензине ненадолго отойти, как Чугунова нарисовалась возле Краслена:

— Товарищ Кирпичников! Вот так счастье, наконец-то хоть один человек с нашего завода!

— Да я, собственно, не один... — ответил Краслен.

Клароза сделала вид, что не слышала этого неприятного замечания. Последующие десять минут она донимала пролетария разговорами о своих трудовых рекордах, заслуженных медалях, правильных поступках и общественных обязанностях.

— Кстати, как тебе мои шортики? — спросила она, решив напроситься на комплимент.

— Неплохие... — из вежливости ответил Краслен. — Этот фасон нынче в моде, я его в газете видел на днях.

Чугунова расплылась в улыбке, но расслабиться и сползти с общественно-значимой на мелколичную тему себе не позволила.

— Да, кстати, о газетах! — заявила она. — Молодец наш Революций! Выявил Непейко, заклеил его как... сидорову козу! Наш Маратыч скоро новое собрание собирает, внеочередное, по директору решать.

— А что решать-то с ним? — раздался неожиданно голос Бензины. — Гнать, и все тут! Он же следствию мешает! Как только его снимем — сразу же Маратыч и вредителя отыщет.

«Все теперь считают, что Непейко виноват, — решил Краслен. — Народ не ошибается. Ну, значит, так и есть».

Раздался выстрел, и теперь уже гребчихи — две команды — налегли на весла. Мерный плеск воды соединился с доносившимися из громкоговорителя обрывками веселой «Румбы-негры».

На другой день внеочередное собрание завкома постановило освободить Непейко от должности директора. Нового не выбрали: пока вредитель не был обезврежен, назначать кого-то из рабочих на ответственную должность было бы опасно. Все сошлись на том, чтоб комитет стал коллективным руководом предприятия. Маратыч обязался выловить вредителя не позже завершения квартала, а Люсек внес предложение повысить продолжительность рабочего дня на два часа и добровольно помогать рабочим сборочного цеха после смен и в выходные. Предложение было принято почти единогласно: Аверьянов, естественно, выступил против.

6

Прошло две пятидневки. Несмотря на все усилия рабочих, дело шло из рук вон плохо. Процент брака, за которым раньше не особенно следили, а теперь решили пристально

наблюдать, вдруг оказался неожиданно высоким и, похоже, даже повышался. Беспокойство нарастало. Пролетарии смотрели друг на друга подозрительно. Красленовы соседи больше не общались, не читали вечерами свежей прессы, не следили коллективно за опасным предприятием знаменитой летчицы, беспосадочно летевшей над тайгой, не спорили о методах борьбы с социалистами и новых кубистических картинах из фойе. Каждый день слышалось о скандалах между пролетариями, заподозрившими друг в друге вредителя. Ходили слухи о каких-то якобы шпионах, шастающих ночами в коридорах комбината: кто-то говорил, что слышит их шаги, другие — что шпион стучится в двери жилище, третьи вовсе утверждали, что однажды, выйдя ночью в коридор, увидели агента капитала, но тот был вооружен лучами смерти, и арестовать его не вышло. Решено было выставить часовых. Теперь рабочим, кроме прочего, пришлось еще и бодрствовать ночами — кто дежурил в коридорах, кто на крыше комбината, кто на проходной, кто в своем цеху. По утрам они ходили квелие, зевали и терпели обвинения в плохом качестве работы.

Кое-кто стал поговаривать о том, что надо просить помощи из Центра, мол, самим не справиться. Таких трусливых личностей Люсек честил в газете, обвиняя в недопонимании сути коммунизма, состоящей в полном всенародном самоуправлении, и едко добавлял, что только брюнны с их фашистскими порядками не могут сами думать головой и делают все по указке руководства. Каждый день Люсек писал о бракоделах, опоздавших на работу, равнодушных, зевунах и анекдотчиках, клеймя их как виновных в том, что гад-вредитель до сих пор не обнаружен. На столовской стене каждый день возникал новый список рабочих, мешавших тому, чтобы выполнить план за два года и покончить со шпионом. Там же помещались призывы не жалеть сил на работе, не бояться брать на себя новые обязательства, приходить на смену раньше, уходить с нее позже, дерзать, внедряться, порывать, взлетать, бороться, бросать вызов, грохотать, гореть, кипеть, взрываться.

Несмотря на все эти красивые слова, жизнь становилась все мрачней и напряженней. Из коридоров комбината исчезли художники, так любившие возиться на полу со своими творениями; спортзал и бассейн опустели; в читальном зале попадались только втузовцы, которые готовились к экзаменам, — библиотека опустела, словно не было ликбеза, словно современный красностранный пролетарий не был самым прогрессивным и культурным пролетарием на свете, а все так же, как и при царе, не думал ни о чем, кроме еды. Музыкальную комнату закрыли. Радио молчало. Говорили, что оно мешает часовым смотреть и слушать. Тех, кто ставил грампластинки, называли подозрительными: якобы на них под видом музыки мог быть шпионский шифр о тайнах предприятия. Шариков больше не читал стихов в цехах: он взялся помогать на сборке аппаратов. Прекратилась профгимнастика: уже не приходила в цеха тренерша в футболке и трусах, не слышен был ее задорный голосок под сводами рабочих помещений, не вздымались вверх, подобно дымным трубам, трудовые руки честных граждан, не сливались заводчане, словно море, в одном свободном мышечном движении. Паузы в работе оказались бы помехой в выполнении того плана, что был принят в качестве ответа на вредительские действия шпиона. «Точно как при первой пятилетке», — бормотал порой Никифоров. Его никто не слушал, а Краслену иногда всерьез казалось, что старик — агент Брунеции, который специально отвлекает болтовней от выполнения всенародного плана.

С Бензиной Краслен начал ссориться: видимо, испорченное шпионом бытие определило их сознание, сделав это самое сознание мрачным и нервическим. Времени на встречи стало не хватать — в свой выходной Краслен помогал сборщикам. Бензина не хотела понимать того, что он обязан первым делом заниматься коллективным, а потом уж только личным. Обижалась. Было в ней, в Бензине, все же что-то обывательское, старое, из быта прошлых лет, нехарактерное... Раньше, в спокойное время, Кирпичников как-то не думал об этом, должно быть, среда растворяла Бензиныны слабости. В час испытаний ее недостатки стали заметнее. Краслен все чаще сомневался: может быть, напрасно он так привязался к синим глазкам, русым косам, тонким пальчикам и прочим женопрелестям? Решил, что коммунизм уже построен, и расслабился, про моральный облик товарища-подруги

позабыл... Однажды сгоряча назвал ее «душонкой самоварной», а Бензина вроде как в отместку появилась со Светпудом — стропальщиком третьей категории, глупым, но смазливym. Вскоре помирились, но осадок остался.

— Разве краснострaнки так ведут себя? — частенько говорил Краслен Бензине. — На заводе диверсант, от плана отстаем, а ты все про кино, про развлечения... Людей бы постыдилась! Ведь и так уже тебя подозревают.

— Что, и ты, и ты подозреваешь? — дерзко спрашивала та. — Давай, скажи! Считаешь, я вредительница?! Что ж ты со мной ходишь?! Сдай меня Маратычу, а сам ходи с Кларозой!

Как-то раз в одном из Новомировых журналов Краслен прочитал о такой болезни, при которой люди встают по ночам и, не помня себя, ходят по дому, совершают какие-то действия. Еще он где-то слышал, что ангеликанцы спрятали на полюсе такой секретный центр, из которого повсюду рассылают радиосигналы, уху недоступные, но всякого, кто случайно ловит их приемником, превращающие в глупого, безвольного раба.

А что, если Краслен, помимо своей воли, загипнотизированный, ночью встал и заминировал конвейер? Или вдруг капиталисты влезли в его голову, и он, совсем того не чувствуя, штампует себе брак, а сам, дурак, считает, что отличнейший работник?!

Между тем вредитель продолжал делать свою черную работу. В металлическом цеху испорченный станок, который подняли краном, чтобы вывезти из цеха, сорвался и упал. По счастью, никого не зашибло. Вместо этого разбилась совсем новая машина, на которую грохнулось вышедшее из строя средство производства. Приключилось это дело на другой день после глупой выходки Бензины, собиравшейся заставить пробудиться у Краслена чувство ревности — пустое, устаревшее, мещанское. Одним из тех, кто закреплял станок на тросах, был как раз Светпуд. Головоотяпы страстно уверяли всех, что это не нарочно, что всему виной недосыпание, работа по две смены и волнение.

— Волнение? — усмехнулся Революций, когда все сбежались посмотреть на место преступления. — Боялись что ль? Кого ж это? Шпиона? Что, коленочки трясутся при одном упоминании буржуев? Интере-е-е-сно!

— Да не виноваты мы! Ей-богу! — стали клясться опиумом стропальщики.

Маратыч покачал головой и решил пока что поместить «молодцов» под домашний арест. Потом сказал всем:

— Так, товарищи, вы что здесь собрались? А кто — работать? Быстро по цехам, вредитель где-то рядом!

Но было поздно. Под шумок, пока все пролетарии смотрели на свалившийся станок, шпион проник в текстильный цех и изрезал кучу заготовок.

Вечером Кирпичников пришел к Бензине в комнату. Девчата собрались вокруг тарелки, говорившей тихо-тихо — слушали отчет о заседании ЦК партии.

— Можно тебя ненадолго? — спросил Краслен.

Бензина вышла в коридор в красном халатике в зеленый дирижаблик.

— Что это за ерунда на тебе? Нелепица какая-то... Пародия на отечественное авиастроение!

— Нормальный рисунок! — обиделась девушка. — Значит, Кларозе с молотками можно, а мне с дирижаблями нельзя, так получается?! И вообще, ты что, про одежду пришел спросить?

— Нет... Бензина... Я пришел спросить... Ты где была, когда все собрались у нас в цеху?... Когда упало...

— Где?! С тобой стояла рядом! Что, не видел?!

— Нет...

— Неудивительно! Ведь ты уже давно не замечаешь меня!

Не дожидаясь ответа, Бензина развернулась и скрылась в своей комнате. Дверью она хлопнула так громко, что из двух соседних жилищеek появились лица любопытных, часовой

схватился за свисток, а с потолка посыпалась штукатурка.

7

Когда физиономии соседок спрятались обратно, а штукатурка перестала сыпаться, Кирпичников почувствовал себя ужасно одиноким. Минут пять он простоял как дурачок в унылом коридоре женкрыла, пустом и темном. Потом двинулся в ту часть жилкомбината, где жили семейные. Замешкался. Вздыхнул. Сжал губы, повернулся, двинул обратно. Снова прошагал мимо Бензиной ячейки и пошел по направлению к своей собственной.

— Краслен! — услышал он, едва успев проделать шагов двадцать.

На пороге комнаты, соседней с той, чья дверь захлопнулась с такой ужасной силой, стояла Клароза. Она аккуратно закрыла свою ячейку и тихо, на носочках, приблизилась к Кирпичникову.

— Я все знаю, — серьезно и неожиданно произнесла Чугунова.

— Что «все»? — настороженно спросил Краслен.

— Про вас с Бензиной. Я сейчас слышала, через стенку. Давай отойдем. Я должна кое о чем сказать тебе, товарищ Кирпичников.

Кирпичников позволил отвести себя на лестницу. Клароза, как актриса кинофильма, кокетливым жестом пригладила свои стриженные под мальчика волосы, повела плечиками, бросила игривый взгляд из-под ресниц и сообщила:

— Я очень извиняюсь за подслушивание... Просто наш Спартак Маратыч — это я тебе, конечно, по секрету — попросил меня помочь ему. Я девушка весьма передовая, так что он мне доверяет больше всех на предприятии. Просил следить за окружающими, все ему докладывать. И знаешь, что я думаю?! Бензина...

— Почему ты так решила? — оборвал ее Краслен, не дожидаясь конца фразы.

— Эх, Кирпичников! Любовь тебе глаза совсем застит! Я, конечно, понимаю, что наш класс не отрицает, а приветствует естественные свойства человека вроде сексуального влечения и стремления к производству новых пролетариев... Но ведь всем же очевидно, что Бензина — нетипичная особа, с буржуазными замашками! То эта дурацкая окраска, часы в парикмахерской, то нежелание добровольно заниматься помощью на сборке в выходные... Эх, Краслен! Нестойкая Бензина. Слабый у нее характер. Видимо, не может она жить своим умом, как я, к примеру... Поддается буржуазной пропаганде!

— Пропаганде?

— Ну, а чем иначе можно объяснить ее предательство?

— Предательство?!

— Краслен, разуй глаза! Ведь ты же сам заметил, что сегодня, когда все сбежались глянуть на свалившийся станок, Бензины не было! Как закройщице крыльев, ей было сподручнее всего нагадить в швейном цеху!

— Подожди, но...

— А прогулки с этим подозрительным Светпутом? Думаешь, я их не заметила? А то, что ее не было тогда, когда взорвали в сборочном?!

— Тебя же тоже не было...

— Краслен, да как ты можешь?! Я болела, не могла подняться с койки! И потом, все знают, что я очень прогрессивная! Я знаю наизусть все речи руководителей на последнем съезде партии, я всегда по-пролетарски одеваюсь, у меня медали «За спасение утопающего» и «За помощь при тушении пожара»!!!

— Ну ладно, ладно...

— Ох, Краслен! Да над тобой же все смеются!

— Все?.. — Кирпичников хотел только подумать это слово, но невольно произнес его вслух.

Верить Чугуновой не хотелось, значительно сильнее не хотелось оказаться дураком, предателем, негодным коммунистом, обманутым влюбленным. Чувства говорили, что

Клароза — врунья и сплетница, но разум, трезвый разум, прогрессивное и твердое сознание пролетария заставляло согласиться.

— Мы должны сказать Spartak-Маратычу, — сказала Чугункова. — И немедленно. Сегодня я весь вечер просидела, размышляла, стоит это делать или нет! И только услышала, как она нелепо обвиняет тебя в том, что ты с ней невнимателен, чтоб как-то оправдаться и отвлечь твоё внимание от следствия, — сразу поняла все! Ну? Идем?

— Маратыч уже спит...

— Краслен! Ты что, так сильно любишь эту буржуинку?

Нет, нет, нет, Кирпичников не может быть влюбленным во вредительницу. Он разочарован. Все прошло.

— Маратыч будет только рад тому, что разбудили!

Разумеется. Бензину обезвредят, и опять начнется жизнь — хорошая, веселая, свободная, наполненная пением пластинок, оживленная трансляциями радио и яркая, как лампочка в четыреста свечей. Краслен найдет подругу — нет, с Кларозой он не будет, хоть ей этого и хочется. Есть множество других девчат — красивых, прогрессивных. Расставание, разочарование — с кем такого не случалось? Не случайно Краснострания не признает брачных уз и клятв в вечной верности!

— А если мы не скажем, то Маратыч завтра-послезавтра все равно разоблачит твою Бензину! Тогда все будут думать, будто ты её пособник. Разве это правильно?! — продолжила Клароза.

Нет, конечно же, неправильно. Совсем несправедливо. А Кирпичников ведь хочет справедливости во всем, разве не так?

— Ну что, идем?

— Идем, — сказал Кирпичников. — Вернее, я один. Я, знаешь ли, и сам уже все понял, сам уже собрался...

И Краслен опять пошел по направлению к семейному району комбината, к той ячейке, где жил начзавком с женой и сыном.

Он прошагал вдоль коридора с электрическими звездами на ровном потолке, взял лифт, за минуту поднялся в прозрачной кабине на двадцать четвертый этаж. Вышел в холл с большим портретом Первого (покойного) вождя, уютными диванами и пальмами в кадках. Отыскал ячейку № Б-3478. Остановился перед дверью. Задумался.

«Считаю до ста и стучусь. До двухсот. Нет, до ста, решено! Раз, два, три...» — начал было Краслен.

И вдруг ясно услышал:

— Все стихло?

— Похоже, что да. Продолжаем. На чем мы закончили?

— На паникерстве.

Первый голос был Spartak-Маратыча. Второй же... нет, не может быть! Краслену показалось, что второй принадлежит Аверьянову.

— Сначала зачитайте, — сказал третий.

Аверьянов («Точно Аверьянов!») забубнил:

— «Уважаемый мистер! В соответствии с вашими указаниями на заводе „Летающий пролетарий“ в течение последнего месяца ведется подрывная работа. Осуществлен взрыв в сборочном цеху. В обстановке общей паники испорчен ряд станков. В целях облегчения работы отстранен директор, взято под контроль руководство предприятием. Качество работы ухудшается, процент брака увеличивается благодаря продлению рабочего дня, введению ночных дежурств, нагнетанию всеобщей подозрительности, слежки, паникерства».

— Отлично, — сказал третий голос. — А дальше вот так... хм... «Случайные инциденты выдаются за вредительские акции в целях насаждения в массах чувства страха и бессилия».

— Слишком длинно.

— В самый раз! Я в этом разбираюсь, я же журналист! — ответил Революций. Третьим был не кто иной, как он.

Краслен слушал, ничего не понимая.

— Добавьте про меня, — сказал Маратыч.

— Что добавить?

— Добавьте про то, как замечательно я умею изображать честного коммуниста и запудривать рабочим мозги в частных беседах!

— Тыфу ты! — буркнул Аверьянов. — Хватит уже выпячивать свою никчемную персону!

— Ты просто боишься, что главным назначат меня!

— Ерунда!

— Ты не придумал ничего, кроме как быть слишком подозрительным, для того чтобы тебя заподозрили всерьез! А я и директора сместил, и массы так ловко обманывал, и патрули, и всеобщую слежку устроил...

— Хватит! — буркнул Аверьянов. Он так возмутился, что чуть не перешел с шепота на нормальную, громкую речь. — Главным мистер назначил меня, и так, значит, и будет, пока мы задание не выполним полностью. Ты, Spartak, только и думаешь о собственных амбициях, вместо того чтоб приближать победу мирового империализма!

— Да уймись! — пискнул Революций. — Вы же все испортите, нас кто-нибудь услышит! Мы еще не написали про станок, который так удачно для нас грохнулся...

— Это не просто удача, — опять влез Маратыч, — а плод моей долгой работы. Кто придумал ночные дежурства, благодаря которым стропальщики не выспались? Кто заставил коллектив повысить план и увеличить смену?

— Ты, скотина, ты, предатель чертов! — закричал в ответ Кирпичников, пинком открыв дверь в комнату. — Думал, что рабочие болваны?! Думал план сорвать?! Мерзавец! Сателлит!

Последние слова Краслен выкрикивал, уже будучи на полу, куда его повалили Аверьянов с Революцией. До того, как оказаться лицом вниз с вывернутыми руками, Кирпичников успел разглядеть перепуганные физиономии заговорщиков и шифровальную машинку на столе, вокруг которой все они собрались, чтобы сочинить отчет своему гнусному начальнику. Потом, когда заткнули рот, связали, надавали тумачков и усадили на конструктивистский складной стул, Краслен смог рассмотреть обстановку семейки: встроенный шкаф, раздвижная кровать, откидная столешница, люлька-трансформер, в которой спокойно сопел сын Маратыча. Мать была на дежурстве на заводе и, наверно, не догадывалась, кто был тем вредителем, кого она ловила.

— Ы-ы-ы! — сказал Кирпичников. — Он имел в виду «мерзавцы». Кляп не давал говорить. Да и что тут особенно скажешь? Остыв, Краслен понял, что сделал огромную глупость, открыв заговорщикам, что раскусил их.

Прислужники буржуазии переглянулись.

— Прикончим? — спросил Революций.

Краслен замычал, забрыкался.

— Не надо, — сказал Аверьянов.

— Прикончим и кинем куда-нибудь! Скажем, вредитель убил! Вот тогда будет паника! — азартно предложил Spartak Маратыч.

— Нет... Опасно... Мистер не велел нам убивать.

— Да что ты трусишь?!

— Так! Отставить! Кто здесь главный?! Я сказал — не станем, значит, так и будет. Может, его видели, когда он шел сюда! Понятно вам?

— А может, арестуем? Объявим, что мы с Люськом нашли вредителя и это был Кирпичников?

Краслен сверкнул глазами.

Аверьянов сел на стул, взглянул насмешливо на связанного пленника и нагло сообщил ему:

— Не бойся, дорогой! Не арестуем. Будешь бегать на свободе, штамповать свои детали и помалкивать, ведь правда же? Зачем тебе шуметь? Чего добьешься? Станешь начзавкома обвинять во всяких гнусностях — ну кто тебе поверит? В лучшем случае объявят дурачком. Ведь ты согласен? А?

Краслен не шевельнулся.

— Вижу, что согласен. Мы договоримся, да, Красленушка? Маратыч, скажешь тоже — «арестуем»! Не-е-е-ет! Кирпичников же честный. Против нашего Красленушки улик нет. Он же не отсутствовал на собрании, не работал в текстильном цеху, не кокетничал со Светпутом, допустившим столь опасную небрежность! Он же не Бензина Веснина!

Краслен вздрогнул.

— Организуйте арест Весниной! — приказал Аверьянов. — Сейчас же.

Люсек и Маратыч ушли.

— Вот такие, Краслеша, дела. Я сейчас отвяжу тебя, будешь свободен как ветер. Без девки. Хотя есть возможность, что Веснину ты еще когда-нибудь увидишь. Если не будешь болтать. Уяснил? И запомни: Маратыч везде уши держит. Вякнешь — самому же хуже будет, назовут тебя сообщником. И девушке тогда...

Краслен сглотнул.

— ...не поздоровится.

8

— Ну, привет, — ответил с удивлением завскладом. — Ты чего с утра пораньше?

— Я хотел спросить, — сказал Краслен. — Вот завод — наш, рабочий. А чьи махолеты? Они, получается, тоже рабочие?

— Ясное дело. А чьи же? Они коллектива.

— Значит, и мои? — спросил Кирпичников.

— А как же!

— Получается, я мог бы взять летатлин? Ну, на время?

— Конечно, — ответил завскладом. — Ведь ты его сделал. Но только... зачем? Отпуска ж отменили. Какие полеты? Пока наш Маратыч не словит вредителя, надо работать, бороться... Сейчас не до этого.

«Не знает, что Бензина арестована. Отлично. А не то еще подумал бы, что я ее сообщник. Труд великий! Надо же — „сообщник“! Неужели я и вправду мог подумать, что она... Но думают же другие!»

Кирпичников еще раз убедился, что бессилен перед заговорщиками, бессилен открыть глаза коллективу на их козни. Маратычу верили беспрекословно. Его имя звучало то и дело, едва речь заходила о вредителе, о плане, о заводе, пролетарском руководстве, справедливости, решениях партсъездов, борьбе классов... Лишь вчера это имя казалось Кирпичникову символом всего коммунистического, правильного, умного. Для обманутых товарищей оно и по сей день таким являлось. Почему Кирпичников и сам все это время поддавался агитации Маратыча — нелепой буржуазной пропаганде? Как мог коллектив молодых и сознательных красных рабочих, воспитанных в безбожии, в духе борьбы и новейших научных открытий, подписанных на «Армадилл», «Трудовую звезду» и «Известия», могущих за пять минут разобрать пулемет или маузер, мыслящих трезво и твердо, позволить так себя облапошить, отдать предприятие в лапы буржуйским приспешникам?!

Краслен, как ни старался, не мог этого понять.

Остаток страшной ночи он ворочался в кровати, думал про Бензину — как она там, под арестом? — и высчитывал, какие есть возможности бороться с заговорщиками. Они были так уверены в том, что контролируют массы, что действительно отпустили Кирпичникова.

Уверенность эта возникла не зря. Поразмыслив, Краслен пришел к выводу, что у него нет другого выхода, кроме как отправиться в Столицу к руководителям и просить их о содействии. Конечно, права отлучаться с производства Кирпичников не имел. Но речь шла о спасении завода от шпионов и вредителей. Краслен не сомневался, что товарищи и партия, как только разберутся, что к чему, простят ему прогулы.

— Ну так что? — спросил завскладом. — Для чего тебе?

— Хочу тренировать мускулатуру. Физкультурой заниматься после смены. Для борьбы с врагами партии.

— Что же, это дело правое! Вот, выбери — какой тебе.

Он полетел налегке. Паспорта красностранцы давно отменили, в деньгах и вещах пролетарий нужды не имел: знал, что пищу, врачебную помощь, советы и кров он получит бесплатно. Захватил лишь рабочую карточку — так, если вдруг придется доказывать, что он и правда с завода летатлинов. В прачечной взял свежий комбинезон. Ни с кем не прощался. Тихонько пробрался на крышу, залез в махолет, сделал взмах, другой, третий... и вскоре увидел свой город как будто в макете, на плане — таким, каким был тот когда-то для дерзких новаторов архитектуры, для тех инженеров коммуны, кто смело ломал старый быт, не боясь показаться обывателям сумасшедшими.

К полудню Краслен был уже далеко от завода, Маратыча и арестантской, в которой томила Бензина. Под ним расстилались зеленые пастбища, ровные прямоугольники хлебных полей, позабывших о том, что такое соха или конная тяга. Он видел корпуса сельхозкоммун — большие, светлые, порою различал то тут, то там фигуры женщин в длинных красных юбках, или спины загорелых коммунаров, или очертания рычащих тракторов.

Чем дальше летел, тем сильней восхищался Краслен. Там, внизу, простиралась то города-ленты, протянувшиеся вдоль рек; то города-здания, представлявшие собой один гигантский стоэтажный комбинат; то города, состоящие сплошь из круглых, похожих на обсерватории домов, вращающихся следом за солнцем; а то такие поселения, что сперва, на глаз, казались самыми обычными, но стоило поближе их узнать, как обнаруживались вещи, заставлявшие Краслена вновь и вновь дивиться прогрессивности страны. В одном из таких неприметных, на первый взгляд, городков он, усталый, совершил посадку, посетил питательную станцию, а после попросился на ночлег в один из домиков, так радовавших глаз и белым цветом, и опорами-«ногами», и окошками, как лентой, опоясавшими здание по периметру. Оказалось, что на каждом этаже этого дома господствует свой вид половых отношений: на первом этаже — многоженство, на втором — многомужество, обитатели же третьего вообще не признают союза и живут, обобществив друг друга. Пролетарию, который рассказал, что он летит в Столицу, чтобы сообщить о факте гнусного вредительства, конечно, не могли не дать ночлега. Проведя одну ночь в удивительном доме, Кирпичников покинул его, исполненным восторга: оказалось, что здесь обитают не только самые прогрессивные женщины Краснострании, но и выдающийся пролетарский поэт Вперед Впередович Дырбулцилский со своей боевой подругой, мужем подруги, возлюбленной мужа подруги и прочими родственниками.

Следующую ночь Краслен провел в летучем доме. Этот дом-коммуна был похож на бублик с ответвлениями, на каждом из которых, словно бусины на нитке, помещались жилищечки. Дом болтался в воздухе в компании нескольких таких же фантастических творений инженерии и держался наверху магнитным полем. Специальные площадки для посадки крылолетчиков Кирпичников нашел весьма удобными. Летатлинами пользовались все жители города: внизу, посреди леса, был завод по обработке древесины, где трудилось население летучего поселка.

Хотелось задержаться здесь подольше, поглядеть на чудеса красной науки, хоть часок полюбоваться на разнообразие, красоту и мощь своей страны, которую как будто бы и знал, но, как теперь оказалось, мало. К сожалению, он не мог себе позволить тратить лишнее

время даже на еду, даже на сон.

Отдохнув совсем немного, он полетел дальше.

Летел, летел, летел...

А там, внизу, под ним, кипела жизнь, трещали провода под напряжением, день и ночь дымили электрические станции, неслись автомобили, вверх и вниз ходили лифты, грохотали экскаваторы, думпкары и строительные краны, пело радио, играли граммофоны, стрекотали пишмашинки, волновались телефоны, сообщали телеграфы... Опутанная проводами, ослепленная электричеством, скованная рельсами, пронзенная метро, земля Республики все больше покорялась человеку, бывшему какой-то век назад ее рабом. Человек вгрызался в скалы, осушал болотистые почвы, строил дамбы, поворачивал вспять реки, стремился ввысь и вглубь, дерзал, искал, осваивал, все больше утверждаясь в своей власти над природой.

Электрические звезды, рукотворные озера, домны и мартены, поезда и гидроглиссеры, нефтевышки и радиобашни, солнцелюбовительные станции и угольные шахты, безлошадные трамваи и бесплатные троллейбусы... «Мое! — шептал Кирпичников. — Народное!» Он и не думал, что богат до такой степени.

В век дизеля, солярки, керосина, электричества и пара двигаться при помощи летатлина, тем более когда на волоске судьба завода и твоей любимой девушки, — нелепо. Но Краслен не выбирал. Порой он приземлялся на вагоны проходящих поездов, немного отдыхал и делал в час не двадцать километров, а под сто. И все же до Столицы лететь оставалось еще долго. Через три дня после вылета Кирпичников проделал только полпути: страна родная была слишком широка. Плечи болели. Он все чаще начал думать, что компания вредителей за этот срок могла расправиться с Бензиной и стереть завод с лица земли.

Предаваясь этим мрачным мыслям, на четвертый день пути на куче щебня, в товарном вагоне поезда, следующего куда-то в направлении Столицы, пролетарий разглядел не крупный самолетик, догоняющий состав и, судя по всему, летящий в том же направлении. «Просто путешественник? Быть может, подвезет?» — мелькнула мысль. Кирпичников напятил крылья и, как мог быстро, поднялся на ту же высоту, где был аэроплан. Там Краслен принялся кружить, надеясь привлечь внимание авиатора. Самое удобное было бы, конечно, выровнять скорости и побеседовать с ним в параллельном полете, но, увы, безмоторный аппарат не мог догнать даже самый скромный самолетик, а самолетик не мог снизить скорость до такой степени, чтобы уподобиться летатлину.

Авиатор, кажется, заметил махолетчика. Сначала он пролетел мимо, но вернулся и заставил аппарат кружить вокруг Краслена. Так они летали, словно две планеты Солнечной системы, то сходясь, то расходясь: летатлин ближе к центру и помедленней, аэроплан — побыстрей и с большим радиусом.

— Товарищ! — выкрикнул Кирпичников так громко, как сумел, когда машины на мгновение стали рядом.

Авиатор открыл люк и выкрикнул в ответ:

— Я слушаю!

Голос был женский. Так, значит, не летчик, а летчица!

— Помогите! — заорал Краслен.

Аппараты разошлись. Пришлось дожидаться новой встречи.

— Мне! — добавил он спустя несколько секунд.

Еще один цикл.

— В столицу!

Снова.

— Тороплюсь!

Еще.

— Вредитель!

Опять.

— На заводе!

— Я лечу в столицу! — прокричала летчица в ответ. Ее голос тоже то приближался, то удалялся, то пропадал в шуме мотора, и Краслену наполовину приходилось угадывать, что она говорит. — Я... гу... взять... нельзя... вас... перелет... беспоса... осадочный!.. сесть...

«Ей нельзя садиться! — понял пролетарий. — Беспосадочный полет! Рекорды ставит!»

— Я... не знаю... умайте... попасть... самолет... адо пры... — кричала летчица.

«Прыгать в самолет? — думал Кирпичников — Я прыгнул бы... Да только вот откуда? Не получится...»

— Послушайте!

Еще цикл.

— Вы могли бы...

Разошлись вновь.

— Пролететь...

Еще.

— Над поездом.

Круг.

— Сбросить!

И опять круг.

— Лестницу!

Снова круг.

— Верб...

Похоже, поняла... Аэроплан перестал кружить вокруг летатлина, встал точно над поездом и начал снижать скорость и тихонько опускаться.

Краслен быстро спланировал обратно на товарный вагон, сбросил крылья и, увязая в щебенке, побежал к высунувшейся для него лестнице.

Нет, тоннеля впереди не оказалось, как бывало это обычно в кинофильмах.

Кирпичников не без труда ухватился за веревочную лестницу, вцепился в нее в ужасе от скорости, пополз наверх, болтаясь на ветру, добрался до крыла, влез на скользкую поверхность из металла и был втянут в самолет красоткой в шлеме.

Пять минут спустя, придя в себя, Краслен с восхищением рассматривал летчицу. Кожаные штаны, кожаная куртка нараспашку, под ней — свитер. Боевые ордена на круглом бюсте. Бледное лицо — точь-в-точь актриса! Губы цвета вишни. Черные глаза, густо накрашенные темно-серыми тенями. Тоненькие бровки (сколько их выщипывали?), выгнутые так, что на лице прекрасной авиаторши как будто бы застыло удивление.

Труд мой! Он же видел эту девушку в газете «Новый быт»! Это ей подражала Бензина, когда вдруг решила покраситься в черный! Это ее фотокарточку втайне хранил Новомир.

— Жакерия, — бросила красавица.

— Краслен, — сказал Краслен.

А сам подумал: «Черт, с ума сойти! Катаюсь в самолете Урожайской!»

Жакерия Урожайская была известной летчицей и дважды героиней Краснострании. Она ставила рекорды высоты и скорости, летала над тайгой, высматривая заблудившихся геологов, которые самоотверженно искали для страны нефть, спасала со льдины полярников, вывозя поодиночке на своем крылатом друге, бросила вызов одной буржуазной особе, считавшей себя авиаторшей, — и победила, конечно... Теперь Кирпичников сидел возле величайшей в Республике личности, и она вела себя так, будто в этом нет ничего особенного.

— Подайте мне, пожалуйста, шоколадку. Вон там, в том мешке.

Краслен осторожно вынул плитку «Школьного» с девчонкой в красной шапочке юнкома на обертке. В вещмешке осталось еще двадцать — тридцать штук.

— Я вами восхищаюсь, — сообщил он Жакерии, глупо улыбнувшись.

— Да? Спасибо, — отвечала Урожайская довольно равнодушно. — Впрочем, я ведь просто исполняю задания партии.

— О, конечно! — брякнул Кирпичников, не придумав ничего более толкового.

Немного помолчали.

— Самолет — моя стихия, — наконец сказала Жакерия. — Здесь я дома. Вот только одно удручает: курить нельзя. Приходится как-то отвлекаться, занимать чем-то рот. Можно еще шоколадку? И термос. Вон там...

Термос был разрисован красными супрематистскими фигурами рабочих. Кирпичников невольно залюбовался ими.

— Это мне товарищ Буеров подарил, — сказала летчица с теплотой.

— Сам Крылолет Буеров?! — изумился Краслен.

— В честь спасения полярников. Дал вместе с орденом, — гордо ответила девушка. — Там еще варежки были, но я порвала их, когда с парашютом прыгнула и по тайге две недели бродила.

Краслен был как пьяный. С какими людьми он общается!

Внизу проплыл какой-то новый город: с высоты он выглядел нагромождением цилиндров, сфер, параллелепипедов, гигантских шестеренок, звезд с пятью концами... То ли здание, то ли группа зданий показалась очень похожей на большой бетонный кукиш, обращенный к небесам.

— А я, — сказал Кирпичников, — как раз к нему и еду. К Буерову.

— К Крылолету Крылолетычу?

Буеров был любимцем рабочих, одним из старейших партийцев и красным инженером тяжелой промышленности. «Инженер» в данном случае являлось не профессией, а названием ответственности. Когда-то именно так Первый вожь решил назвать членов коммунистического правительства — комкрина (Комитета Красных инженеров). Им ведь предстояло строить новый мир.

Избирался комкрин съездом партии ежегодно. Кто-то, вроде Буерова, побеждал каждый раз; другие замещались, не оставив никаких воспоминаний. После смерти Первого вожь принцип коллективного руководства выполнялся неотступно. Впрочем, это не мешало лучшим из партийцев быть более уважаемыми, чем прочие, менее выдающиеся. Но назвать кого-то самым сильным, самым умным, самым справедливым было невозможно. Президента красностранцы не имели. Председатель же комкрина заменялся каждый месяц, так что за год на этой должности имел возможность побыть каждый из двенадцати «министров». Что же до принятия законов, то важнейшие из них давал стране Съезд партии, а частные декреты принимал Совет художников, который избирался всенародно, в том числе и беспартийными. На выборах туда обычно состязались абстракционисты, футуристы, экспрессионисты, кубисты, супрематисты...

Будучи безмоторными аппаратами, летатлины все-таки считались авиацией, а значит, относились к тяжпрому. Буеров являлся главным руководом для Краслена и его товарищей с завода. Кто же, если не он, мог наказать банду Маратыча?

— Зачем, — спросила Жакерия, — к Буерову полетели?

Пролетарий объяснил.

— Кошмар! — сказала летчица. — Так что ж вы мне про это пораньше не сказали?! Я бы сразу тогда скорость прибавила.

Машина зарычала и помчалась, словно мысль поэта.

— Нынче ночью или рано утром будем там, — услышал пролетарий.

Краслен задремал. Он то спал, то опять пробуждался, с трудом понимая, что летит в самолете самой Урожайской, смотрел за окошко, не видел Столицы и вновь засыпал. Сквозь забытие он слышал шум мотора и хрустение шоколадок, поедаемых Жакерией. К этим звукам сонный мозг Краслена пририсовывал различные картины.

Как только Кирпичников смог толком уснуть, — по крайней мере, так ему показалось, — летчица ткнула его локтем в бок:

— Посмотрите! Вы видели что-нибудь подобное?

Краслен стряхнул сон. За бортом была ночь, сквозь которую уже начинал пробиваться

рассвет. Прямо по курсу прорисовывалась четкая фигура человека: он как будто звал куда-то, приглашал широким жестом следовать за ним. Позади фигуры виднелся кусочек желто-розового неба: выходило, будто это она делает зарю, рождает новый день, зовет солнце всходить.

Кирпичников узнал фигуру сразу. Это была статуя Вождя — того, покойного, — которая стояла там, где раньше, при царизме, возвышался крупный храм — известный символ мракобесия и отсталости. Высочайшая из статуй всего мира, она была вполне видна уже сейчас, когда Столица только-только рисовалась путешественникам в виде скопища огней и непонятных силуэтов вдалеке. Постаментом для Вождя служило здание, где обычно проходили съезды Партии. Внутри фигуры, как слышал Кирпичников, имелись помещения, в которых помещались ЦК Партии, архивы, Респкомакадемия и, кажется, музей. Эх, вот бы побывать там! Правда ль, нет ли, что в одном лишь пальце Вождя сумела поместиться танцплощадка для знакомства и общения авангардовцев?

— Снижаемся, — сказала Жакерия, когда Столица из невнятного видения стала ярким городом со множеством огней, высоких зданий, навесных автомобильных магистралей и самих автомобилей, различимых с высоты.

9

В приемной было чисто: ни пылинки, ни окурочка на мраморном полу. Краслен сидел на лавке и разглядывал мозаику на стенах, где изображались сцены классовой борьбы и производства чугуна. Он приготовился сидеть долго: понимал, что у крина работы хватает. Но, к собственной радости, Краслен не успел повторить про себя подготовленную речь о вредителях даже двух раз: из кабинета Буерова вышла девушка в черной юбке, белой блузке и красной косынке.

— Вы Кирпичников? Входите.

Краслен встал.

— Товарищ Буеров готов принять вас.

Кабинет оказался совсем небольшим. Может быть, он казался меньше, чем есть, из-за того, что все стены были заняты книжными полками с трудами научкомовских классиков. Все — кроме одной, на которой помещался портрет Первого вождя, карта Республики и план Столицы, напоминающий комету: старый район кольцевой планировки и новый, хвостообразный, — в том месте, где красностранные архитекторы решили разорвать круг, по которому из века в век бессмысленно ходили их предки.

В стороне от входа помещалась раскладушка — между клепаной ракетой, украшавшей интерьер, и некой железякой (видно, первой плавкой неизвестного завода). Остальное пространство занимал стол, снабженный лампой с зеленым абажуром, парой-тройкой телефонных аппаратов, письменным прибором, где чернильница имела в сечении вид звезды, и печати. Над столом висела на веревочке модель бомбардировщика.

Крылолет Крылолетыч, простой человек в старой кожанке, с острой бородкой и хитрым прищуром, вышел из-за стола, подал руку:

— Буеров.

— Кирпичников, — сказал ему Краслен.

Он страшно волновался. Кринтяжпром пришел на помощь:

— Как я понял, вы открыли факт вредительства?

— Так точно... То есть... Да, товарищ. На заводе безмоторных аппаратов в Правдогорске. Целый заговор. И самое ужасное, что с ними начзавком, Спартак Маратыч Разин! Массы ему верят просто слепо, контрагитации никак не поддаются!..

— Погодите-ка, товарищ! — перебил Краслена крин. — А долго вы к нам ехали?

— Да долго... Дня четыре. На летатлине сначала, а потом товарищ Урожайская с собой взяла.

«К чему это он спрашивает?» — думал пролетарий. Вдруг пронзила мысль: «Опоздал! Завод уже разрушен!»

— Товарищ Жакерия... Как же знаем, знаем, — бормотал между тем Буеров, роясь в ящике своего стола. — А вы слишком медленный транспорт избрали. Смотрите!

Он вынул номер какой-то газеты и положил перед Красленом. На первой полосе крупным шрифтом значилось: «Разоблачение банды шпионов-вредителей». Ниже виднелись портреты Люська и Маратыча — мелкие, скверного качества и здоровенное фото, где был изображен коллектив заводчан, голосующий за обвинение предателей. Дата стояла вчерашняя.

— Уже за решеткой. Все трое, — сказал Буеров, улыбнувшись.

Краслен сначала жутко обрадовался, а потом почувствовал себя невероятно глупо:

— Ох, товарищ Буеров! Что ж это я, получается, зря работу прогулял, притащился сюда, вас побеспокоил... Ну и ситуация... Бывает же такое... Уж простите!

— Будет извиняться! Вы, Кирпичников, отлично поступили, как и должен настоящий коммунист.

— Я беспартийный...

— Это почему же?

— Не успел еще, — сказал Краслен смущенно. — Я пока что кандидат. Меня рассмотрят скоро.

— Ну, значит, примут, — улыбнулся Буеров. — Считайте, что партийный.

— Так точно, — стесняясь все больше, ответил Кирпичников. Чуть помолчал и добавил: — Вы меня, Крылолет Крылолетыч, простите, что я, как дурак... заявился... Пойду я, пожалуй, не буду мешать вам работать.

— Что ж так сразу-то? Присядьте, пообщаемся... Да что вы так стесняетесь? Ведь я же не министр, не царь, не барин! Я такой же пролетарий, как и вы. И, кстати, ваш приезд совсем не глуп. Кто ж знал, что их раскусят накануне? Ведь могли же не раскусить. Вы, Кирпичников, медаль заслужили!

— Ну уж прямо...

— Прямо-прямо! Сядьте, что стоите! Мне б хотелось с вами пообщаться. Чай будете?

— Спасибо...

Кирпичников сел. Чай у Буерова был несладкий, но душистый. «Крылолету Крылолетычу от цеха № 5 завода „Серп и молот“», — прочитал Краслен на подстаканнике.

— А как же их раскрыли? Кто из наших? — спросил он, несколько расслабившись.

— Да вроде как застукали на месте преступления, — ответил Буеров, присев на край стола. — Подробностей не помню. Токарь, что ль, какой-то... Яшин... Яковлев...

— Наверно, Якобинцев Новомирка! Он сосед мой! — выпалил Кирпичников. — Отличный человек! Все нормы выполняет, да еще изобретатель! Спец по физике. И химию штудирует.

— Как здорово... — ответил Крин задумчиво. — А я вот тут сижу и день и ночь, как будто управляю производством, а сколько у станка-то не стоял уж... Иногда так не хватает настоящего общения с рабочими... ну, то есть смычки с массами...

— Да что вы! Вы же настоящий, наш, народный пролетарский руковод!

— Ну, ладно, коли так. А то вот я беспокоюсь: вдруг да оторвался от рабочих, ну, а сам-то не заметил? Ведь бывает. Вы мне вот что: расскажите про завод свой. Только без прикрас. Какие настроения? Может, жалобы? Успехи с культпросветом?

— Да думаю, товарищ Буеров, теперь, когда шпионы пойманы, у нас все просто лучше некуда! Работаем неплохо, пятилетку вот надеемся до срока... Все почти партийные. Ну, что еще сказать?... Не знаю прямо.

— Так уж все отлично? А вы подумайте, подумайте! Ведь разве так бывает, чтобы не на что пожаловаться? А?

Краслен задумался.

— Ну, разве что... Вот супа нам привозят двенадцать видов. Этого мало. Раньше было

двадцать. И солянки не дожدهшься.

Буеров расхохотался:

— Ох, и молодежь пошла! Супов им мало! Эх, Кирпичников! Вот если б вы в Гражданскую... Вот если б в годы Первой пятилетки... Мы тогда картошке были рады, даже мерзлой. И под дождем мокли посреди степи, и в бараках по двадцать человек ютились, и работали шестнадцать часов в день, чтоб дать стране угля, завод построить к сроку! Ладно, не смущайтесь! Ведь шучу я. Для того мы и терпели, и трудились, чтобы молодежь не знала голода и жизни этой старой, нафталиновой, с дурацкой суетой и мелким бытом! Пейте, пейте чай-то!

Кринтяжпром похлопал пролетария по плечу.

— А культработа?

— С культработой тоже все в порядке. Просвещаемся, журналы изучаем. В заводской библиотеке вечно очередь...

— Приятно это слышать. А читают что, к примеру? Пинкертон? Или посерьезней?

— Ну, кто как. Бензина вот, девушка моя, про космос любит. Делер научным атеизмом увлекается, Пятналер — диаматом, партисторией. Хм... Пялер не читает, но зато он в драмкружке.

— А вы, Кирпичников?

— Да я обычно это... Языки учу по книгам.

— Путешествовать хотите?

— Может, придется. Кто там знает... Просто нравится.

— И много изучили?

— Как сказать... Ну, вот англиканский знаю твердо. Шармантыйский тоже понимаю, изъясняюсь более-менее. Брюннский тоже уже выучил. Дошел до эскеридского.

— Кирпичников! Да вы же полиглот! Умней интеллигентов получаете!

— Мне нравится учиться. Не плевать же после смены в потолок...

— Конечно! Разумеется! — воскликнул Буеров. — И все же это здорово! Когда-то мы мечтали, чтобы пролетарии хотя бы были грамотны, и это нам казалось страшно трудным и далеким! А теперь...

Краслен привык к тому, что пролетарии увлекаются наукой, мастерят, изобретают, сочиняют, просвещаются, рисуют и играют в драмкружках, что в цехах звучат строки классиков, а не мат, что выходные отдаются спорту и искусству, а не посиделкам за самогоном. А товарищ Буеров застал иные времена. Может быть, он был в чем-то счастливее Кирпичникова, раз мог радоваться вещам, которые казались молодежи привычными и естественными: отсутствию вшей, электрической лампочке, радио, массовой школе, бесплатным больницам, метро и свободе от эксплуатации...

Буеров о чем-то призадумался. Он встал и взад-вперед прошелся по комнате.

— Так, значит, языки. Три штуки знаете... — сказал он себе под нос, и Кирпичников не понял, это вопрос или утверждение.

Кринтяжпром остановился, повернулся к пролетарию и по-англикански задал несколько вопросов. Тот ответил быстро и по делу.

— Хм, почти что без акцента! — удивился Буеров. — Общались с иностранцами?

— Нет-нет! Товарищ один старший был в Ангелике, вот он и научил произношению.

— А сами бы хотели? — спросил крин.

— Что... сам?

— Попутешествовать?

— Какой там... Мне, конечно, интересно, но какие путешествия, когда капитализм у них в Ангелике? Война того гляди... Вот будет мировая революция, наступит коммунизм на всей Земле, тогда поеду. Поглядеть-то интересно.

— Революция так просто не случится. Надо ее сделать. Нам и вам, — заметил крин.

— Да, надо...

— Ну так что же? Вы бы как, рискнули?

— В каком смысле?

— Вы, Кирпичников, хотели бы поспособствовать тому, чтоб революция в Ангелике случилась?

— Разумеется хотел бы!

Пролетарий посмотрел на Буерова. Тот глядел серьезно, не шутил.

— Мне дадут задание? — спросил Краслен негромко.

— Если вы готовы. Партия не будет заставлять вас что-то делать, ведь тем более вы в ней не состоите. Если не готовы к путешествиям и к риску — возвращайтесь на завод, трудитесь мирно, мы вас не осудим. Производство безмоторных аппаратов, в общем, тоже... приближает революцию.

Сколько раз Кирпичников слушал истории Никифорова о борьбе с царским режимом! Сколько раз видел во сне баррикады, борьбу, настоящие подвиги! Сколько думал о том, что родился не вовремя, поздно, когда в героизме страна перестала нуждаться! Неужели мечта сбудется?! Упустить свой шанс Краслен не мог.

— Товарищ Буеров, если так нужно, я готов поехать! Я счастлив, что партия дает мне шанс проявить солидарность с мировым пролетариатом! Вот только справлюсь ли? Во втузе не учился, кроме крылолетов, ничего и не видал...

Крин тепло улыбнулся, по-отечески положил Кирпичникову руку на плечо:

— Справитесь, Кирпичников! Задание простое. Даже опасаясь, что оно разочарует столь горячего товарища, как вы. Джона Джонсона знаете?

Джонсон был вождем Компартии Ангелики. Когда-то эта партия участвовала в выборах, имела вес в стране, но в последние годы совсем зачахла. Под предлогом борьбы с иностранным влиянием буржуазное правительство запретило ее, а на Джонсона развернуло настоящую охоту. Несколько раз он побывал за решеткой, не упуская возможности клеймить своих врагов на судебных процессах, стерпел огромное количество клеветы, изрыгаемой в его адрес газетчиками, то исчезал из поля зрения и даже считался мертвым, то вновь возникал там, где шла ожесточенная борьба труда и капитала... До масштабов Первого вожда Краснострании он, конечно, недотягивал, но... был чем-то в этом роде.

— Знаю, разумеется!

— И, знаете, должно быть, что сейчас ангеликанское рабочее движение переживает трудный этап. Наш долг — помочь ему. Необходимо передать Джонсону портфель с кое-какими важными документами. С какими именно — я вам не скажу, это дело такое...

— Да-да, понимаю!

— Вы отправитесь в Ангелику, встретитесь с Джонсоном в условленном месте, передадите портфель и вернетесь на другой же день. Как видите, все очень просто и даже скучно. У вас неброская внешность, твердые убеждения, вы знаете язык, поэтому я остановил выбор на вас. Партия ведь не может посылать человека, которого капиталисты уже знают в лицо. Нам нужен кто-то неприметный. Рядовой. Но идейный.

— Я готов, — сказал Кирпичников.

— Спасибо вам, товарищ! Как я рад, что наша молодежь не обленилась, не утратила классовый инстинкт, готова к подвигам! Ступайте прогуляйтесь по Столице. Вы, наверно, первый раз тут? Ну, а вечером придете часов в девять — я скажу, чтоб пропустили, — дам вам вещи и инструкции.

Кирпичников вышел из здания управы тяжпрома и оказался на главной площади Столицы. Здания этого, шедевра прогрессивных архитекторов, он толком не рассматривал, когда спешил к начальнику. Только теперь, узнав, что завод и Бензина вне опасности, Краслен расслабился и стал приглядываться к тому, что его окружает. А вещи, как оказалось, окружали его грандиозные.

Управа тяжпрома, прямоугольная в основании, снабженная по периметру изящной колоннадой, к которой вели мраморные лестницы, представляла собой четыре башни, соединенные на высоте мостами-переходами: башни такие высокие, что Краслен не мог

различить их вершины, даже задрав голову. Зато ему прекрасно было видно, как внутри этих товарищей-небоскребов снуют люди, ходят вверх-вниз лифты: окна почти во всю стену делали строение прозрачными, невесомым и доказывали, что красному правительству нечего скрывать от народа. Кирпичников подумал, что здание подобно четырем кораблям, идущим бок о бок. Как носы судов в древности украшались изображениями русалок или сказочных существ, так же и основание каждой из башен архитекторы снабдили гордыми скульптурами рабочих. Друг за другом стояли шахтер, сталевар, метростроевец, судостроитель. С обратной стороны, догадывался Кирпичников, наверняка были еще какие-нибудь скульптуры. Но обойти управу он не мог: толпа народу не давала сделать ни шагу.

Рано утром, когда Краслен пришел в центр, здесь было почти пусто. Что же случилось? Кирпичников хотел поскорее отправиться в Мавзолей Первого вождя, находившийся точно напротив того места, откуда он только что вышел, но, судя по всему, это было невозможно. Кое-как Краслен пробился к выходу с площади и вышел на широкую улицу в надежде, что там сможет прогуляться спокойно. Не тут-то было.

Главная столичная улица тоже оказалась заполнена народом и усеяна листовками, которые падали и падали с самолетов. Кирпичников подобрал одну и, прочтя, ухмыльнулся: это встречали Жакерию Урожайскую. Стало быть, он, случайный попутчик героини, совершившей беспосадочный перелет, тоже мог считать себя виновником торжества.

Жакерия проехала несколько минут спустя: в открытом автомобиле, украшенном цветами, нарочно едущем на малой скорости, с черными прядями, выбивающимися из-под расстегнутого шлема, и дымящейся сигаркой в восхитительных малиновых губах. Она махала ручкой в грубой кожаной перчатке, улыбалась и, как подобает закаленной и спортивной коммунистке, без труда поймала букет розовых тюльпанов, кем-то брошенный. Краслена Жакерия не заметила. А может, не узнала? Он попытался протиснуться ближе, но без толку. Наверно, героическая летчица уже позабыла своего попутчика, которого высадила на аэродроме нынче утром и который бросился к метро еще до того, как о приземлении Жакерии стало известно. От этой мысли Кирпичников чувствовал себя обиженным и как будто бы даже ревновал. Впрочем, нет, ревновать он не мог, он любил лишь Бензину, а эта особа с сигаркой... А может?.. Да нет же, Бензину, и только!

Когда кортеж машин, везущих летчицу, конструкторов ее аэроплана, ее тренеров, помощников и разных ответлиц, исчез в воротах, что вели к центральной площади, Краслен пошел бродить по городу.

Он вглядывался в целеустремленные и радостные лица на широких проспектах, задира голову, пытаясь сосчитать количество аэропланов и махолетчиков, ежесекундно пронесившихся над головой, с любопытством прислушивался к дикторским голосам, звучащим из радиоточек. Сначала вглядывался в каждый небоскреб, в каждое монументальное строение, в каждую статую, в каждую поражающую воображение и вздымающуюся к солнцу светлую громадину из стекла и бетона. Потом перестал: слишком много их было.

Видел Краслен и прозрачные здания-шары, подвешенные на опорах, и здания-цилиндры, похожие на поставленные стоймя бесконечно длинные папиросы, и здания-полусферы, словно выросшие из земли по приказанию человека, как грибы-дождевики в ответ на влагу. Поняв, что не сможет увидеть и сотой доли столичных чудес, Краслен сел в автобус. Плексигласовый вагончик на пропеллере легко поднялся ввысь, туда, где на крыше огромного дома читался ряд красных букв: «Даешь новый быт!»

«Следующая — площадь Рабинтерна!» — объявил вагоновожатый.

Кирпичников полетел наугад и оказался возле Выставки Народного Хозяйства. Пройдя через ворота, представляющие собой гигантскую вращающуюся шестеренку, Краслен попал на площадь с огромным фонтаном в центре, вокруг которой располагались павильоны. Несколько часов он, переходя из одного в другой, разглядывал модели авиаматок и дирижаблей, уменьшенные электрогенераторы и солнечные батареи, проекты детских садов и рекопворотных установок, новые обтекаемые автомашины и радиоприемники, свиней-

рекордсменок и красных рысаков. Кони этой масти, выведенные тридцать лет назад товарищем Чумириным, известным красностраним селекционером, были гордостью отечественного животноводства. В них была не одна, а целых две лошадиные силы. Хотя с распространением тракторов надобность в этой силе на полях отпала и красные кони стали катать детвору в зоопарках, они остались одним из главных символов С. С. С. М. наряду с черным квадратом и пятиконечной звездой.

Послеобеденное время Краслен провел на матче по авиаболу. Внутри поля — прозрачного куба — носились спортсмены на крыльях-летатлинах, пытаясь загнать мяч в корзину противной команды. В Правдогорске не было площадок для такого вида спорта. Как мечтал Краслен увидеть матч не в собственной фантазии по радиорассказу, не с газетных фотографий, а вживую! И — сбылось.

Обратно, к главной площади, он ехал уже в сумерках. Краслен чуть-чуть жалел, что он приехал в мае, когда ночи столь короткие и светлые. А как бы хорошо смотрелась башня Интернационала в темноте! Наверно, не было бы видно ни нижнего, кубического этажа, ни среднего — пирамидального, ни верхнего — цилиндрического, вращающихся каждый с разной скоростью. В ночи Краслен видел бы лишь огни, неоновые лампочки, которые волшебным образом повторяли очертания дерзкой башни, новой вавилонской лестницы на небо, каждую минуту изменявшиеся... Он еще приедет, разумеется, приедет, чтоб увидеть этот монумент во всей красе, узреть во тьме рубиновые звезды на старинной башне крепости, расписанной пролетарским художником, покататься в авиабусе... С Бензиной. Или... Нет, с Бензиной, обязательно!

Вернувшись на главную площадь за час до указанного Буеровым времени и найдя ее почти пустой, Краслен зашел наконец и в Мавзолей. Торжественные и печальные красноармейцы в буденновках и шинелях революционных времен (была среди них и одна красноармейка — показатель того, как далеко ушла страна от средневекового неравенства полов) молча указывали путь в каменных коридорах. В крипте было зябко и гудел рефрижератор: по решению съезда Партии Вождя не стали делать мумией. Как мамонт, он был заморожен в полной целостности до тех лучших времен, когда наука найдет способ для его оживления.

Вождь лежал в хрустальном саркофаге — тихий, бледный, невесомый. «Какое странное зрелище, — подумалось Кирпичникову. — Мертвый революционер! Ведь сама суть революционера в том, чтобы жить, жить так ярко, как только можно: воевать, любить, кипеть, бороться...» Он еще раз глянул на лицо Вождя и подумал, что это лицо спящего человека, а никак не мертвого. Снова пришла мысль, что Краслен родился слишком поздно, не застал Вождя живым, не смог сражаться с ним в одном строю, свергать царя, осваивать пустыни, строить ГЭСы... Все, что остается, — это пользоваться плодами работы старших товарищей да видеть перед собой вместо вождя пустую оболочку его... Нет, нет, как так можно думать?! Буеров ведь дал задание. Краслен послужит Родине, послужит мировому пролетариату... Жаль, что задание слишком легкое. А вдруг он не сумеет выполнить даже такое?

Краслен мысленно попросил Вождя помочь ему в загранпоездке и пообещал во что бы то ни стало не трусить и не сдаваться раньше времени, если что-то пойдет не так. Потом, уже сильно промерзший, направился к выходу.

— Я знал, что вы придете, — сказал крин, копаясь в своем шкафчике.

Краслену и в голову не приходило, что можно и не вернуться. Струсить, плюнуть на задание и уехать в Правдогорск.

— Конечно, я пришел. А как иначе? — удивился пролетарий.

Внезапно откуда-то из глубины кабинета — Кирпичников совершенно не понял, каким образом, — возник человек в черном комбинезоне, с маленькой черной бородкой и сросшимися бровями. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, увидел Краслена, будто бы испугался и застыл. Буеров взволнованно обернулся, бросил на неизвестного сердитый

взгляд, и тот мгновенно скрылся.

— Похоже, он решил, что я один здесь, — сказал крин, не обернувшись, пролетарию. — Я прошу вас: никому не говорите, что вы видели.

— Он тоже по заданию? Как я? — сказал Кирпичников.

— Ну да. В какой-то степени. В интересах дела мировой революции я не могу вам ничего о нем рассказывать.

— Разумеется, я понимаю!

— Так что оставим этот разговор. — Буеров достал из шкафчика бумаги. — Ваш билет на пароход. Паспорт на имя шармантийского туриста Ноэля Лефевра. Вы ведь говорите по-шармантийски?

— Да-да, вроде бы неплохо...

— По прибытии в Манитаун остановитесь в гостинице «Мэйфэйр»: вот вам бронь. К девяти вечера того же дня вам надо быть в кабаре «Черная кошка» на Фиш-стрит. Джонсона узнаете по густой бороде, серому костюму и соломенной шляпе, за лентой которой будет заткнут кусочек желтого картона. Пароль: «Как вам эта погодка, сэр?» Отзыв: «Мерзкая, но я видал и хуже». Все запомнили?

— Запомнил. А тот... в черном... не подслушивал пароль? — спросил Краслен.

— Вы не беспокойтесь, я все контролирую, — ответил Буеров. — А вот портфель для Джонсона. Открывать его не следует. Обращайтесь с портфелем аккуратно, не трясите, не переворачивайте, там хрупкие вещи. Обратный билет получите от Джонсона.

— А он не даст мне еще какого-нибудь задания?

Буеров ухмыльнулся:

— Не знаю. Возможно. Увидим.

10

Пароход «Степан Халтурин» отошел от красностранных берегов почти пустым. Уезжать из С. С. С. М., судя по всему, никто, в том числе гости, не спешил, так что судно оказалось заполненным едва ли на четверть. Горничные и официантки, иногда попадавшие на глаза Краслену, откровенно скучали. Немногочисленные пассажиры одиноко бродили взад-вперед по прогулочной палубе, слишком огромной для их маленького числа. Пустынно-сонная атмосфера на пароходе напоминала картину какого-нибудь реакционного художника из-за границы. Да и во всех интерьерах корабля, в стиле жизни на нем явно сквозило что-то буржуазно-разлагающее: все эти курительные салоны, ресторанные подавальщицы, лифтеры в мундирах, оркестранты в смокингах, день и ночь игравшие фокстротики... «Должно быть, для скорейшей адаптации за границей, — объяснил себе Кирпичников. — И чтобы интуристам дом напомнило».

В первый день он с любопытством сновал по всем закоулкам парохода, пробовал пробраться на техническую палубу, глядел в радиорубку через замочную скважину, просился в машинное отделение, посетил спортзал, библиотеку и деткомнату и долго-долго всматривался в волны за бортом. На второй день Краслен заскучал. На прогулочной палубе он познакомился с пожилой парой ангеликанцев, возвращавшихся из путешествия, чтобы проверить на них свое владение языком. Владение оказалось неплохим. Ангеликанцы сказали, что в Красностраании им очень понравилось, что нигде они не встречали таких приветливых, компанейских людей, нигде не видели такого трудового энтузиазма, нигде не сталкивались с таким уважительным отношением к женщине и таким заботливым — к детям. Вот только одно им не понравилось: то, что красностранцы считают свое метро уникальным, отказываются верить в то, что за морем оно тоже есть, и несколько не хуже. Краслен не понял, зачем ангеликанцы врут ему, что у них якобы тоже есть метро, и обиделся. Как будто он не читает красностранных газет и ничего не знает о ситуации в Ангелике! Ладно бы считали его красностранцем — но Краслен-то ведь представился шармантийским туристом, собратом ангеликанцев по капиталистической формации! Ему-то зачем врать? «Еще не успел

доехать, а уже и здесь вражеская пропаганда!» — подумал Краслен и распрощался с подозрительной парочкой.

Не намного приятнее оказалось следующее знакомство. Толстый лысый дядька развалился в кресле недалеко от компании играющих в карты интуристов и внимательно наблюдал за ними, время от времени записывая что-то в блокнотик. Краслен заглянул ему через плечо и увидел, что буквы в блокнотике брюннские. Скромно представился. Новый знакомый сказал, что он писатель и ездит по миру, ищет материал для своих сочинений. Он спросил, знаком ли Краслен с его творчеством, и, когда оказалось, что нет, потерял интерес к «шармантийцу». Кирпичников решил не приставать и убраться подальше, пока литератор не взялся записывать еще и за ним. Оказаться персонажем чужой книги не хотелось: почему-то Краслен был уверен, что положительный герой из него не получится.

На третий день, когда до прибытия оставалось совсем недолго и Краслену до невозможности захотелось домой, на завод, в Правдогорск, в ресторане к нему подсел тип лет пятидесяти в серых подтяжках, без галстука, без пиджака. От него сильно пахло спиртным.

— Уильямс! — представился тип так, как будто Краслен его ждал.

— Лефевр, — отозвался Кирпичников без особой охоты.

— Шармантиец! — удовлетворенно произнес незванный собеседник. — Я бывал в Шармантии. Конечно, вы не знаете профессора Сильвена. Превосходный человек! Мы с ним работали! Надеюсь, еще свидимся. Да что уж... Еще свидимся, конечно!

— Вы — ученый? — произнес в ответ Кирпичников из вежливости.

— Да! — сказал Уильямс. — И горжусь этим! Поверите ли, нет ли, ни минуты не жалел, что стал биологом!

Биологу явно хотелось выговориться. Похоже, ему не давала покоя какая-то мысль, из-за которой он напился и теперь решил излить душу случайному попутчику. Краслену было все равно: он никуда не торопился. Уильямс крикнул еще выпивки, посетовал, что здесь, на красностранском пароходе, не дают бифштексов с кровью, дал Краслену два рецепта жарки мяса, проследив, чтоб тот записывал, потребовал пельменей, потом начал объяснять, что происходит внутри мышечных волокон в ходе термообработки, перешел к строению белка, затем к пептидам, что-то нес об аденине, гуанине, нуклеиновых кислотах и каких-то непонятных «основаниях». Краслен кивал и слушал, слушал и опять кивал. Уильямс пересказывал какие-то истории из практики, шептал, как заговорщик, об открытиях, которых он не сделал, но когда-нибудь однажды точно сделает, с трудом, но вспоминал названия диссертаций и статей во всех журналах и хвалил учеников.

— А сейчас над чем вы работаете? — спросил Кирпичников, решив, что после ответа на этот вежливый вопрос надо будет ретироваться в каюту.

Уильямс помрачнел.

— Уже ни над чем!

— Как же так получилось?

Ученый наклонился и трагически сказал:

— Лефевр, не знаю, что вас привело в страну, откуда мы уехали... но это ужасное, ужасное место! Я сюда больше ни ногой!

— Да что вы?! — изумился Кирпичников.

— Ужасное, ужасное... Нет, все эти коммуны, пролетарское правительство — пожалуйста! Они мне даже нравятся. Я, знаете ли, даже был за Джонсона, за левых, за рабочих... Но сюда... Нет-нет, не уговаривайте!

— Что у вас случилось?

— У меня? По счастью, ничего. — Уильямс важно откинулся на стуле. — Потому что вовремя уехал!

Затем он снова наклонился к самому лицу собеседника, дыхнул в него перегаром и мрачно сообщил:

— Меня пригласили работать в одну красностранскую лабораторию. Конечно, я

согласился! А вы на моем месте разве не согласились бы?! Всюду говорили о том, что в Краснострании созданы лучшие условия для ученых! К тому же я сочувствовал коммунистам, однажды даже защищал их в печати...

Уильямс съел пельмень, слегка задумался.

— Вообще-то, все условия действительно имелись. И работа шла неплохо. До тех пор, пока на лабораторию не напали.

— Как напали? В каком смысле?

— Вот в таком... Представьте, что в один прекрасный день вы приходите на работу и обнаруживаете двери выбитыми, мебель раскиданной, опытные материалы и оборудование — похищенными, а охранников и случайно задержавшуюся лаборантку — убитыми!

— О, тру... боже мой! А вредители... вы их нашли?

— Нашли! Как же! Пока мы думали, что бы это могло значить, и как восстановить результаты работы, исчез ведущий специалист лаборатории, доктор Заборский.

— Что, сбежал?

— Зачем бежать? Похищен! Все так думают.

— Безумие какое-то...

— На следующий день пропал доктор Синицын. Потом Юбер и Вальд — приглашенные иностранные специалисты. После этого я решил не испытывать судьбу, плюнул на все это исследование и купил билет на пароход. К счастью, успел сесть на него раньше, чем...

Уильямс крикнул, выпил рюмку и уныло отвернулся.

— Как вы думаете, здесь они меня не достанут? — спросил он через некоторое время.

— Мы же в море!

— Но ведь есть аэропланы... И подлодки... Я два дня просидел, запершись, в каюте. Извелся весь, больше не могу.

— Если хотите, посидите у меня, — сказал Краслен.

— А вдруг узнают?! Если нас подслушали?!

Уильямс посмотрел по сторонам. Направо, через столик, расположились два ангеликанца, день назад навравших, что у них там есть метро. На другом конце зала молодая мамаша пыталась покормить капризного мальчишку в матросском костюмчике. Юноша в фуражке и рабочей прозодежде быстро лопал что-то из тарелки, не глядя по сторонам и держа ложку в левой руке. На сцене оркестранты с вымученными улыбками третий раз играли то же самое танго. Больше в ресторане никого не было.

— По-моему, наша беседа никого не интересует, — заметил Краслен.

— Стоп. А вы кто? — вдруг выдал Уильямс и в страхе уставился прямо в глаза собеседнику.

— Вы же сами мне все рассказали, — смущенно ответил тот.

— Ох, мать Божья! — выдохнул ученый. — Я напился как дурак! Какой кошмар! Скажите мне, вы правда не из этих... кто похитил наших двух ученых?

— Нет, конечно.

— Вы действительно Лефевр? Вы мне клянетесь?

— Лефевр я или Смит, какая разница, — сказал Краслен с улыбкой. — Все равно вы не знаете фамилии похитителя. Или похитителей. Могу дать слово, что впервые услышал от вас и о Синицыне, и о Заборском.

— Это потому, что лаборатория была секретная, — сообщил Уильямс, успокоившись. — В газетах ничего об этом не писали. И не напишут.

— В Краснострании нет ничего секретного! — Кирпичников нахмурился. — Народное правительство ничего не скрывает от пролетариев!

— Ха, я тоже так думал, пока не попал на этот объект, — ухмыльнулся ученый.

— Можно узнать, что вы разрабатывали? — осторожно спросил «шармантский турист». — В смысле, если нельзя, я, конечно, не буду настаивать...

Уильямс сказал:

— Оживин.

— Что?! — не понял Краслен.

— Это красностранское слово, — пояснил ученый (беседовали они с Красленом по-ангеликански). — Так условно называли оживляющее средство. Понимаете?

— Что-что? Рецепт бессмертия?

— Нет, до бессмертия нам далеко. Это, так сказать, было бы новое средство реанимации. Разложившихся покойников и тех, кто умер от чумы или от оспы, этим не поднимешь. А вот если смерть была насильственной и произошла недавно, то средство должно работать. Теоретически. Мы добились оживления некоторых отдельных тканей и органов у умершей сутки назад мыши. Я уверен, что еще совсем немного, и она б зашевелилась... Черт возьми! Мерзавцы унесли всех наших мышек!

— Поразительно... Не то поразительно, что унесли, а ваши опыты.

— Мы были совсем близко!

— А на практике... — задумался Краслен — ведь получается, что если вдруг война...

— Да-да-да-да! Вот именно! Поэтому все было так секретно! Представляете: война, где нет погибших, все солдаты воскресают! Сторона, у которой будет оживин, выиграет любую войну! Выиграет еще до начала, потому что никто вообще не решится воевать с ней! Черт, черт, черт! Мы были на пороге! Но теперь...

Уильямс обхватил руками голову и принялся лохматить свои и без того нечесанные волосы. Краслену показалось, что он плачет.

— А мамонтов заморозивших вашим средством оживили бы? — спросил он осторожно.

— Может быть... Пожалуй... Да какая, впрочем, разница! Теперь уж все погибло, — мрачно буркнул Уильямс.

Парень в спецодежде вытер губы и ушел из ресторана, забыв кепку. Оркестранты заиграли «Рио-риту».

11

Удивительнее всего оказалось то, что пожилые ангеликанцы не наврали: метро у них действительно имелось. «Надо будет написать об этом в „Известия“, когда вернусь, — подумал Краслен. — Это же надо, кто-то дезинформировал красностранские газеты! Не иначе, и там тоже вредители завелись...»

И все-таки ангеликанская, капиталистическая подземка не могла сравниться с правильной, пролетарской. Поезда, едущие не намного быстрее трамваев, однообразные, без всяких украшений станции и коридоры, облицованные серым камнем, негры, справляющие в переходах малую нужду, нищие, зашедшие погреться и поспать... Проезд — за деньги!

Набриоленные клерки в белых воротничках и черных штиблетах шныряли туда-сюда, не обращая на бездомных ни малейшего внимания, верещали что-то насчет цен на керосин и курсов акций и, торопясь попасть в свою контору, набивались в вагоны, как соленые огурцы, укладываемые в банку честным красностранским пищепромом. Платформа была разделена специальным указателем на две половины: для белых и для черных. Вторая отличалась тем, что на ней не было скамеечек. Напротив каждой половины останавливались вагоны соответствующего класса.

Краслену очень хотелось из солидарности к угнетенным сесть в вагон для негров, но, помня о своем секретном задании, он решил не выделяться. Поезд промчал его через несколько одинаковых станций, разделенных темными туннелями, а потом неожиданно вывез на поверхность и стал поднимать все выше, и выше, и выше, взбираясь по мосту, перекинутому над проезжей частью. Краслен с любопытством смотрел из окна вниз: там стояли, не будучи в силах проехать сквозь пробку, ряды архаичных смешных студебеккеров и бьюиков последней модели. Это ехали на работу финансовые и промышленные заправилы, хозяева ипритовых заводов и радиостанций, день и ночь пугавших обывателей «ужасным коммунизмом», бывшие и будущие министры, обладатели воды, земли и электроэнергии,

шиншиллистских жен и разбриллиантенных любовниц. Среди железных коней затесалась допотопная телега какого-то фермера. Даже с высоты было видно, как его лошадь то и дело шарахается от автомобильных гудков.

Поезд тем временем продолжал взбираться вверх. Через несколько минут Краслен с удивлением обнаружил, что он уже на высоте пятидесятиэтажного небоскреба. Здесь, на специально оборудованной площадке, располагалась станция. «Стоун и компании билдинг», — объявили по громкой связи, и сотня клерков высыпала из поезда, чтобы разойтись по своим конторам и скорее начать работать на папашу Стоуна.

Дальше поезд понесся по мосту, опорами которому служили два небоскреба. Равнодушные ангеликанцы распределились по вагону, где стало значительно свободнее, достали свои сэндвичи и начали жевать их. Любопытный до всего Краслен продолжал таращиться в окно. Теперь внизу оказалась уже не проезжая часть, а другая ветка метрополитена, проходившая тридцатью этажами ниже; земли не было видно вовсе. Перед глазами то и дело мелькали пестрые рекламы, покрывавшие стены небоскребов. Черные мойщики бесстрашно висели возле окон верхних этажей. Черные верхолазы монтировали на крыше электрическую вывеску. Черный рабочий жевал бутерброд, сидя на стреле крана и болтая ногами в грубых хлопковых штанах цвета индиго.

Неожиданно Краслен отпрянул от окна. Небольшой двухмоторный самолетик несся, казалось, прямо на поезд, но неожиданно спикировал и пролетел ниже, точно между двумя воздушными линиями метро.

— Похоже, вы не здешний, раз так испугались, мистер! — весело заметил пассажир, сидевший рядом.

— Я турист.

— Вам нечего бояться! Воздушное движение довольно плотное, особенно по утрам, но к этому быстро привыкаешь. Здесь совершенно безопасно.

— А самолет не врежется в небоскреб? — спросил Краслен, отмечая про себя, что, хотя он и привык к высоким зданиям и полетам, здесь все как-то уж слишком.

— Нет, такого быть не может, — отвечал ему попутчик. — Это же Ангелика!

Десять часов Краслен просидел в гостинице. Посмотреть на незнакомый город, конечно, хотелось, но это могло нарушить конспирацию, так что от прогулки Кирпичников решил воздержаться. Из номера он вышел только раз, чтобы перекусить. В гостиничном кафе не было ничего, кроме яиц с ветчиной, апельсинового сока и кофе: видимо, хозяин заботился о том, чтобы клиенты не мучились проблемой выбора. Покупать еду за деньги казалось смешным и нелепым, но Краслен изо всех сил делал вид, что для него это самое привычное дело.

Портфель для Джонсона стоял возле кровати и заставлял без конца думать о себе. Сидя в уборной или отлучившись покушать, Краслен без конца воображал себе злоумышленников, которые похищают его драгоценный груз, лишая тем самым ангеликанских пролетариев возможности устроить революцию. Когда же Кирпичников был в номере, портфель тоже не давал ему покоя. Хотелось узнать, что внутри. Несколько раз Краслен почти решался его открыть, но в последний момент политическая сознательность брала верх, и он не осмеливался нарушить указание товарища Буерова.

Наконец настал момент, когда следовало взять портфель в руки и отправиться с ним на задание. Краслен вышел пораньше, чтобы было время отыскать «Черную кошку», но та нашлась неожиданно быстро, так что он оказался в заведении на полчаса раньше, чем нужно.

Над входом в кабаре помещалась круглая электрическая реклама, часть лампочек на которой горела красным светом, а остальные, незажженные, создавали силуэт кошки, которая то стояла смирно, то, выгибая спину, потягивалась. Под вывеской сидел мальчишка, назвавший Кирпичникова «сэром» и предложивший почистить ему ботинки. Поодаль нищая старуха рылась в мусорном контейнере. «Неграм вход воспрещен», — гласила маленькая вывеска на двери кабаре. Краслен вошел.

Последняя лавка Госспирта закрылась в Краснострании десять лет назад, поэтому запах, стоявший в заведении, чуть не свалил непьющего Кирпичникова с ног. Посетители курили, не переставая, так что сцена, на которой изгалялся юморист, проступала из тумана, как волшебное видение. Буфетчик (или как он там называется в Ангелике?), устроившись за своей стойкой, зевал во весь рот и тряс какую-то штуковину. Напротив него сидели несколько пьяных мистеров в одинаковых полосатых костюмах и идентичных черных шляпах. Запыхавшиеся официанты бегали между столиками, гремя посудой. Основную часть публики составляли мужчины, но имелось и несколько дам: они вертели жемчужные нити в тонких пальцах с очень длинными бордовыми ногтями, без конца роняли с плеч горжетки или ляпочки коротких светлых платьев и нетрезво похихикивали. На голове одной дамы была эгретка с огромным пером. Краслен пригляделся и заметил, что эта совсем юная особа моложе своего щекопузого спутника лет на пятьдесят.

Кирпичников устроился за столиком, взял чашку кофе и стал ждать человека в соломенной шляпе. После юмориста, которого никто не слушал, на сцену вывели дрессированных пуделей, наряженных в фашистские мундиры (как у брюннов) и кожанки с кумачовыми платками (как у красностранцев). Собаки ходили на задних лапах под руководством грудастой девицы в матросском костюмчике, явно размера на два меньше нужного. Потом они немного потявкали друг на друга, вызвав бурные аплодисменты буржуазной публики.

За собачками появилась певица с кучей перьев на голове и длинным, тоже перьевым хвостом, который волочился вслед за ней. «У меня есть одна штучка, одна маленькая такая штучка, — пела артистка, расхаживая взад-вперед и подметая сцену грустными останками невинно убиенных птичек. — Но о ней знает только Джимми, один только мой Джимми... И может быть, еще парочка человек».

Около половины зала с упоением вслушивалась в эту белиберду, остальные равнодушно продолжали есть и пить. На часах было девять. Краслен изучал посетителей, но никого напоминающего Джонсона не видел.

Артистка закончила петь про свою штучку, отстегнула хвост и запрыгала по сцене, весело распевая: «Он видел меня голой, совершенно голой! Ах, какой конфуз! Он видел меня голой, как же так могло получиться?!» Несколько мистеров с красными лицами стали притопывать в такт. Перья на голове певицы сильно раскачивались, и Краслен ждал, не свалятся ли они. Джонсона по-прежнему не было. Краслен был взволнован с самого утра, но только сейчас это волнение стало по-настоящему неприятным.

На сцену между тем высыпало сразу несколько артисток. К их пению Краслен не прислушивался. «А что, если Джонсон убит? — думал он. — Или снова в тюрьме?» В таком случае за ангеликанский пролетариат было, конечно, обидно, но в первую очередь Кирпичникова беспокоило, что ему делать дальше и как выбираться из этой отвратительной страны. Кофе совершенно остыл. В 9:15, артистки повалились на сцену и задрали ноги, представив вниманию публики длинный ряд поп. В ответ раздались бурные аплодисменты, переходящие в овации.

Девица, вышедшая на сцену в полдесятого, уже не пела ничего. Она только пританцовывала и снимала с себя одежду. Когда упал бюстгальтер, в зале воцарилась тишина — такая важная, взволнованная, трепетная, что Кирпичникову поневоле вспомнился Мавзолей. Глаза мистеров заблестели и впились в артистку. Дамы зарумянились и тоже с интересом наблюдали раздевание, покусывая губы.

«Чего это они так разволновались? — подумал Краслен. — Женщину, что ли, не видели?» Потом он вспомнил лекцию о буржуазной стыдливости, прочитанную в их заводском клубе год назад. «Ах да, у них же принято стесняться! И купаются в костюмах! Вот умора!» Освободившиеся от капиталистических предрассудков пролетарии купались и принимали воздушные ванны исключительно нагишом, поэтому Краслена, разглядевшего подробно и давно всех заводчанок, зрелище артистки, прикрывающей кроличьей шкуркой отсутствие лифчика, совершенно не впечатлило. Но все-таки, чтобы не выдать своего

пролетарского происхождения, он тоже потарасился на голую девицу и немного попыхтел.

Больше никаких оригинальных номеров кабаре в тот день не представило: следом за первой раздевшейся девицей последовали еще несколько, проделавших то же самое. Публика следила за действием безотрывно. Краслен без особой надежды ждал Джонсона. В десять его так и не было. Как и в одиннадцать.

На следующее утро Краслен, проснувшись в гостинице, подсчитал остатки денег, выданных Буеровым. Выходило не больше чем еще на одну ночевку здесь, в «Мэйфэйре». Значит, сегодня он просто обязан найти либо Джонсона, либо кого-то другого, кто дал бы билеты обратно, а завтра — отправиться в путь...

Краслен попытался уверить себя в том, что, возможно, Джонсон перепутал дату и придет как раз сегодня. В любом случае иных идей, кроме как ждать человека в соломенной шляпе опять в тот же час в том же месте, у Кирпичникова не было. На этот раз он решил оставить портфель в номере: Буеров советовал не трепать лишний раз секретный объект.

Программа в кабаре была та же самая, что и накануне. «Я становлюсь завсегдатаем», — подумал Краслен, поймав себя на том, что мысленно подпевает девице в перьях. В этот раз, чтобы скоротать время, он купил газету и уныло разглядывал в ней фотоснимки кинозвезды, женившейся в пятый раз; балансирующего на карнизе 77-го этажа акробата в шляпе и с тросточкой; счастливых чемпионов по уанстепу, танцевавших двадцать два часа (на тридцать минут дольше предыдущего рекорда); водолазного костюма облегченной комплектации — не сорок, а лишь тридцать два кило; усатой женщины и прочей дребедени. Статьи сообщали о погрузке слонов на пароход, отставке кабинета Пон-Бюзо и водворении кабинета Колбасье в Шармантии, расстреле демонстрации рабочих «во избежание кровопролития» и черной неблагодарности обитателей колонии, устроивших бунт в обмен на принесенные им ангеликанцами бесценные плоды цивилизации в виде фабричных подтяжек и сельтерской воды. На последней странице помещались рекламы, предлагавшие посетить «отдельные кабинеты», «роскошные апартаменты», «помещения с новейшими приспособлениями» и «салоны массажа». «Массаж делают дамы», — пояснялось для недалеких читателей. Для тех, кто мог лишь горестно вздыхать, читая это, чуть пониже помещалось объявление о продаже «новейших таблеток факира быстреего действия и совершенно безвредных».

В 9:15, когда началось раздевание, к Краслену за столик подсел незнакомец в потертом плаще и поношенной шляпе, утратившей всякую форму.

— Сэр, не угостите выпивкой ветерана Империалистической войны?

«Что-то он не тянет на ветерана», — подумал Кирпичников. Вслух же сказал:

— Я бы рад, только денег осталось едва на метро до гостиницы.

В доказательство он вывернул карманы. В одном из них действительно лежала одинокая пятипенсовая монета. Из второго неожиданно выпали ключи от номера.

— Ах ты! Забыл сдать, когда ушел! — вздохнул Краслен.

— Так вы приезжий?

— Из Шармантии.

— Конечно! Сразу видно по акценту! Как вам город? Где остановились? Я советую...

«Везет же мне на болтунов!» — подумал пролетарий, вспомнив Уильямса. Впрочем, этот собеседник был трезв и ничего особенного рассказывать не собирался. Он произнес несколько расхожих фраз о том, что война неизбежна, вот только неясно, когда, кто и с кем в ней схлестнется. Затем якобы по секрету поведал Кирпичникову о том, что Краснострания — ужасная страна, где все голодные и даже нет метро. Краслен кивал, вполуха слушал и искал глазами Джонсона. Новый знакомый поделился с ним своими соображениями насчет голых барышень на сцене, а затем поклялся в вечной дружбе и полез с объятиями.

Излишне говорить, что Джонсона Краслен так и не встретил. В пол-одиннадцатого он с тяжелым сердцем собрался идти в гостиницу и тут только обнаружил, что так называемый «ветеран», ушедший полчаса как, слямзил его ключ и пятипенсовик.

О Труд! Первая мысль Кирпичникова была о портфеле, оставшемся в номере. При мысли о том, что секретный груз, от которого зависит судьба международного рабочего движения, уже в руках воришки, сердце пролетария застучало с такой силой, что, наверно, это было слышно даже голой барышне, кривлявшейся на сцене. Он вскочил, бледный, перепуганный, и бросился к выходу, наплевав на чей-то смех сзади и чуть не сбив с ног официантку. Только на пороге кабаре Краслену в голову ударила вторая мысль, ничем не лучше первой: до гостиницы придется дуть пешком. А там потом что делать? Деньги на последнюю ночевку, спрятанные в номере, наверно, уже в кармане вора.

Что же, что же делать?! Партия и товарищ Буеров никогда не простят Кирпичникову такой дурацкой оплошности... Да и увидит ли он еще когда-нибудь Родину? Может быть, помрет от голода в Ангелике: без денег, без жилья и без возможности подать сигнал своим...

«Лучше уж сразу с моста сигануть!» Но мостов, как назло, рядом не было. Сколько-то времени бледный Краслен простоял у шоссе, ища миг, чтобы прыгнуть под автомашину, но все не решался.

Спустя несколько минут, когда эмоции улеглись, он ощутил сонное равнодушие ко всему происходящему. Потом в голову пришла третья, успокоительная мысль: «Может быть, гостиничная охрана задержала вора?» В самом деле, разве так не может быть? Конечно, может! Точно так и есть! Да и кражу совершить этому «ветерану» пришлось в голову только оттого, что он увидел у Краслена ключ и случайно выведал адрес гостиницы! «Ну, разумеется! — успокаивал себя Кирпичников. — Он не профессионал в этом деле, на ограбление решился первый раз в жизни, от нищеты... Такой обязательно попадется!»

Повторяя про себя эти слова и поминутно глядя в карту, пролетарий потащился в свой «Мэйфэйр».

Краслен то старался идти быстрее, чтоб приблизить развязку, то брел еле-еле, боясь, что в гостинице он обнаружит следы ограбления без всякой надежды найти похитителя. Ночной Манитаун, едва ли не более светлый, чем дневной, издевательски жонглировал огнями реклам: горели электрические буквы «Покупайте нашу обувь!», электрический ковбой крутил лассо, электробарышня дрыгала ножками, вспыхивали и исчезали цифры с многообещающим количеством нулей на вывесках казино. Небоскребы казались еще выше в свете прожекторов. Они даже подавляли, нависали над ничтожными людишками. Из открытых данс-холлов, кафе, кабаре и игорных домов неслась музыка. Обрывки фокстротов и джазовых импровизаций мешались друг с другом в одну музыкальную кашу. Несколько полуодетых проституток, выстроившись вдоль дороги, ежились от ночной прохлады и неуклюже приплясывали в такт этой какофонии. Иногда они поглядывали в сторону канализационного люка, вокруг которого, сбившись в кучу, спали несколько малышей.

Когда измученный Кирпичников добрел наконец до гостиницы, он не поверил собственным глазам и едва не завопил от счастья. Кто бы мог подумать, что пролетарий будет так радоваться при виде буржуазной полицейской машины! Именно такая машина стояла возле гостиницы.

«Труд, как мне повезло! Он уже пойман!» — радостно сказал себе Краслен. И бросился к гостиничному крыльцу.

Пробежать успел шага четыре.

— Вот он, этот джентльмен! — внезапно раздалось из темноты. — Из двадцатого номера! Хватайте его, господа, это он хранил бомбу!

Справа и слева от Краслена возникли двое жандармов.

— Вам придется пройти с нами, сэр, — сказал один.

Второй добавил:

— Вы подозреваетесь в незаконном хранении взрывчатки, порче чужого имущества, поджоге, покушении на общественное спокойствие и попытке совершения коммунистического переворота.

— Как?.. — пролепетал Кирпичников.

Он уже заметил, что в том месте, где раньше располагалось его окно, теперь дымится бесформенная черная дыра.

12

В полицейском участке оказалось две камеры для задержанных: белая и негритянская. За то, что Краслен, пока двое жандармов волокли его по улице, отчаянно сопротивлялся и грозил всей мировой буржуазии революцией, его решили бросить во вторую. Белые полицейские, злые на весь мир за то, что их подняли по тревоге в такой час, посчитали это изощренной формой издевательства. Несколько белых арестантов слезли с нар и, подойдя к решетке, разделяющей две камеры, стали с любопытством наблюдать за происходящим. Смущенный Краслен осмотрел свое новое жилище и на секунду задержался взглядом на одной из коек. Старый негр, на ней сидевший, сразу встал:

— Ложитесь, сэр!

Краслен смутился пуще прежнего.

— Не беспокойтесь, я вполне устроюсь вот здесь, на свободной лежанке! — поспешил ответить он.

Белые арестанты зашушукались.

На лице старика изобразилась растерянность. Обратившись к нему, видимо, не смел, считая, что «сэр» или шутит, или издевается, а что сказать в ответ — не находил. Краслен, демонстрируя, что настроен дружелюбно, улегся на свободную койку в углу камеры и громко заявил:

— Прошу у всех прощения, что из-за меня вас разбудили!

В таком вежливом тоне с неграми, похоже, не разговаривал никто и никогда в жизни, поэтому арестанты уверились в том, что белый человек задумал над ними жестоко посмеяться. С нар соскочили еще несколько чернокожих.

— Занимайте любое место, сэр! — наперебой заголосили они. — Все, что прикажете, сэр! Вы белый человек, а мы всего лишь...

— Хватит! Лягте! — оборвал их молодой негр в рваных синих брюках на подтяжках, клетчатой рубашке и каскетке. — Он же все сказал вам!

Арестанты улеглись.

— Спокойной ночи! — пожелал Краслен сокамерникам. Это прозвучало глуповато, так как он уже заметил насекомых на постелях.

— Что за рабские манеры... — продолжал бурчать негр в клетчатом, поводя плечами и потирая спину, видимо разболевшуюся. — Раз в жизни вам попался человек без предрассудков — так ведь нет же, так ведь все равно же... У-у, позорище...

Краслен, стараясь не обращать внимания на соседей, начал думать — что же с ним будет дальше? Никаких утешительных мыслей в голову не приходило. «Ладно, — подумал Кирпичников. — Надо бы выспаться, а там — будь, что будет». Он приоткрыл один глаз. Почти все негры спали. Белые арестанты из соседней камеры давно отошли от решетки и тоже легли, захрапели. Краслен отвернулся к стене и принялся считать красных лошадок.

Между тем уснуть оказалось не так-то просто. Стоило пробыть минут пятнадцать без движения, как где-нибудь на теле начинало чувствоваться копошение насекомых. Краслен вскакивал, давил клопов и блох, ложился снова и внимательно прислушивался к своим ощущениям. Скоро клопы начали ему мерещиться: стоило зачесаться пятке или случайно задрожать какому-нибудь мускулу, как Кирпичников подпрыгивал на койке.

Через час борьбы за сон на край лежанки, выбранной Красленом, кто-то сел.

— Ну что? — спросил он тихо. — Ты не спишь?

Краслен открыл глаза и увидел того самого молодого негра в клетчатой рубашке, что недавно проявил политическую сознательность.

— Не сплю, — сказал Кирпичников.

— Я Джордан. Можно просто Джо.

Краслен сел и подал негру руку:

— Я Ноэль Лефевр. Из Шармантии.

Тот тихо рассмеялся:

— Будет врать! Ты красностранец. Это видно по манерам. Шармантиец не протянет негру руку. Ну, признайся же!

Кирпичников замешкался.

— Признайся! — сказал Джордан. — Все уснули. А во мне не сомневайся: шпионить в пользу нашего правительства я расположен меньше всего.

Задание товарища Буерова было провалено в любом случае, а для того, чтобы выжить в Ангелике и найти способ вернуться на Родину, требовались друзья. Краслен решил открыться.

— Рад знакомству с настоящим красностранцем, — сказал негр. — Всегда мечтал попасть в С. С. С. М. Это правда, что у вас нет безработицы? И хлеб для всех бесплатный? Джонсон так рассказывал...

— Что? Джонсон? — вскинулся Кирпичников. — А где он?

— Да откуда же я знаю! — фыркнул негр. — Где-то прячется. Я видел его только один раз, на большом митинге. А что? Ты его ищешь?

— Да... Искал... — сказал Краслен упавшим голосом.

— Подпольная работа? Понимаю... А за что арестовали-то? Спалили? Или так, за ерунду?

— За взрыв в гостинице...

Теперь, когда негр знал, кто такой Краслен и цель его приезда, запираяться смысла не было. Кирпичников поведал чернокожему историю с заданием, с получением портфеля и всем прочим — вплоть до взрыва и ареста. Негр присвистнул:

— Так в портфеле была бомба?

Краслену такая мысль не приходила в голову. Точнее, несколько раз она пыталась туда проникнуть, но Кирпичников старательно гнал ее вон.

— Какая еще бомба?! Что за глупости?! Наверно, взорвалось в соседнем номере, полиция ошиблась. А скорее еще вот что: я забыл сдать ключ, его украли. Вор проник в мой номер, взял, что можно, а потом пожар устроил — чтоб следов не оставалось. Огонь дошел до какого-то взрывоопасного предмета — и-и-и...

— Так в портфеле все-таки находился взрывоопасный предмет? — опять спросил Джордан.

— Да нет же! — завелся Краслен. — Он не мог там лежать. Хотя... Если только какое-то секретное оружие, предназначенное для борьбы с империализмом. Или нет, стоп! Вот что еще могло произойти! О, Труд, как же раньше не додумался?! Этот вор на самом деле был не вором, а агентом капитала. Они, очевидно, разузнали о задании и решили уничтожить мой портфель. Ну, то есть портфель Джонсона. Ну, то есть тайный груз внутри портфеля. Труд великий!

— Если собираешься и дальше выдавать себя за шармантийца, то тебе придется научиться говорить «Мой Бог» вместо «Мой Труд». Тебя легко раскрыть.

— Ох, да, конечно... — спохватился пролетарий. — Не гожусь я для подполья... Просто, знаешь, не привык: ведь это глупо — произносить названия существ, которых на самом деле не существует. Феодальный пережиток.

— Но придется, — сказал негр. Потом вздохнул: — Скорей бы, что ли, утро! Утром, думаю, нас выпустят.

— Наверное? Откуда тебе знать? — спросил Краслен.

— Я ж не впервые! Вот, когда еще работал, взбунтовались мы с ребятами, станки все побросали, вышли с лозунгами. Ходили, значит, вокруг завода, плакатами размахивали. Главное было не останавливаться, потому что если мы идем, то это демонстрация, а демонстрации разрешаются, а если стоим, то, значит, уже пикет. А пикетировать нельзя. Ну и у меня, как назло, ботинок развязался. Встал на секунду, нагнулся завязать, а полицейские

— тут как тут! Или еще был случай. Слушали, как Джонсон на митинге выступает, а тут копы нагрянули. Схватили несколько человек наугад — ну и меня в том числе. Просто так, припугнуть. Только мы уже давно не боимся.

— А в этот раз за что взяли?

— Да так, ерунда. Постучался в один особняк, хотел спросить, нет ли у них какой работы. А хозяин раскричался, мол, я, бездельник, отдыхать ему не даю. Полицию вызвал, скотина! Но завтра нас выпустят, точно. Им надо, чтобы место освободилось — новых безработных за попрошайничество арестовывать, иначе получается, что полиция вроде как неэффективно работает.

— Ну, я-то не за попрошайничество. Меня в более серьезном преступлении обвиняют, — заметил Кирпичников.

— Брось! К утру полицейским будет уже все равно, кого и за что арестовали. Тюрьмы ломаются от политических заключенных, а до настоящих правонарушителей полиции дела нет. Ходят слухи, — негр понизил голос, хотя их беседа шла и так почти что шепотом, — есть тайный указ премьер-министра не сажать в тюрьму воров, убийц, бандитов... Понимаешь? Чтобы люди жили в страхе и был повод повышать число копов.

— Ну и ну!

— Да ты счастливее, — сказал Джордан. — Не привык к таким вещам. Эх, Краснострания! Вот бы мне там оказаться!.. Ну, а ты не беспокойся. Утром выйдем. В крайнем случае отдашь свои часы охраннику. Перед взяткой он точно не устоит.

— Спасибо, товарищ. Ты меня здорово поддержал, — ответил Кирпичников, улыбнувшись.

В этот момент за стеной прозвучали три выстрела, скрип тормозов, чей-то крик и еще один выстрел. Два негра проснулись. Краслен испугался.

— Да ты не волнуйся, — сказал ему Джордан. — Это всего лишь мафиозные разборки. Если им надо устроить пальбу, то они всегда делают это рядом с полицейским участком. Просто у рядовых граждан может быть дома оружие, а здесь бандитов точно никто не тронет...

Наутро, едва рассвело, жандармы велели всем выметаться вон из камер.

— Наверно, кто-то им донес, что готовится стачка или демонстрация, — сказал Краслену Джордан, когда они вышли. — Ну, бывай!

— Пока, — сказал Кирпичников.

— Ты как сейчас, куда? Не по пути?

— Куда... Не знаю. Видимо, на улицу.

— На улицу?! Эх, черт побери, да тебе же действительно некуда податься! — воскликнул негр. — Значит, вот что: ты пойдешь ко мне! Да брось смущаться! Все соседи обзавидуются, что у меня в гостях настоящий красностранец!

13

В хижине пахло плесенью, керосином и давно не мытым телом.

— Джордан? Джордан! — зазвучал из темноты старческий голос. — Тебя снова арестовали?

— Не удивляйся, что у нас тут так темно, — сказал Краслену негр. — Когда мы с братом строили эту лачугу, денег на стекла не было, так что решили оставить под потолком несколько щелей, а окон не делать вовсе. Впрочем, что касается денег, то они и сейчас не появились... Да, мам, это я!

Глаза Краслена, начавшие привыкать к темноте, различили силуэт старухи.

— С тобой кто-то есть?

— Это друг. Красностранец. Мы вместе сидели в участке.

— Красностранец! — сказала старуха взволнованно.

— Приехал помочь Джону Джонсону.
— Джонсону! О! Джону Джонсону!.. Я сварю суп...
— Не стоит беспокоиться, — поспешил вставить Краслен, но Джордан оборвал его:
— Брось, не скромничай! Тебе же все равно надо поесть.
— Я сварю суп, — повторила негритянка. — У нас еще осталось немного чечевицы, Джессика принесла накануне. Друг Джонсона — наш друг. Сынок, а нет ли новостей от Джулиана?

— Нет, мам, — сказал Джордан.

Негритянка зажгла примус, и теперь Краслен смог разглядеть ее морщинистое лицо, старую залатанную кофту, длинную юбку в грязных пятнах и скрюченные черные руки.

— Тебе помочь, мам? — спросил негр. — Сбежать за водой?

— Нет-нет, я все сама! Вода осталась! Вы пока ступайте, не мешайтесь! — В голосе старухи слышалось упрямство. Видимо, ей было важно чувствовать, что она еще на что-то способна.

Джордан и Краслен вышли за порог. Отсюда, в какую сторону ни смотри, можно было видеть только десятки разношерстных, но одинаково жалких негритянских домиков, лепившихся друг к другу. Несколько чернокожих сидели на крылечках — вернее, на том, что условно выполняло эту роль в их убогих жилищах, — и курили. Над их головами трепалось белье на веревках, растянутых между хижинами. Кое-где горели костры. Там и сям бегали грязные негритята.

— Я бы предложил тебе тоже посидеть на крылечке, — сказал Джордан. — Но, уж извини, спина у меня ни к черту, да и ноги побаливают.

— Ты же еще вроде молодой, — сказал Кирпичников.

Негр только усмехнулся:

— Три года на заводе Свинстона из любого юноши сделают больного старика! Знаешь, что за ужасная штука конвейер? «Давай не зевай, черномазый, пошевеливайся, быстрее, быстрее, быстрее!» Тьфу! Десять часов в сутки. Стоя. Без обеда. От Свинстона уходят инвалидами, а потом практически никуда невозможно устроиться.

— Зачем же ты пошел туда?

— Купился на рекламу... Свинстон обещает рабочим участок земли, дом, мебель, холодильные шкафы, радиоприемники, электроплиты... Все — в кредит. Пока ты работаешь и можешь платить по кредиту, все это твое. Потом ты становишься инвалидом, теряешь работу, и тебя выкидывают из дома. Мне в какой-то степени повезло. Когда произошел этот злополучный кризис, несколько заводов закрыли и меня выкинули на улицу до того, как я успел стать окончательной развалюхой. В этой хижине мы живем уже год. А работу я, наверно, так никогда и не найду: буду всю жизнь перебиваться случайными заработками...

Краслен молчал. Он не представлял, как можно жить в таких условиях.

— Получается так, что всю нашу семью содержит младшая сестренка, Джессика. Она служит горничной у одной важной шишки. Представляешь, я, мужчина, вынужден сидеть у нее на шее! Черт возьми, до чего нас довел этот паршивый кризис!.. Еще есть наш брат Джулиан. Он сейчас в тюрьме... Политическая статья...

Кирпичников не говорил ни слова и удрученно кивал. Подумать только, может быть, содержимое портфеля могло бы избавить этих людей от невыносимой нищеты, а он, Краслен, так бездарно провалил секретное задание товарища Буерова!

Минуту собеседники молчали. Было слышно, как старуха там, в лачуге, тяжело шаркает.

— Думаешь, ей лет под сто? — спросил негр. — Нет! Всего шестьдесят. А уже еле ходит, почти что слепая...

— Врачу покажи.

— Что, смеешься?! Даже те, кто работает, редко могут позволить себе услуги врача, а уж нам-то на что? — фыркнул Джордан. — Да я, в общем, и так знаю, что он скажет: «Чего вы хотите, такой возраст, тридцать лет на калошном заводе ни для кого не проходят даром...»

— На калошном заводе?

— Да. Знаешь, как делаются калоши? Только не говори, что тоже думал, будто их отливают из жидкой резины, как чугунные статуи!..

«Без калош от Резинпрома я не выйду из дома!» — вспомнилась Краслену рекламная вывеска. Как-то там, на Родине?

— ...Детали калош вырезают из тонкой резины и склеивают, перед тем как отправить на вулканизацию, — продолжал негр. — Все дело в этом дурацком клее. Он содержит бензин. Бензин испаряется и портит глаза, кожу, горло. Мать узнала об этом, когда было уже поздно... Прибавь к этому постоянную работу стоя, вручную... Не знаю, как у нее еще двигаются пальцы рук. До шестидесяти нечасто доживают. В смысле, негры. Да и в целом — пролетарии. Вот я пол своей жизни уже прожил.

— Джо, не надо!

Джордан замолчал.

— Ты прав, товарищ. Вот ведь, сопли распустил! С чего бы это?.. Обычно со мной такого не бывает! Хватит ныть, все у нас будет в порядке, не так ли? — И негр улыбнулся.

— Вы так бедны, а тут еще я — нахлебник... — ответил Краслен.

— Ты давай-ка об этом не думай! От нас не убудет, что ты станешь спать в нашей хижине. Будем вместе работу искать... Ты ж белый — глядишь, и подыщешь чего-нибудь! Джонсона встретишь...

— Едва ли!

— Сказал — значит, встретишь! Сестренка моя — в его партии, — тихо сказал чернокожий.

— А ты?

— Я так, просто сочувствую. Боязно как-то. Узнают копы — мигом в тюрьме окажешься, лет так на десять... Вот так-то. А Джессика — смелая. Я даже ей удивляюсь... Эй, глянь-ка, приятель, да вот и сестренка!

К лачуге приближалась миниатюрная, худенькая негритянка с узелком в руках. Желтое хлопковое платье в цветочек, надетое на ней, было изношено до крайности и кое-где залатано, но Краслен почему-то прежде всего заметил не то, как оно бедно смотрится, а то, как выгодно подчеркивает смуглую кожу негритянки. Следовало ужаснуться, увидев, что девушка ходит босой, но Кирпичников невольно залюбовался ее маленькими ногами.

— Эй, сестренка, не ожидал тебя увидеть! — крикнул Джо. — Какими судьбами?

— Я сегодня выходная, ты что, забыл?

— Совсем вылетело из головы!

— Вот как ты относишься к своим родственникам! — насмешливо ответила Джессика, всплеснув руками. — Завел дружбу с белым парнем и зазнался, так я понимаю? Говори, кого это ты привел к нам?

— Э-э, девочка, давай-ка полегче! Поверишь или нет, я только что из полицейского участка! С прошлого раза кровати там сделались еще жестче.

— Ну-ну! Я смотрю, ты не вылезаешь из арестантских камер, точь-в-точь как Первый вождь Краснострании при старом режиме!

— Ты вспомнила о Краснострании как раз вовремя, девочка, потому что наш гость именно оттуда! — гордо заявил Джо.

— Что еще за глупые шутки...

— Это не шутки, — сказал Кирпичников. — Меня зовут Краслен, я из С. С. С. М.

— Ой, товарищ! — вскричала негритянка.

Кирпичников и охнуть не успел, как оказался заключен в ее объятия. На секунду он почувствовал себя пальмой, на которую взбирается цепкая обезьянка. Потом ощутил спиной узелок, который Джессика не выпустила из рук. Наконец понял, что вот-вот задохнется, и стал вырываться. Когда отпустили, облегченно вздохнул, но немедленно пожалел, что все уже закончилось.

— Товарищ! Товарищ! — Девушка неожиданно взяла деловой тон. — Скажите, а

каково ваше мнение насчет этой чудовищной подлости агентов капитала, которая потрясла все прогрессивное человечество?

— Какой еще подлости? Что-то случилось? — не понял Краслен.

— Похищение тела Вождя.

— Что-о-о?! К-какого в-вождя?!

— Ну так вашего! Как?! Вы не знаете?

Ноги Краслена ослабли. Он сполз по стене, сел на землю.

— Вот черт, ты серьезно не знаешь? — спросил его Джордан.

— Когда? Как? Ошибка какая-то... Я же видел его на днях! — бормотал Кирпичников.

— В ночь на первое, — сказала негритянка.

— Труд великий! Я отплыл тридцать первого вечером! Но как же?.. А охрана?!

— Всех красноармейцев нашли на следующее утро мертвыми, со следами отравления удушающим газом, — серьезно ответила Джессика, на лице которой не осталось и следа от только что бушевавших радостных эмоций. — Мы прочитали об этом в партийной газете «Заря». Я как раз принесла новый номер. И хлеба вам с мамой.

— Скорей покажите газету! — воскликнул Краслен.

— Тс-с-с! Потихе! Нас могут подслушать! Хотя здесь и так все все знают про каждого, лучше нам войти в дом.

Суп, который уже сняли с огня, доходил, завернутый в одеяло, а на керосинке теперь грелся утюг.

Джессика развязала свой узелок, внутри которого, кроме краюхи хлеба, обнаружились аккуратно сложенное почти новое коричневое платье горничной, маленькая (в один разворот), напечатанная на дрянной оберточной бумаге газета.

— Хотя здесь и темно, мы читаем запрещенную литературу только в хижине, — сказала Джессика. — Ни к чему давать соседям лишний повод для доноса. Кстати, не зажечь ли нам в честь гостя керосиновую лампу, а, братишка?

— Хватит и коптилки, — буркнул Джо.

Старуха, сняв утюг с плиты, принялась гладить.

— Нет ли там про Джулиана? — проскрипела она тихо, без особенной надежды.

— Нету, мам, — сказала Джессика.

Печальный свет коптилки выхватил из темноты кусок запрещенной газеты. «Krylolyot Виегоff», — вдруг увидел Краслен на бумаге знакомое имя. Взял газету, посмотрел на заголовок — и чуть снова не упал. «Агент буржуазии разоблачен», — торжественно провозглашала передовица. Чуть ниже, на фото, Кирпичников не без труда разглядел кринтяжпрома, а справа — толпу пролетариев с поднятыми руками и суровыми лицами. «Рабочие голосуют за смертный приговор изменнику», — значилось мелкими буквами.

Краслен опустился на стул. Руки дрожали, голова кружилась, сердце грохотало, как сотня станков. За то время, что Кирпичников читал передовицу, он три раза успел подумать, что сходит с ума, и два — что все, жизнь кончена.

«В Краснострании наконец разоблачен опасный агент империалистов, так долго скрывавшийся под личиной борца за свободу трудящихся. Не так давно имя Крылолета Буерова связывалось в наших умах с крупнейшими стройками века, с лучшими достижениями братской красностранской промышленности, с ратными подвигами на полях классовой борьбы. Сегодня мы проклинаяем это имя. Крылолет Буеров, пять лет работавший на англиканскую разведку, выведен на чистую воду! Этот буржуазный подголосок сознался во всем: и как он недопосылал кирпич на стройки гидроцентралей, и как злонамеренно снижал пятилетние нормы для трудящихся тяжпрома, и — самое главное! — как помог англиканским агентам выкрасть тело Первого вождя, организовав подземный ход от здания своего ведомства к Мавзолею, который обнаружили доблестные сотрудники КЧК. Сознался предатель и в подготовке покушения на товарища Джонсона. К счастью, тот оказался вовремя предупрежден и не пришел на встречу с пособником Буерова, который пригвоз

Джонсону портфель с бомбой под видом неких секретных документов. Розыск этого пособника, чье имя пока неизвестно, продолжается. Приговор в отношении предателя Буерова уже приведен в исполнение».

Листок вывалился из рук Краслена.

— Арестуйте меня, — проговорил он.

— Что? — Джордан взял газету, пробежал глазами строки передовицы.

— Арестуйте меня, если хотите, — бормотал бледный Кирпичников. — Мне теперь все равно... Арестуйте, отведите к руководству своей партии, казните... Вы будете правы...

— Что с ним? Что он говорит? — спросила Джессика.

До Краслена дошло, что он перешел на красностранный язык.

— Арестуйте меня. Я виновен. Мне теперь нет пути на Родину, — произнес он уже по-английски.

— Бомба... — прошептала Джессика, добравшись глазами до конца статьи.

— Я же говорил, что бомба, черт возьми! — выдохнул Джордан. — Но ты этого не знал, Краслен, так ведь?!

— Не знал. Но я виновен.

— В чем?

— Я не был бдителен. Хороший коммунист раскусил бы его!

— Брось! Я не верю, что ты плохой коммунист! Этому Буерову доверяло все ваше руководство!

— У меня нет классового чутья, — продолжал сокрушаться Краслен. — Я проявил преступную неорганизованность. Я предатель, хотя и невольный, но предатель и головотяп!

— Хм, Джо... — вставила Джессика. — А может быть, он прав? Ты в нем уверен?

— Цыц, девчонка! Черт возьми! Да, я уверен! Интуиция никогда меня не подводила! Может, у тебя и нет классового чутья, но у меня оно точно есть, да и у всех наших товарищей, так что не хорони себя раньше времени! Давай вытирай сопли, парень, поедим и отправимся с тобой искать работу! А по дороге подумаем, как нам доказать товарищам твою невинность! О'кей, друг?

— Что мне вытирать? — спросил Кирпичников.

Слова «сопли» он пока не выучил.

14

Поиски работы состояли в том, чтобы разгуливать по бульварам с табличкой на груди «Готов на любой труд» и время от времени заглядывать в лавки и богатые дома. Отовсюду, как правило, гнали в шею. Джонсон научил Краслена читать на стенах домов тайные знаки, оставляемые другими безработными и нищими для братьев по несчастью. Значки могли содержать сообщения: «Сюда лучше не заходить», «У хозяина злая собака» или «Дает работу, а денег не платит». Джо говорил, что есть еще символы, говорящие, что в доме живет добрый человек, готовый налить чашку супа, или старуха, способная подарить пенс-другой, если перед ней притвориться глубоко религиозным человеком. Как назло, таких сегодня не попадалось.

Белый человек, идущий об руку с черным, мгновенно навлек на себя подозрение, так что Джонсон и Краслен держали расстояние. Негр настоял на том, чтоб новый друг обращался к нему исключительно фразой: «Эй ты, черномазый!», а сам в ответ почтительно именовал его «сэром».

Таких же несчастных, как они, слонялось там и сям великое множество. Чумазы, оборванные, исхудавшие, они толпились возлестроек и предприятий, настойчиво стучались в стеклянные двери магазинов, встречали богатых господ у подъездов, заглядывали в остановившиеся на светофоре машины, рылись в мусорных баках или сидели прямо на тротуаре, в отчаянии обхватив руками голову. Среди шума автомобилей, грохота воздушных поездов, постукивания трамваев и стрекота самолетов, среди десятитрубных заводов,

стометровых мостов и тысячеоконных небоскребов люди, чьими руками было создано все это, оказались никому не нужным мусором. Краслен сочувствовал им всей душой, но с ужасом ощущал, как внутри рождается недоброе, неведомое доселе чувство соперничества, дух буржуазной конкуренции: ведь любой из этих нищих мог получить работу, предназначенную ему, Кирпичникову, или его другу Джо!

И все-таки сегодня повезло именно им. «Вы приносите мне удачу, сэр!» — весело подмигнул Краслену Джордан, когда дама в светло-розовых перчаточках и с частоколом цветов на шляпке наняла их разгрузить автомашину с покупками. С делом справились за четверть часа. Среди приобретений миссис, помимо трех пакетов с одеждой и двух с обувью, оказались обтекаемый — словно предназначенный для полетов! — хромированный будильник, холодильный шкаф со встроенным радио, электрическая варочная плита, не требующая керосина и тоже говорящая на разные голоса, снабженная радио зубная щетка, столь же прогрессивный чайник и, наконец, совершенно экзотический прибор — радиовизор! О его предназначении и возможных функциях Джо и Краслен спорили еще целый час после того, как получили от дамы по три пенса. «Порой и того не зарабатываю», — признался довольный негр обескураженному скупостью дамы красностранцу. Через некоторое время к беседе о техническом прогрессе присоединились два дурнопахнущих бродячих акробата, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся доктором математики и его лучшим учеником. Свели Краслен и Джо в тот день знакомство еще с несколькими людьми: шестидесятилетней уличной танцовщицей с граммофоном, которая когда-то учила маленьких ангеликанцев чтению, письму и антикоммунизму; ветераном Империалистической войны, чистившим штилеты сэров не двумя руками, а только одной, ибо вторая осталась на одном из ипритовых полей Шармантии; и семилетним счастливецом, имевшим постоянный заработок и стабильный четырнадцатичасовой рабочий день. Мальчишка толкал тележку с мороженым. Он радостно сообщил новым знакомым, что эскимо начали, кажется, меньше выпускать, а потому цена на него растет.

— Это потому, что молоко сливают в море, — сказал доктор, облизнувшись. — В смысле, чтобы дорожало.

— Лучше б нам отдавали, — проворчал ветеран.

— Бесплатное молоко бывает только при коммунизме! — заметил младший из акробатов.

— Не дай бог! — воскликнула учительница. — Пусть выливают, лишь бы только не было коммунизма! Я слыхала, что при нем запрещено танцевать на улице и торговать жевательной резинкой! На что же тогда жить?!

Джо опасливо поглядел на Краслена, но тот сдержал себя. Может быть, в конце концов он все-таки не вытерпел бы и сказал танцовщице все, что думает насчет буржуазной пропаганды, но дискуссию прервал отряд полиции:

— Пошли вон, оборванцы! Ну-ну, живо, нечего тут отираться! Ничего вам не перепадет! Сейчас по этой дороге поедет премьер-министр, и вас на тротуаре не должно быть! Всем понятно?! Быстро по домам!

— А у меня нет дома! — выкрикнул доктор.

— Ну так пойди заработай на него, — выдал жандарм излюбленную фразу всех богачей.

...Через несколько минут спрятавшиеся за углом Джо и Краслен наблюдали респектабельный черный паккард, мчавшийся, поднимая клубы пыли, в окружении десятка полицейских на мопедах. Разбрасываемые повсюду листовки были озаглавлены «Я привез вам мир!». В них говорилось о том, что Огржицкий край маленькой юной страны Вячеславию давно хотел отделиться, и вот теперь добрый Чертинг, посоветовавшись со столь же добрым Колбасье и относительно добрым Шпицрутеном, признали его независимость. Через час после этого в край вошли брюннские войска, и огржичане единогласно признали свое добровольное и несомненно демократическое вхождение в состав фашистского государства. Возвратившийся домой Чертинг гордо рапортовал о том, что опасаться агрессии

Шпицрутена ангеликанцам больше нет никакой нужды.

— Бросить бы в него бомбочку, а? — тихо сказал негр.

— Что за мелкобуржуазное народничество?! — скривился политически подкованный Кирпичников.

Под вечер им — вернее, Джордану — повезло и вовсе невероятно. Негр нашел постоянную работу. Он изъявил готовность получать на шиллинг в неделю меньше, чем предыдущий работник, и был принят разнорабочим на авиагазолиновую станцию, расположенную на крыше девятиэтажного Брук билдинга.

— Это надо отпраздновать! — заявил Джо.

Но отпраздновать не удалось. Вернувшись в хижину, они обнаружили там подругу Джессики, пришедшую поплакаться о своей горькой судьбе: молодую негритянку только что уволили с фабрики Памперса. Отмечать свое приобретение, глядя на ее потерю, казалось неудобным. Слово за слово — и негры не заметили, как стемнело. А ведь Джессике еще нужно было вернуться к хозяевам! Краслен вызвался проводить ее.

Половину дороги молодые люди прошли молча. Негритянка, похоже, о чем-то думала, а Краслен никак не мог подобрать подходящую фразу для начала беседы. Предательство Буерова и собственное двусмысленное положение почему-то отодвинулись на задний план. Теперь самым важным для Краслена стало найти правильные слова для разговора с новой классовой соратницей.

— Хорошая погода, — заявил он наконец.

Девушка не ответила.

— Надеюсь, и завтра будет не хуже, — прибавил Краслен новую банальность.

— Что? — рассеянно переспросила Джессика. — Извини, я прослушала, что ты говорил. Все думаю об Алисии. Что она будет делать без работы, бедняжка? И чего ради этот сумасшедший Памперс вздумал увольнять по десятку лучших работников ежедневно?!

— Ежедневно?

— Ежедневно и совершенно беспричинно. По крайней мере, так говорит Алисия.

«Памперс, — подумал Краслен. — Где-то я слышал эту фамилию...» В беседу подруг он не вступал, так что не имел понятия ни о подробностях увольнения, ни даже о профиле фабрики. Вслух же предположил:

— Может, этот Памперс приобрел какие-то машины, заменяющие людей? Или секретных роботов, которым не нужно платить деньги?

— Какие еще новые машины в наше время?! — хмыкнула Джессика. — Кризис, он и для буржуев кризис. Впрочем, у Памперса, говорят, дела шли более-менее. Похоже, он просто сошел с ума и от нечего делать решил разогнать один цех.

— А почему он увольняет людей одного за другим, а не всех скопом, если уж ему так вздумалось?

— Откуда мне знать?! Может быть, хочет избежать огласки... Репутацию свою бережет, мороженный король, так его, эдак...

— Что? Мороженный?

Кирпичников вдруг вспомнил. Жилищечка. Пятеро соседей. Чай. Пятер с газетой: «Глава ангеликанского правительства накануне принял у себя владельца фабрик эскимо Рональда Памперса. Тема беседы не разглашается...»

— Ну да, — равнодушно пожала плечами Джессика. — Памперс делает мороженое. Вернее, так принято говорить. На самом-то деле мороженое делают его рабочие!

— Его принял глава кабинета. Секретно. Об этом писали красностранные газеты с месяц назад.

— Я ничего такого не слышала. — Джессика была так удивлена, что даже остановилась посреди дороги. — Нет, у нас точно ни о чем подобном не сообщали! Я очень внимательно слежу за политической ситуацией! Черт побери!.. Из наших газет последнее время не вычитаешь ничего, кроме рекламы и сплетен о знаменитостях! А про радио уж и говорить

нечего.

— Значит, они обсуждали что-то действительно серьезное, — подытожил Кирпичников. — Получается, увольнение целого цеха — это заказ правительства? Кстати, сегодня от мальчишки-торговца я слышал, что мороженого в Манитауне стали выпускать меньше, чем раньше. Значит, на место уволенных никого не принимают.

— Памперс хотел взвинтить цены?

— Возможно.

— Но скорее выполнял заказ правительства!

— ...очистить часть своих прозпомещений...

— ...для какого-то важного дела! Например...

— Например? Краслен, о господи!.. Ты думаешь?

— Естественно! Где им еще хранить тело Вождя?!

В освещенных окнах особняка мелькали силуэты. Звуки фокстрота были слышны даже здесь, на улице. Подойдя ближе, Краслен уловил примешивающиеся к ним стук каблучков, дамский хохот и звон бокалов.

— Они так почти каждый вечер гуляют, — сказала Джессика. — Бывает, работы на завтра полно, вставать в полседьмого, а уснуть невозможно из-за их патефона дурацкого.

— Так ты здесь безвылазно шесть дней в неделю?

— Что делать!..

«Значит, еще целую неделю не увидимся, — подумалось Кирпичникову. — А вдруг за это время я найду способ вернуться домой? Тогда мы больше не увидимся вообще никогда...»

Последние десять минут они взволнованно говорили о Вожде. Мысль искать его тело на фабрике мороженого казалась теперь такой очевидной, что было удивительно, как никто не додумался до этого раньше. Джессика радовалась — раз Вождя хранят в холодном месте, значит, с ним все в порядке: а она-то боялась, что реликвию уже уничтожили. Краслен предостерегал: раз берегут, значит, есть какая-то цель, вероятнее всего, собираются ставить опыты над выдающимся организмом и гениальным мозгом. По всему выходило, что тело надо спасать, и как можно скорее. Кирпичников, конечно, не сомневался в том, что красностранская разведка уже идет по следу и вот-вот выхватит Вождя из лап отвратительного Памперса... Но разве можно было спокойно, сложив руки, дожидаться, когда это произойдет?!

— Ну что ж, — сказала Джессика. — До встречи. Уже поздно.

— Погоди...

Труд, как же не хотелось отпускать ее!

— Погоди... Я... я, кажется... придумал один способ, как нам вызволить... — Краслен оглянулся по сторонам и завершил: — Как вызволить сама-знаешь-кого!

Даже в темноте было видно, как изменилось выражение лица негритянки.

— Какой способ?

— Об этом нельзя говорить на улице. Нас могут подслушивать.

— Ты прав! Идем со мной.

Расчет Кирпичникова оправдался: его пригласили в дом. Оставалось лишь срочно придумать этот обещанный способ. Штурмовать фабрику? Ну-ну, какими силами? Тогда... Найти покойника, очень похожего на Вождя и совершить подмену? Так действуют только в кино. И что дальше? Быстрее, голова, соображай!

Тем временем Джессика позвонила в колокольчик. С той стороны кованой решетки раздалось пыхтение, чьи-то тяжелые шаги. Потом из темноты прорисовалась лысая голова негра-привратника.

— Это ты, Джесс? — сонно спросил он. — Не боишься ходить так поздно?

— Все в порядке, Питер. Как делишки?

— Скверно, скверно... Курс шиллинга опять упал на три пункта. А что это за господин

с тобой, Джесс?

— Это мой друг, Питер. Клянусь, он ничего не украдет. Ты позволишь ему войти ненадолго?

— Хм-м, Джессика...

— Погляди на него, он же белый!

— Ну ладно, входите!

Слыша за спиной скрип закрывающегося замка на воротах, Краслен продолжал судорожно изобретать предлог, под которым сюда вошел. «Развесить на всех углах прокламации, разоблачающие Памперса? Или пробраться на радиостанцию, чтобы рассказать на всю страну о том, где прячут тело Вождя?.. Ох, нет... Бред какой... Ничего путного в голову не лезет! Джессика поймет, что я навязался к ней в гости, и тут же выгонит в шею. И что же? Права будет!»

Джессика провела Краслена по саду, открыла перед ним дверь черного хода. По неосвещенному коридору они добрались до маленькой комнатухи.

«Выйти на Памперса? — думал Кирпичников. — Сказать ему, что нам все известно?.. Или прикинуться кем-то другим? Членами какой-нибудь влиятельной организации?.. Чушь, сплошная чушь идет в голову... Ладно, решено: сейчас предложу Джессике с важным видом какую-нибудь нелепость, притворюсь, что действительно считаю это хорошим планом, а потом позволю ей переубедить себя. Черт побери! В будущем надо будет придумать более удобный способ ходить в гости!»

— Вот здесь я и живу, — сказала Джессика.

Краслен только теперь обратил внимание на обстановку. Убогая кровать почти во всю «комнату», несколько крючков для одежды, Библия и спицы с мотком шерсти на коробке, выполняющей роль тумбочки. Из достижений прогресса — только электрическая лампочка.

— На тумбочку не смотри, — улыбнулась Джессика. — Просто хозяйка не позволяют нам читать других книг, кроме Библии, а она должна быть обязательно. В свободное время горничной полагается заниматься рукоделием, вот оно и валяется тут для виду.

— Ни стола нет, ни стульев, ни радио, — сказал Кирпичников, вспомнив родную ячейку в жилкомбинате.

— Ну уж радио-то мне совершенно ни к чему! — ответила негритянка. — Что там услышишь? Круглые сутки одни бездумные фокстротики, да буржуазная пропаганда: «коммунисты такие, коммунисты сякие»... Мы это радио между собой «ящиком оглупления» называем. Реакционная штукавина. А вот, говорят, сейчас такую вещь изобрели — радиовизор называется. Он не только звуки, но и фотоснимки передает. Даже вроде бы кино может показывать. Вот за чем будущее, вот что будет рупором рабочего класса! Нельзя ведь показать то, чего нет. Если радиовидение распространится, то капитализму точно не устоять!.. Ну, а ты-то что? Не стесняйся, садись. И рассказывай поскорее свой план!

Краслен сел на кровать рядом с негритянкой. Их плечи соприкоснулись. «Мы так близко», — подумал Кирпичников и ощутил неожиданный восторг. Впрочем, в такой узкой комнатухе было практически невозможно держать расстояние. От Джессики шло тепло. К курчавым волосам и гладким щекам захотелось прикоснуться. Но главное — негритянка замечательно пахла. Краслен не знал чем, но чувствовал, что делается глупым и счастливым от этого аромата. «Надо предложить самую нелепую идею из возможных, — решил пролетарий. — Чтобы она поскорей раскритиковала ее и отправила меня вон. Иначе произойдет что-нибудь ненужное...»

Он выдохнул, вдохнул и сообщил:

— А план такой. Поскольку я теперь числюсь сообщником предателя Буерова и врагом рабочего класса, я должен пойти к Памперсу и предложить свои услуги. Сказать, мол, так и так, лишился покровителя, но хочу и дальше служить на благо мирового империализма. — Кирпичников искоса глянул на девушку.

Та не скривилась, не выпучила глаза и крутит пальцем у виска, кажется, тоже пока что не собиралась.

— Я вотрюсь к нему в доверие, а там...

— Ну, там посмотрим, — завершила негритянка. — Знаешь что? Мне тоже эта мысль пришла в голову. Я только не знала, как ты это воспримешь. Теперь мы должны придумать, как это осуществить. Как тебе выйти на Памперса.

Краслен открыл рот. Подумал немного и закрыл его снова. Дело принимало неожиданный оборот.

Несколько секунд пролетарии молчали. Из хозяйских комнат навязчиво звучала какая-то веселенькая мелодия. «Танцуй, Джуди, танцуй!» — крикнул кто-то пьяным голосом и фальшиво захохотал, словно пытаясь убедить себя и окружающих, что ни экономического кризиса, ни ужасающей нищеты, ни усиления международной грызни, ни точащего зубы фашизма — не существует.

— Честно говоря, я не знаю, как это провернуть, — призналась наконец Джессика.

— Я тоже не знаю, — ответил Краслен.

Они помолчали еще немного. Хозяйский патефон заиграл танго.

— Люблю танго, — вдруг сказала негритянка. — Это музыка цветных. Музыка, в которой говорится о трудной судьбе и оставленной родине... Танго родилось в бедных кварталах — в точности как я. И еще его можно танцевать на какой угодно маленькой площади. Это тебе не вальс.

— И я люблю, — признался Краслен. — Вот мы, бывало, в заводском клубе...

— Так, может быть, попробуем? — Джессика соскочила с кровати.

Через секунду Краслен уже держал ее в объятиях и вел мимо кровати по крошечному пятачку. Туда-обратно, туда-обратно. Первое же боле¹ смело с тумбочки вязание, потянувшее за собой и пухлый том с опиумом для народа. Библия плюхнулась на пол. Благопристойный клубок шерсти спрятался под кровать. Время текло сладостно-медленно — Кирпичников впитывал, остро проживал каждую секунду — и вместе с тем слишком быстро, как это всегда случается с моментами, которые хочется удержать. Он бесконечно повторял свои любимые фигуры — и маленькая шоколадная ножка то ездил по его пролетарской штанине, то перекрещивалась с Красленовой ногой, чтобы сделать под ней кокетливый взмах. Негритянка понимала Краслена с полуслова, если можно так выразиться о танце, вернее — с полудвижения: такая послушная, как будто между ними уже происходило то Прекрасное, что рабочий класс считает правильным и естественным, а буржуазия лицемерно отрицает.

Когда музыка закончилась, они продолжали стоять, обнявшись. Краслен потерял голову о девушину голову. Та ответила тем же. Губы прильнули к губам как-то сами собой...

— Ты только скажи, — попросила через несколько минут Джессика, уже лежащая без платья. — Правду говорят, что Съезд профсоюзов Краснострании принял резолюцию о невозможности осуждения сексуально раскрепощенных пролетарок?

— Конечно. И давно! — ответил Кирпичников.

Перед тем как осуществить смычку, он успел подумать, что без одежды негритянка похожа на бесстыдный бронзовый памятник Освобожденной работнице, стоящий на одной из площадей родного города.

А потом они долго-долго лежали на кровати и разговаривали. О диамате, о пролеткульте, о положении женщины в буржуазном обществе, о новых самолетах-амфибиях и обостряющейся международной обстановке. Он стал называть ее Жеся, она его — Ленни.

— А правда, что у вас до сих пор женщине невозможно поступить в институт? — интересовался Кирпичников.

— Еще спрашиваешь! Мистеры профессора считают, что наше место на кухне.

¹ Болео — термин из танго, когда дама оттопыривает ножку в сторону и назад.

— Ох, и отыграются же на них ваши пролетарки, когда освободятся! А вот еще писали, что, мол, если негр померяет в магазине одежду или обувь, то он обязан ее купить, потому что потом ни один белый к ней не прикоснется... Тоже правда?

— Случается.

— Труд! И что, большинство ангеликанцев всерьез верует в этого так называемого «бога»? И детей крестят, вместо того чтобы звездить их, как у нас, и в церкви венчаются?

— Еще как, Ленни! Ты мне лучше вот про что скажи: правда, что в Краснострании все бесплатно? Так же не может быть!

— Не все. Только еда, униформа, услуги и продукция предприятия, на котором работаешь.

— И что, грамотность стопроцентная? И вшей почти не бывает? И прививки поголовные от оспы? И пьянства нет?

— Все правда.

— Боже мой! Какие вы счастливые!

— Мы не можем быть полностью счастливы, пока фашизм в Брюнеции бесится, а в Ангелике пролетарии страдают, — неожиданно серьезно ответил Кирпичников.

Джессика перевернулась на спину и спросила:

— А как ты думаешь, будет новая война?

Домой, то есть в ту халупку, где жили Джо с матерью, так и не сомкнувший глаз, а потому совершенно дохлый Кирпичников вернулся в полседьмого утра. Старуха еще спала. Голый по пояс молодой негр, уже намазавший лицо мыльной пеной, шоркал туда-сюда опасной бритвой о прицепленный на стену брючный ремень.

— Ну-ну, — ехидно ответил он на Красноеново «доброе утро».

Кирпичников думал ответить, что сексуальные отношения суть естественная потребность современного пролетария, но счел за лучшее пока промолчать и только зевнул.

— Ложись отсыпайся, любовник, — сказал ему Джордан. — Быстрые вы, однако! Не ожидал... А я вот, видишь, бреюсь. Я теперь рабочий человек, мне нельзя плохо выглядеть! Буду по голове самого Ромберга разгуливать! Хе-хе...

— А? Какого еще Ромберга! По какой еще голове?

— Да шучу я, шучу. Я же на крыше работать буду — вот и говорю, мол, по головам ходить. Ромберг — это хозяин фабрик обувной ваксы. Его контора в Брук билдинге находится. Не одна, конечно, там много контор всяких. Фирма О'Нила, фирма Мориссона, фирма Памперса, фирма Тайлора и Кебба, потом еще строительная какая-то компания, контора нотариальная... Это я, брат, вчера на вывесках прочитал. Надо же знать, в какую компанию попадешь!

— Памперса, говоришь?... — задумчиво пробормотал Кирпичников.

15

По взволнованной толпе, гудевшей вокруг одного из подъездов Брук билдинга, Краслен догадался, что здесь располагается еще и банк. Подойдя ближе, он убедился, что так оно и есть. Рядом с вывеской «Симсон-банк — ваша уверенность в завтрашнем дне!» был наклеен листок с напечатанной на пишмашинке скупой фразой: «Наличности нет».

— Говорят, что этой ночью подвезут сто тысяч шиллингов! — шепнула дама в шляпке.

— А мы подождем! Мы безработные, нам спешить некуда! — выкрикнул молодой парень.

— Здесь и будем ночевать! — пробасил господин в котелке и пенсне. — Разрази меня гром, если я не вырву у этих прохиндеев свои кровные денежки! И черт меня дернул купить их поганые акции...

— Обменяйте хотя бы одну! Слышите, хотя бы одну! Господом Богом заклинаю вас, слышите! — Тщедушный негр вытащил какую-то розовую бумажку и нервно размахивал ею

над головой. — Одну-единственную акцию! По любому курсу, слышите?! Мне нечем кормить сына!

В дверях нарисовался испуганный клерк в клетчатых нарукавниках, опасливо оглядел толпу и сразу же скрылся. Вместо него появился другой, покрупнее.

— Господа, сохраняйте спокойствие! — крикнул он. — Деньги придут в ближайшее время! Впрочем, я бы советовал вам попридержаться акции, ведь скоро они обязательно пойдут вверх...

— Слышали! Старая песня! — откликнулись из толпы.

— Пошел к черту со своими обещаниями!

— Давай сюда наши деньги!

— Согласно вчерашнему заявлению мистера Чертинга... — начал было клерк, но ему снова не дали договорить.

— Братцы! Вынесем-ка им дверь! — раздался из толпы бодрый голос.

Клерк не стал искушать судьбу и спрятался.

Краслен, с трудом пробившись сквозь толпу, подобрался к крыльцу. На нем располагались шкаф, буфет, поставленная на попа кровать и несколько разношерстных узлов с какими-то вещами. Среди этого барахла, здесь же, на крыльце, улеглись мужчина и женщина с грудным ребенком. Судя по всему, эти новобранцы армии бездомных были выгнаны с квартиры за неуплату только сегодня и еще надеялись восстановить прежнее положение, получив с банка некогда вложенные деньги. Через окно было видно, как клерки пытаются забаррикадировать дверь с той стороны.

Вход в контору Памперса находился рядом. Оказавшись внутри здания, Кирпичников пересек отделанный мрамором холл с диванчиками и снующими туда-сюда секретаршами в узких юбках, подошел к лифтам. Нужно было добраться до восьмидесят четвертого этажа.

— Прощу прощения, мистер, — вымолвил где-то между сороковым и сорок четвертым вертлявый парнишка в малиновом кафтане, сопровождавший Краслена в путешествии наверх, — не слышали ли вы что-нибудь о сегодняшнем курсе шиллинга? Нет? А об индексе рынка? Эх, как бы сбегать да выяснить...

На восьмидеят четвертом этаже лифтер, совсем как лакей из детских книжек о царском режиме, когда-то читанных Кирпичниковым, протянул сложенную горстью ладонь.

— Прости, приятель, — сказал ему пролетарий. — Я пока еще не начал зарабатывать. Кстати, советую тебе оставить эту рабскую привычку...

Стараясь держаться уверенно, Кирпичников ступил на бобриковый пол благородного горохового оттенка. Огляделся по сторонам. По углам коридора стояли в унылых горшках пуританские фикусы, перемежавшиеся плексигласовыми банками с водой для питья, возле которых красовались стопки маленьких пластмассовых стаканчиков. Строгий ряд одинаковых крашенных дверей смахивал на роту жандармов, поставленных сдерживать напор народного гнева. «А вот и командир роты», — подумал Кирпичников и направился к единственной двери, обитой черной кожей. Он оказался прав — скромная позолоченная табличка с жирным отпечатком чьего-то пальца торжественно извещала: «М-р Дж. — Дж. — Дж.-Р. Памперс».

Краслен постучался. Никто ему не ответил. Осторожно потянув за ручку, Кирпичников обнаружил, что дверь отперта. Внутри оказался коридорчик, где толпилось человек пятнадцать негров. Никто из них не посмел подать голоса, когда Краслен взялся за ручку следующей двери, обитую на этот раз красной кожей. Она тоже была отперта. Во втором коридоре обнаружилась точно такая же картина, что и в первом, только присутствовали скамейки и просителей (уже только белых) было несколько больше — около сорока. Возле третьей, лаковой, с золотыми перетяжками, двери сидела за специальным столиком секретарша.

— Вы записаны? — поспешила спросить она. — Мистер Памперс очень занят. Можете подождать, если хотите, но сегодня он, видимо, уже никого не примет!

— Я по важному вопросу, — сказал Кирпичников. — Передайте: это связано с

сокровищем, которое он хранит на своей фабрике!

— Мистер Памперс не хранит сокровищ на фабрике. Местоположение активов мистера Памперса является коммерческой тайной фирмы «Памперс и компания», — забубнила, как пластинка, секретарша. — Если вы желаете сделать мистеру Памперсу бизнес-предложение, касающееся финансов, то вам следует записаться...

— Передайте ему то, что я сказал!

— А вы записаны на сегодня?

— У меня есть очень интересное предложение для мистера Памперса.

— На какое число вы записаны? — бессмысленно повторила девушка.

— Мистер Памперс примет меня без записи, — стараясь сохранять спокойствие, выдавил Кирпичников. — Я имею к нему очень интересное и срочное дело, слышите?! Я хочу помочь христианскому миру в борьбе против коммунистической заразы!

— Коммунистическая зараза — это ужасно, — согласилась секретарша. — Мистер Памперс самоотверженно сражается с этой человеконенавистнической системой. Но, к сожалению, он сможет принять вас только в августе, в том случае, если вы...

— Имя Крылолета Буерова о чем-нибудь говорит вам?!

— Он записан? На какое число? Вряд ли мистер Памперс сможет его принять...

Пролетарское терпение лопнуло. Несмотря на визгливые протесты, Кирпичников отодвинул девушку-пластинку в сторону и открыл следующую дверь. За ней он надеялся обнаружить кабинет с самим Памперсом внутри одного, но нашел лишь очередной коридорчик. Здесь на выставленных в ряд диванчиках сидели пузатые люди во фраках, пенсне и цилиндрах. Похоже, им было невесело.

— Вернитесь немедленно! — голосила позади Краслена секретарша. — Вы не смаете идти в эту дверь, если не записаны на сегодня! Вы нарушаете установленное законодательство!

От украшенной некрупными алмазиками двери из какого-то, похоже, экзотического дерева отделились два мускулистых типа. Они пересекли диванный коридор с любопытно глазеещими капиталистами и вмиг оказались возле Кирпичникова.

— Чего тебе здесь понадобилось, бездельник?! — проговорил сквозь зубы первый.

— У мистера Памперса нет работы! Заруби себе на носу, слышишь?! Ни для тебя, ни для твоих лентяев-друзжков, — сообщил второй охранник.

— Я помощник Буерова! У меня есть план, как уничтожить Краснострию! — успел крикнуть Кирпичников перед тем, как быть выкинутым в холл. Через пару секунд пролетарий уже валялся на благородном бобриковом полу возле двери, обтянутой черной кожей. Над ним возвышались охранники. Первый из них, помахав кольтем, сказал:

— А ну быстро уматывай! Психов еще у нас тут не хватало... Считаю до трех — и стреляю!

Краслен встал на ноги.

— Та-а-ак... Раз! — сказал первый.

Краслен пошел к лифту. Чуть-чуть не дошел, обернулся. Второй охранник, достав тряпочку, старательно протирал позолоченную табличку с именем своего хозяина. Первый по-прежнему целился из пистолета.

— Два! — угрожающе сказал он.

— Ухожу, ухожу, — миролюбиво ответил Кирпичников.

Пустить Краслена в лифт обделенный чаевыми паренек отказался. Как выяснилось, этот мстительный субъект успел сговориться со всеми своими товарищами, так что пролетарию пришлось тащиться вниз пешком. Лифтер, обгоняя Краслена, спускался на своем средстве производства, останавливаясь на каждом десятом этаже, выходил на площадку и ждал Кирпичникова, чтобы злорадно наблюдать, как тот мучается. На сороковом Краслен не выдержал и врезал этому несознательному сопляку по физиономии.

На улице между тем толпа обманутых вкладчиков сделалась еще больше. Она по-прежнему галдела и волновалась, но, как только из радиоточки, установленной на одном из

ближаших столбов, зазвучали слова «результаты торгов» и «курс шиллинга», вмиг воцарилось молчание. После объявления новых курсов несколько дам, испустив ужасные стоны, лишились чувств, но не упали, а так и остались в вертикальном положении, поддерживаемые толпой со всех сторон.

По дороге домой, там, где заканчивалась респектабельная часть города и начинались трущобы, и без того раздосадованный Краслен увидел на стене листовку со своим плохо пропечатанным фотоснимком и мутной надписью: «Товарищи! Компартия Ангелики разыскивает шпиона! Не теряйте бдительности!» Похоже, его дела с каждым днем становились все хуже и хуже...

— Ага, не слушал меня! Я знал, что он тебя прогонит! — вечером говорил Джо Краслену.

— Надо же было по крайней мере попробовать...

— И что теперь? Попытаешься проникнуть к нему другим способом?

— Я все думаю, не попробовать ли забраться к этому Памперсу через окно...

— Влетишь к нему в аэроплане? — ухмыльнулся негр, глотая жидкую похлебку из чечевицы.

— Не говори глупостей...

— Может, попробуешь соорудить свой этот... как его... летатлин?

— Бесполезно, Джо. Я уже думал об этом. Воздух Ангелики слишком тяжелый, он весь пропитан человеческими страданиями, и летатлин не сможет подняться здесь. Он ведь работает только при коммунизме!

Услышав слово «коммунизм», негр мечтательно вздохнул.

— Не попробовать ли мне как-нибудь попасть на крышу небоскреба, чтобы потом спуститься с нее в окно к Памперсу, на веревке к примеру? — спросил Краслен.

— Возле выхода на крышу стоит охранник, который смотрит пропуска и позволяет проходить только рабочим газolinoвой станции. Самый легкий способ для тебя — это взять авиатакси и попросить приземлиться на крышу Брук-билдинга. Кажется, наших сбережений должно хватить на одну такую поездку... — задумчиво сказал Джо. — И давай организуем это рано утром. Хозяина обычно в это время не бывает, а уж с ребятами я договорюсь.

— Спасибо, товарищ! — радостно произнес Кирпичников.

— Кстати, о товарищах — пробурчал негр. — За сегодняшний день я сорвал, как последний штрейхбрейхер, четыре листовки компартии. Знаешь, чье фото там было?

— Да, знаю... — Веселость Краслена исчезла.

Утром следующего дня удивленный, но не ставший задавать лишних вопросов авиатаксист высадил своего пассажира возле заправки на крыше Брук-билдинга. Вид отсюда открывался потрясающий. Почтовый цеппелин причаливал к мачте соседнего небоскреба. На юге, востоке, севере и западе виднелись дерзко изгибающиеся змеи верхних линий метрополитена, на которых можно было, присмотревшись, разглядеть ползущие составы. Вдали, там, где кончался лес небоскребов, высился ряд труб электростанции — красивых, стройных, как ножки Джессики. На крыше соседней высотки, был, оказывается, ресторан. Между столиками, расставленными под открытым воздухом, сновали осоловелые, не спавшие всю ночь официанты. Большинство посетителей уже дрыхло, уронив головы на стол, но некоторые, уже еле передвигая ноги, упорно продолжали дрыгаться под джаз, как будто бы боялись остановиться. Внизу, у подножья Брук-билдинга, как и вчера, толпились банковские вкладчики. Похоже, за ночь их стало еще больше: теперь толпа окружала здание с трех сторон.

Конец веревки, дожидавшейся Краслена, уже был закреплен.

— Счастье, что твой Памперс обосновался так высоко, — заметил Джо, обвязывая товарища вторым ее концом. — Окажись его контора ниже хоть на несколько этажей, и веревку нужной длины было бы не найти.

— Сегодня я до него точно доберусь! — объявил Кирпичников.

— Ну, с Богом! — сказал негр.

— С Трудом, — сказал Краслен.

— Ага, с Трудом.

И пролетарий стал спускаться.

Верхний, девяносто третий этаж он прошел, дрожа от страха и не глядя по сторонам. То же было и на девяносто втором. К девяносто первому этажу Краслен пообвыкся и в общем перестал бояться, а на девяностом решил сделать остановку, отдохнуть. Закрепившись на карнизе, он огляделся по сторонам и невольно засмотрелся на строителей.

Рядом с Брук-билдингом строился еще один небоскреб. На верхнем из готовых этажей, на одной высоте с Красленом, дымила маленькая угольная печка, стоящая на деревянном настиле, и работала бригада унылых парней в грязной одежде. Один докрасна разогревал в печи здоровенные железные болванки и, взяв щипцами, бросал их другому, стоящему в нескольких метрах от него парню. Тот, балансируя на голой железной балке, ловил заклепку железным ведром, а затем вставлял ее в отверстие. Третий рабочий брался за болванку и, вися с внешней стороны здания, удерживал ее собственным весом, а четвертый расклепывал молотом. Этажом выше другая бригада рабочих встречала балки, поднимаемые краном, и закрепляла их огромными болтами. Восхищенный героизмом смелых пролетариев, Краслен немного понаблюдал за их работой и вскоре понял, что оператор крана работает вслепую, не видя, что творится наверху, включая и выключая мотор по удару колокола. «До чего же здесь плотная застройка! Страшно подумать, что будет, если кто-то из рабочих ошибется, что-нибудь уронит, — подумал Краслен, глядя на букашек-пешеходов, шныряющих по тротуару мимо стройки. — И какая это опасная работа! Имена всех этих парней надо написать на небоскребе золотыми буквами и каждому дать медаль за отвагу!»

Спустившись еще на два этажа, Кирпичников еще раз взглянул на недостроенное здание. Отсюда было лучше видно, что написано на плакате, украшавшем несколько верхних этажей: «Новый небоскреб от фирмы мистера Холлиса! Спешите купить у нас офис! Холлис строит дешевле!» Рядом была нарисована румяная толстощекая физиономия, надстроенная черным цилиндром.

В окне восемьдесят седьмого этажа Краслен разглядел худосочную машинистку. Ее равнодушные пальцы привычно скакали по клавишам ундервуда, а пушистые светлые волосы, забранные с помощью шпилек, трепетали, обдуваемые сразу тремя вентиляторами. На секунду девушка отвлеклась, случайно бросила взгляд на повисшего за стеклом Кирпичникова и, ничуть не удивившись, снова принялась за работу. «Даже не испугалась меня», — с некоторой обидой подумал пролетарий и, представив, как эта зануда молится в церкви каждое воскресенье и стыдливо натягивает юбку на колени, пополз дальше.

На восемьдесят шестом окно оказалось широко открыто. В нем со скорбным видом стоял клерк в белой рубашке и круглых очочках. Клетчатый галстук вился по ветру, как будто на прощание махал белому свету.

— Эй, приятель! — окликнул Краслен клерка. — Уж не надумал ли ты свести счета с жизнью?

— Только что я слышал сводку с биржи, — горестно отвечал самоубийца. — Шиллингу уже не подняться. Наши акции обесценились, фирма разорена. С минуты на минуту мне сообщат об увольнении!

— Брось, это еще не повод...

— Мне никогда больше не найти работы! Я не смогу содержать свою семью, я сделаюсь обузой для нее, понимаешь ты это? Жить в вагончике и копать в мусорных баках?! Нет, нет и нет! До этого позора я не доживу! Я хочу умереть офис-менеджером, а не нищим бродягой!

— Умереть всегда успеешь, — попытался переубедить его Краслен. — Может, с работой тебе еще повезет. Вот один мой приятель, к примеру...

— Нет, нет и нет! — воскликнул клерк. — Я не могу жить, когда акции «Стефенс и Ко»

продают по пять пенсов!

— Подумай о родных! — настаивал пролетарий. — Во сколько им обойдутся твои похороны!

Тут клерк задумался.

— Ладно, — сказал он через минуту, слезая с подоконника и брезжно закрывая ставни. — Пожалуй, ты прав. Остаться в живых экономически целесообразнее.

«Сколько же здесь сумасшедших!» — думал Кирпичников, спускаясь на восемьдесят пятый этаж.

Там на окне тоже висел какой-то парень. Краслен решил было, что это еще один желающий умереть, но, заметив два страховочных ремня и швабру в руках незнакомца, понял, что перед ним мойщик окон.

— Ты откуда и куда, приятель? — насмешливо спросил тот Кирпичникова. — Если собрался подзаработать, то рассчитывать тебе не на что. Окна с этой стороны уже три года моет только наша бригада!

— Я вам не конкурент, — миролюбиво ответил красностранец. — Просто пытаюсь попасть на аудиенцию к одному недружелюбному мистеру.

— Ха-ха! Забавно! — рассмеялся мойщик окон. — Упасть не боишься?

— А ты?

— Я-то уже привык. Видишь, там, под нами, собрались люди? Это безработные. Ждут, когда я грохнусь отсюда. Если когда-нибудь так случится, то, поверь, я еще до земли долететь не успею, как они наперегонки помчатся к моему начальнику, занимать освободившееся место! Так-то, парень!

— И ты так просто говоришь об этом?

— А что мне еще остается? — улыбнулся мойщик.

— Вступай в профсоюз и борись за охрану труда!

— Ха-ха-ха! Ну, шутник ты, приятель...

Оказавшись на заветном подоконнике восемьдесят четвертого этажа, Краслен осторожно глянул за стекло. Маленького человечка в черном цилиндре, расположившегося за огромным, размером чуть ли не со стадион, столом, он поначалу не заметил. Перед Памперсом — а кто еще это мог быть?! — лежала горсть медных монет, которые он внимательно разглядывал через монокль: считал, видимо. Окно, к счастью для Краслена, оказалось приоткрыто. Оставалось лишь толкнуть его, чтобы открыть настежь, и сделать шаг в комнату.

— Триста сорок миллиардов шестьсот восемьдесят восемь миллионов сто пятнадцать тысяч шестьсот пятьдесят девять шиллингов двадцать пять пенсов, — донеслось до Кирпичникова бормотание империалиста. — Триста сорок миллиардов шестьсот восемьдесят восемь миллионов сто пятнадцать тысяч шестьсот пятьдесят девять шиллингов двадцать шесть...

Краслен откашлялся. Памперс поднял глаза.

— Эти окна уже мыли! Убирайтесь! — бросил он. — Двадцать семь пенсов...

— Я не мойщик, мистер Памперс... — начал Краслен.

— Тем более убирайтесь! Двадцать восемь...

— Я имею к вам важное дело! Я друг Буерова... — Кирпичников старался быть как можно более кратким и напыщенным.

— Что? Двадцать... Двадцать... Черт!

— Объединимся, мистер! — возвысил голос Краслен. — Поможем друг другу задушить бесчеловечный режим коммунистов!

Но Памперс его не слушал.

— Двадцать? Тридцать? Сколько было пенсов?! Господи, а шиллингов сколько было? Шестьсот пятьдесят? Или нет?! Боже, боже! Я сбился!

— Послушайте меня, мистер! — настаивал Краслен, уже чувствуя, что это бесполезно.

— Проваливайте к черту, сумасшедший!!! — заорал покрасневший от злости буржуй. — Кто вы такой, в конце концов?! По каком праву, в конце концов?! Лазать в окна запрещено, в конце концов, для этого существуют двери, чтобы вам провалиться! Кто вам позволил так бесцеремонно врываться в мой кабинет и мешать мне считать деньги?! Теперь придется начинать все заново, черт побери!!!

— Мистер Памперс... — выдавил Кирпичников.

Памперс стукнул по столу кулаком, уронив при этом монокль, который, грохнувшись о мощную столешницу, разбился на десяток кусочков.

— Я разбил монокль! Из-за вас я разбил свой монокль! Вы виновны в порче имущества, с вас причитается полтора шиллинга! Я потерял полтора шиллинга по вашей милости! — истерично вопил Памперс.

Знакомая Краслену пара охранников к этому моменту уже была в кабинете хозяина.

— Полтора шиллинга! Я оштрафую вас на полтора шиллинга и еще три с половиной за моральный ущерб! Негодяй! Правонарушитель! Коммунист! Фашист! Недемократический элемент! Сумасшедший!

Вытряхнув из Краслена всю мелочь, какая при нем оказалась, и поколотив так, чтоб было больно, но не осталось следов, охранники решили проводить навязчивого гостя до самого порога. Уже знакомый лифтер, увидев Кирпичникова в сопровождении двух бугаев, прикусил язык и безропотно довез всех троих до первого этажа.

— Снова явишься — пристрелим, — напоследок сообщили пролетарию.

Почему-то он поверил.

У подножья небоскреба несколько монашек раздавали жидкий суп вкладчикам банка. Суп заканчивался, его едва хватало на половину несчастных: видимо, сестры то ли собирались повторить библейское «чудо» с тремя хлебами, то ли заботились не столько о насыщении голодных, сколько о демонстрации факта благодеяния. Вкладчики послушно крестились, получали свою баланду, жадно хлебали ее, раскачиваясь под пение церковного гимна, и равнодушно посматривали на лежащего поодаль мертвеца. Был это клепальщик, монтажник или же мойщик стекол, Краслен так и не разглядел.

16

— Давай еще раз, Ленни! — предложила негритянка и, не дождавшись ответа, нырнула под драную рогожу, которую ее экономные хозяева считали одеялом.

— Погоди, давай передохнем. — Краслен приподнял край рогожи и с любопытством посмотрел, чем там занята его боевая подруга.

— Тогда расскажи что-нибудь! — потребовала из своего укрытия пролетарка.

— Что? — устало простонал Кирпичников. — Снова про Красностранию? Я тебе уже все про нее рассказал...

— Правда, что ваши газеты никогда не врут?

— Ну конечно, правда, Джесси! Что за глупые вопросы?! Дай поспать немного!

— Дома отоспишься, безработный! На тебя-то, в отличие от меня, хозяева не косятся за то, что весь день носом клюешь! Давай поднимайся! Ты сюда пришел дружбу народов укреплять или что?! — зашумела Джессика. — Вот и укрепляй ее!

Краслен спрятал голову под рогожу. Он подумал, что негритянка в ту же секунду сорвет с него одеяло и набросится. Но нет. Пару минут было совсем тихо. Потом скрипнула кровать: Джессика встала, прошла по комнате, начала с чем-то возиться. Интересно, что она там делает? Минута, еще минута. Кровать снова скрипнула. Теплое тело негритянки прижалось к Кирпичникову. Кажется, он уже не хотел спать.

— Как там дела у Джордана? — спросила неожиданно пролетарка.

Игривое настроение Краслена сразу же улетучилось. Он вылез из-под рогожи, сел рядом с Джессикой, мрачно поглядел на нее — так мрачно, как только можно смотреть на

счастливую голую девушку, — и сообщил:

— Его уволили.

— Уволили?! — ужаснулась негритянка. — Боже мой, я так и знала! Опять что-то натворил?!

— Нет, просто его хозяин нашел какую-то женщину на его место. Женщинам ведь можно платить меньше, чем мужчинам.

— Мерзавка! Такие, как она, способствуют снижению зарплат и вредят всему рабочему классу! Бьюсь об заклад, она недолго там продержится!

— Можешь не биться. Уволили Джордана вчера, а сегодня на место этой особы уже приняли девчонку лет десяти. Детям ведь можно платить еще меньше, чем женщинам...

— Ужасные нравы! — вздохнула Джессика.

Краслен был у нее в гостях уже третий раз. Последние дни его все меньше тянуло думать о классовой борьбе, о возвращении на Родину, о Джонсоне, о гадкой ситуации, в которой оказался по милости Буерова... Ему вообще не хотелось думать о чем-либо. Весь сегодняшний день и половину вчерашнего Кирпичников провел в ожидании ночи, когда можно будет пробраться в самую убогую комнатку заветного особняка. Иногда — совсем редко, — когда в голову приходили мысли об опасности, о поруганном теле Вождя, о возможном рабочем суде над «предателем», Краслену казалось, что все как-то уладится само.

— Коммунисты не пытались арестовать тебя? — спросила негритянка. Похоже, она тоже больше не была настроена на любовные игры.

— Нет, — сказал Краслен.

Сначала он срывал листовки со своим фото и надписью «Компартия разыскивает». Потом перестал: боялся привлечь к себе внимание. До сих пор Краслену везло. Правда, вчера им с Джорданом пришлось со всех ног удирать от каких-то мистеров, одетых в белые колпаки, размахивающих топорами и выкрикивающих проклятия в адрес черных и тех, кто с ними дружит... Но введенные в заблуждение ангеликанские коммунисты пока что не добрались до Кирпичникова, хотя призывные листки с его физиономией плодились по городу, как инфузории-туфельки в пробирке.

— Тебе надо быть осторожнее. Обещаешь? Послезавтра я буду выходная и первым делом отправлюсь в наш штаб, чтобы все объяснить товарищам насчет тебя. Эх, чертова работа! Шесть дней нельзя отлучиться ни на секунду! Хозяева могут позвонить даже ночью... Завтра лучше не ходи сюда. Опасно.

— Хорошо, — сказал Краслен.

Вчера Джессика тоже велела больше не приходиться, но когда он появился — бросилась на шею.

— Послезавтра я схожу в штаб, — повторила негритянка. — Расскажу им все, что мы узнали о теле Вождя и фирме Памперса, а они уж что-нибудь предпримут, не сомневайся!

— Все наладится, все будет отлично, — сказал Кирпичников не столько девушке, сколько себе.

Потом они обнялись, замолчали и несколько минут, сидя в тишине, слушали дыхание друг друга.

— А там, в Краснострании, у тебя не было возлюбленной? — спросила неожиданно негритянка.

— Твоя грудь похожа на большую шоколадную конфету, — ответил Краслен и принялся ласкать означенную часть тела.

Из особняка он, как и в прежние два посещения, вышел, когда уже рассветало. Старый привратник Питер клевал носом возле своей сторожки, сжимая в руке свисток. Джессика наобещала старому негру с три короба, так что красностранца он теперь пропускал беспрепятственно, даже, можно сказать, находился с ним в приятельских отношениях.

— Что не спишь, дружище? — весело бросил ему Краслен.

— А? — Привратник встрепенулся, покраснел и зачем-то сунул свой свисток в карман.

— Ступай поспи!
— Да мне не хочется...
Краслен пожал плечами.

Причину странного поведения Питера он понял спустя минуту, когда, выйдя за ворота, услышал пронзительный свист и в то же мгновение, не успев ничего понять, был схвачен невесть откуда появившейся четверкой крепких парней.

17

«У меня есть одна штучка, одна маленькая такая штучка. Но о ней знает только Джимми, один только мой Джимми...»

Эти слова были первыми, которые, несмотря на шум в ушах, проникли в сознание Краслена после того, как он обнаружил, что все еще жив. Через секунду к звукам пошлой песенки добавился шум воды. Еще через полсекунды Кирпичников различил звон посуды и понял, что уже в силах открыть глаза.

Комната оказалась большой, лишенной окон, но прекрасно освещенной электричеством. Стены, облицованные белым кафелем, навевали мысли о чем-то зловещем; куски свежего мяса, развешанные по крюкам и лежащие на оцинкованном столе возле окровавленного ножа, а также бурлящее нечто в кастрюльке на жаркой плите тоже почему-то не казались аппетитными. Более-менее безопасной выглядела только брюнетка, которая мыла посуду в эмалированной раковине, прыпсывая под «Маленькую штучку», звуки которой, кажется, доносились из соседнего помещения. Внимания на Краслена она совершенно не обращала. Связанный как эмбрион, с руками, примотанными к бедрам, и заткнутым ртом, он попробовал было приветствовать посудомойку мычанием, но та не ответила. «Штучка» закончилась. «Уж не в „Черной“ ли я „...кошке“?» — подумал Краслен после того, как из за стенки донеслось: «Он видел меня голой, совершенно голой! Ах, какой конфуз!» «Голой, голой, ну просто полностью без одежды! Ух, как же так могло получиться?!» — самозабвенно подпевала безголосая посудомойка, подпрыгивая с жирной тарелкой в руках и не замечая мыльных брызг, летевших на Краслена.

Неожиданно единственная дверь ужасной комнаты открылась, и в проеме возник парень. Тут сомнений не осталась: его форма была именно такой, в какой ходили подавальщики из кабары, где Кирпичников так и не встретил коммунистического вождя.

— Лола, там хотят седло барашка с ананасами! — сообщил официант.

— Где я его возьму?! — буркнула работница. — У нас сроду не водилось баранины!

— Не говори ерунды, а? От донна Мальдини осталось еще больше трети!

— Ну ладно, сготовлю...

— Давай пошевеливайся! Да не забывай, что бывших донов мы режем на красной доске, а бывших собак и кошек — на синей! — сказал подавальщик. — О, глянь-ка! Наш свежий очнулся!

Краслен постарался не выдать испуга. Посудомойка с любопытством уставилась на него.

— Из каких он? Не знаешь? — спросила девица. — На мафию вроде не тянет. Наверное, чей-то богатенький сын, будут требовать выкупа? Нет, не похоже...

— Не суйся не в свое дело, Лола! — оборвал девушку официант. — Ты что, тоже хочешь оказаться запеченной с ананасами?!

— У нас нет ананасов, — съехидничала та. — Мы уже давно кладем картофель с сахаром!

— Тем более помалкивай!

Дверь хлопнула.

Когда Лола полезла за какой-то надобностью в большой холодильный шкаф, урчание которого тоже было угрожающим, Кирпичников малодушно закрыл глаза, предпочитая не видеть, что будет извлечено оттуда. Целый час он просидел, не открывая глаз и слушая, как

стучит о деревянную доску нож, как шипит масло и как непристойная девка на сцене за стенкой поет: «Хочу миллионера! Ай-яй-яй, хочу миллионера!»

Вскоре в зале стало тихо (очевидно, началось раздевание), а кухня, напротив, наполнилась шумом. Открыв глаза, Краслен обнаружил, что здесь крутятся уже не одна, а четыре женщины, все черноглазые, черноволосые, очень похожие друг на друга. Одна была беременна, за юбку второй цеплялся ребенок, еще трое малышей ползали по полу. Мясо жарилось, тесто раскатывалось, с только что отваренных макарон стекала вода, круглый открытый пирог помещался в электродуховке... Поварихи покрикивали друг на друга. Между собой они общались то по-англикански с акцентом, то на каком-то другом, не знакомом Краслену наречии. Понял пролетарий из их речи только то, что белых бывших донов следует разделять ножом с зеленой ручкой, а черных — их и донами-то, в общем, не называть, так, человечки — с ручкой желтой. Дальше слушать не хотелось. Да и не до женских разговоров стало ушам Кирпичникова, когда два любопытных карапуза, подобравшись поближе, начали дергать за них что есть силы.

Прошло еще некоторое время. Поварихи закончили свою работу и разошлись, выключив свет. Музыка за стенкой умолкла. Потом свет зажегся снова и Кирпичников увидел на кухне голую девицу, поедавшую куски мяса прямо со сковородки. Это была одна из тех, что раздевались на сцене для публики. Краслена она игнорировала напрочь: безо всякого смущения не только показала все, что можно, но и облизала при нем пальцы.

В третий раз свет включился минут через двадцать после ухода танцовщицы. Несколько мужчин — одни в форме официантов, другие в щегольских полосатых костюмах — возвышались над Красленом, с интересом его разглядывая.

— И чем же ты так навредил этим коммунистам? — спросил самый толстый, самый лощеный из них, обменявшись с родственниками (а прочие, несомненно, были его родней, судя по внешнему сходству) несколькими фразами на родном языке.

Кляп изо рта Краслена не вытащили, так что вопрос, видимо, был риторическим.

— Так сколько, вы говорите, Свинстон пообещал за него?

— Пять тысяч шиллингов, папа, — ответил один из парней.

— Пять тысяч?! И вы взялись за это дело, даже не поторговавшись?! Олухи! Канальи! Вы себя не уважаете!!! — взревел толстяк. — Пять тысяч... Ха! Ха-ха!

— Можно попросить больше, ведь этот тип у нас, и он нужен Свинстону, — вставил один из официантов.

— Пригрозить, что убьем, если Свинстон не даст шесть... семь... десять! — добавил другой.

— Давайте будем отрезать ему по пальцу каждый день, — сказал еще один.

Краслен сидел ни жив ни мертв. Даже затекшие руки и ноги стали казаться ему мелочью.

— У тебя, Луиджи, вечно одни пальцы на уме! — сказал папаша. — Это пошло и давно вышло из моды! Тьфу! Пять тысяч... Олухи... Болваны!!!

— Если хорошо все объяснить этому Свинстону...

— ...клянемся, он даст больше!!!

— К черту вашего Свинстона! — заявил главный. — Свинстон захотел его поймать, потому что он враг коммунистов. Ну, а мы дадим ему понять, что семейство Казати достойно большего, чем жалкие пять тысяч шиллингов! И этот Свинстон будет кусать локти, ясно вам?! Пять тысяч, мать Божья... Мы продадим этого парня коммунистам, раз они так его ищут! Наверняка у них найдется для нас лучшее вознаграждение!

Довольный своей мыслью, папаша оглядел банду и добавил к сказанному несколько непонятных Краслену фраз.

— А кормить его надо? — спросил по-англикански один из младших гангстеров.

— Нет, конечно! — фыркнул главный. — Зачем переводить добро на этого типа? День протянет и так, а дальше коммунисты все равно его убьют.

— Можно я его тогда кастрирую, папа? — спросил самый худенький, плюгавенький

официантик. — Давно не практиковался. Ему же все равно уже не понадобится...

— Нет!

— Но...

— Нет, я сказал! Что за дурная привычка спорить со старшими?! Ладно, посмотрели на него и хватит, марш отсюда, у нас еще есть дело!

Гангстеры поспешили убратся с кухни. Оставшись последним, папаша еще раз довольно взглянул на Краслена, потом открыл дверь холодильного шкафа и сказал чему-то там, внутри:

— Ну что, Винченцо? Как тебе? Не сладко? А ведь я предупреждал!

Ночь, в течение которой Краслена охраняли два чернявых подростка, без конца игравших в карты и ругавшихся на своем родном языке, прошла в размышлениях. Кирпичников думал о смерти. Размышлял, продолжится ли борьба классов на том свете, или загробный пролетариат уже одержал победу, и поэтому подвигов там, как и здесь, совершить не удастся? А может быть, сознание после смерти распадается — и все, и пустота, небытие? Так — не хотелось. Быть казненным в качестве предателя, бесславно и нелепо, не хотелось еще больше. Краслен без конца повторял самому себе невесть где почерпнутую мысль, что смерти нет, но лучше от этого не становилось.

Более-менее отвлекали только мысли о буржуях. Получается, Свинстон, один из опаснейших капиталистов и злейших врагов рабочего класса, владелец промышленных предприятий, печатных органов и транспортных средств, нанял гангстеров, чтобы те поймали для него Кирпичникова? Но чем Краслен мог его заинтересовать? Неужели Свинстон клюнул на приготовленную для Памперса приманку и решил сотрудничать с бывшим приспешником Буерова? Выходит, листовки компартии сделали свое дело и Краслен стал казаться буржуйам ценным кадром, необходимым для борьбы с рабочим движением? О, Труд, чего только не бывает на свете!.. Впрочем, теперь уже все равно. Гангстеры сбдут Краслена коммунистам, а им он ничего не докажет. Расстреляют — будут правы. Он, Кирпичников, на месте пролетариев Ангелики, наверно, поступил бы точно так же.

...Сон прервали вспышка электрического света, стук внезапно распахнувшейся двери и голос — бодрый, сильный, злой:

— Ну? Он?

Краслен открыл глаза. Перед ним стояли двое — главный гангстер и рабочий в синем хлопковом комбезе и фуражке.

— Он, — сказал рабочий бандиту. И добавил, обращаясь к пролетарию: — Ну что, холуй буржуйский? Вот и встретились!

Кирпичников не стал ничего мычать в ответ. Ему с грустью подумалось, что, быть может, придется так и умереть — с кляпом во рту, не сказав больше ни слова в этом мире.

— Шесть тысяч шиллингов, — не тратя времени понапрасну, сказал главный гангстер.

— Но мы, кажется, договаривались о пяти с половиной! — возмутился представитель партии нового типа.

Его гнев показался Кирпичникову таким справедливым, что, забыв, что перед ним, возможно, будущий палач, Краслен мысленно вознегодовал на бесчестного гангстера, не ведавшего, каким каторжным трудом добывают свои кровные шиллинги те, кому, в отличие от всяких Свинстонов, нечего продать, кроме своих рабочих рук... и, может быть, своих цепей.

— Инфляция, молодой человек, — небрежно заявил бандитский «папаша». — Вы слышали сводки с биржи? Сколько стоил хлеб вчера вечером и сколько сегодня утром?

— Учитывая опасность, которую представляет этот субъект для рабочего класса, готов уплатить пять шестьсот, — сообщил коммунист.

— Несерьезно, молодой человек, — протянул гангстер.

«До чего же акцент у него неприятный», — подумал Краслен.

— Пять шестьсот пятьдесят.

— Мамма мия! Какие шестьсот пятьдесят?! Да вы только взгляните, какой он здоровый, хороший, красивый!

«Он что, на базаре? Коня продает?» — возмутился Краслен про себя.

— Смотрите, не перехвалите свой товар, а то, глядишь, расхочется продавать, — сдержанно пошутил коммунист.

— Не расхочется! — противно ухмыляясь, сказал гангстер. — У нас есть еще один покупатель. Уж не знаю, чем вам так насолил этот парень, но если он попадет в лапки к Свинстону... Нет, я скажу так: в объятия к Свинстону, ибо...

— Что ж. Пять семьсот.

— ...Ибо Свинстон так жаждет увидеть его в своем стане...

— Семьсот пятьдесят. Пять семьсот пятьдесят.

— Так вот, молодой человек. Если парень окажется в лапках у Свинстона, думаю, он сумеет доставить вам такую массу неприятностей, что потеря каких-то шести тысяч шиллингов покажется комариным укусом!

— Пять тысяч восемьсот шиллингов и ни пенсом больше.

— Но тут уже и до шести недалеко, а, молодой человек? Может быть, округлим? Знаете, мои официанты обожают посетителей, которые говорят «сдачи не надо»! Вы ведь не будете невежей и оставите нам чаевые, а, товарищ рабочий?

— Ваши шутки абсолютно не смешны, мистер!

«До чего же не умеем торговаться мы, рабочие», — сочувственно подумал красностронец.

— Что ж, молодой человек! Исключительно из личной симпатии к вам соглашаюсь на пять тысяч девятьсот девяносто девять! — сделал широкий жест мафиози.

Коммунист, судя по его физиономии, хотел выругаться, но сдержал себя и сухо ответил:

— Пять восемьсот. Точка.

— Будь по-вашему! Пять девятьсот девяносто! Ведь я же не жаден...

— Нет, пять восемьсот.

— Что же, вы непреклонны?

— Я рад, что вы это поняли.

— Что же, больше ни пенса?

— Ни пенса.

— Понятно. Ребята, зовите второго! — сказал, обернувшись, кому-то за дверью бандит.

Через минуту в дверь ввалился типус в мешковатом сером костюме, помятой шляпе, за ленту которой была заткнута пятишиллинговая банкнота, круглых интеллигентских очочках и галстук, разрисованном плюшевыми медвежатами.

— Я уполномочен мистером Свинстоном... — загнусавил он было, однако, увидев коммуниста, несколько опешил: — А что, собственно, происходит? Кто этот человек, как он относится к нашему делу?

— К вашим антинародным делишкам я, к счастью, не отношусь никак! — поспешил заявить рабочий. — К тому же скоро им придет конец!

«Даже одна отдельно взятая кухня и та может служить ареной классовой борьбы», — думал Краслен. — Прав был двадцать третий съезд Партии рабочих, указавший на усиление мирового антагонизма в связи с обострением международной грызни и вхождением капитализма в последний, самый гнилой этап последней, самой реакционной, империалистической фазы!»

— Спокойнее, спокойнее, сеньоры, — сказал гангстер. — Разве так ведут себя на аукционах? Итак, наш первый лот — парень с коммунистических листовок, который сидит сейчас связанный на кухне моего ресторана. Начальная цена — пять тысяч восемьсот шиллингов. Кто больше?

Приспешник капитала и рабочий беспокойно посмотрели друг на друга.

— Мистер Свинстон говорил о пяти тысячах, — не очень уверенно сказал очкастый типус.

— Очевидно, цена устарела. Итак, господа?

Повисла минутная пауза.

— Хорошо, — сказал наконец очкастый. — Мистер Свинстон предвидел такой ход событий и уполномочил меня поднять цену до шести тысяч.

— Вот это уже деловой разговор! — обрадовался ганстер. — А что скажете вы, молодой человек?

В глазах коммуниста пылало возмущение, но допустить, чтобы классовый враг соединил свои силы с другим классовым врагом, он не мог.

— Я должен телефонировать в штаб, — признался он.

Телефонный аппарат стоял в соседней комнате, и Краслен прекрасно расслышал рабочую шифровку: «Алло, Киска? Это Зайчик. Киска, наш малыш просит купить ему еще один леденец. Но это ведь непедагогично...»

— Шесть тысяч двести, — решительно заявил вернувшийся коммунист.

— Шесть триста, — мгновенно отреагировал приспешник буржуазии.

— Шесть четыреста.

— Шесть четыреста пятьдесят...

— Не снижайте темпов, сеньоры! — азартно воскликнул гангстер, чьи глазки начали похотливо блестеть.

— Шесть пятьсот, — выдохнул коммунист.

Очкастый мистер мрачно оглянулся по сторонам:

— Теперь телефонировать должен я.

Он вышел. Через несколько секунд из-за стены послышались слова: «Барышня, дайте двенадцать-тринадцать! Мне срочно! Занят? Черт побери, немедленно соедините, как только освободится!»

Через пять минут рабочий передал своим еще одну телефонную шифровку, вызвав на подмогу товарища с деньгами. Потом к аппарату снова побежал приспешник капитализма. Второй приспешник примчался на его зов как ракета и, стремительно ворвавшись на кухню, налетел на холодильный шкаф, стукнув о него свой чемодан. Чемодан не преминул раскрыться: из его крокодильей пасти вывалилось несколько пачек шиллингов, сбором которых слугам Свинстона пришлось заниматься последующие несколько минут. Рабочие презрительно наблюдали за тем, как мистеры в костюмах ползают на карачках, кланяясь своему главному божеству. Что касается ганстера, то ему хватило одного взгляда, чтобы подсчитать сумму высыпавшихся на пол денег и небрежно заявить капиталистам:

— Значит, десять тысяч триста тридцать? Очень мило, я не против. Слово за мистерами коммунистами!

Через полчаса сумма дошла до пятнадцати тысяч, а количество представителей с обеих сторон увеличилось вдвое. На кухне стало не протолкнуться. Когда один из рабочих в очередной раз вызвал подмогу, Краслен подумал, что задохнется здесь вместе со всей компанией, не дождавшись исхода торгов. Обе стороны теперь не спешили называть новые суммы. Продавец и покупатели молчали, многозначительно переглядывались, переминались с ноги на ногу, следили за поведением конкурентов и дожидались вызванного подкрепления с деньгами и секретными указаниями.

— Кажется, сегодня мне придется открыть заведение на час позже. А может быть, даже на два, — равнодушно заметил гангстер. — Впрочем, мистеры, я совершенно не тороплюсь. Я могу даже совсем не открывать его сегодня. Пусть Джульетта и Розина отдохнут!

С этими словами он вытащил пилочку для ногтей и, не стесняясь присутствующих, занялся маникюром. Покупатели молча наблюдали за его туалетом, ожидая прихода пятого коммуниста.

«Если он будет негром, то я погибну, если белым — останусь в живых», — загадал

Кирпичников. Он так уверовал в эту глупую примету, что в ужасе зажмурился, когда дверь в очередной раз скрипнула и в толпе мелькнуло черное лицо. Потом собрал волю в кулаках, вспомнил лекцию о материализме как единственно верном взгляде на природу, попытался убедить себя в том, что еще не все потеряно, выдохнул, открыл глаза... И увидел Джессику.

Она смотрела на него — испуганная, нежная, решительная. Такая же, как и неделю назад (Труд, неужели всего лишь неделя прошла?), когда он впервые ее увидел: босиком, в заношенном, практически прозрачном желтом платье, с узелком. Теперь в нем были деньги, разумеется. Знала ли Джессика, кого идет покупать для своей партии? Было ли ей вообще известно, что случилось с Красленом?..

— Люди Свинстона предлагают пятнадцать тысяч, — тихо сказал негритянке один из рабочих.

А она глядела на пленника, не отрываясь. «Не позволяй им купить меня!» — мысленно попросил Кирпичников. И в глазах негритянки прочитал: «Ни за что не позволю!»

— Джессика, мы можем предложить больше пятнадцати? — спросил нетерпеливый рабочий.

По лицу негритянки было видно, что она растеряна. «Ну что же ты, скажи им, что я не предатель!» — подумал Краслен. И вдруг понял, в чем дело. Ему выдался шанс проникнуть в стан врага, сделать то, что до сих пор оборачивалось только побоями и досадными поражениями. Скажи Джессика прямо здесь, сейчас, при людях Свинстона, что Кирпичников честный коммунист — и все планы по спасению тела Вождя рухнут. Да и как отреагируют гангстеры, узнав, что их заложник теперь никому не нужен? Уж конечно, не отпустят на свободу. Быть ему, Краслену, эскалопом, лежать ему на красной доске под зеленым ножом...

— Генри, у нас нет таких денег, — сказала Джессика.

— Что? Как нет?! — заволновались рабочие.

«Папаша», ждавший двадцати или хотя бы восемнадцати, грустно вздохнул и спрятал пилочку в карман.

— Мы не можем себе позволить, — тихо повторила негритянка. — Джонсон распорядился уступить.

— Как так «уступить»?!

— И что будет, когда он окажется у Свинстона?!

— А твой узелок, Джессика?! Что в нем?!

— Джонсон распорядился уступить, — решительно повторила негритянка.

Несколько секунд коммунисты молчали. Потом тот, что пришел первым, повернулся к гангстерскому «папаше» и уныло заговорил:

— Ну, стало быть, мистер...

— Какого черта?! — прервал его истошный вопль несдержанного однопартийца. — Мы же только вчера экспроприировали содержимое банковского автомобиля!!!

— Уймись, Билли! — зашумели на него рабочие. — Приказ есть приказ!

— К чертям ваши приказы! Мне вообще не надо ни приказов, ни денег, чтобы расправиться с этим предателем! — заорал Билли, выхватив маузер.

— Не на кухне, нет! — успел воскликнуть гангстер.

Джессика бросилась к Билли.

Краслен не успел разглядеть, как она сумела толкнуть его под руку. Выстрел оказался ужасно громким: раньше, мечтая о классовых битвах, Кирпичников представлял себе это несколько по-другому. Свиста пули, о котором так часто пишут в книгах о героизме, он не слышал вообще. А вот звук бьющейся посуды над головой и ощущения от сыплющихся на голову осколков оказались невероятно приятными. «Жив!» — понял Краслен, чувствуя, как на него валятся куски фаянса. Последним, что он услышал перед тем, как какая-то тяжелая дрянь грохнулась ему на голову, лишив сознания, был вопль гангстера:

— А-а-а! Моя супница!!!

Солнце уже почти спряталось за лесом небоскребов, а фонари и электрические рекламы еще не горели. Небо было серым. К секретному месту капиталистического совещания Краслена подвезли в открытом авто, брезентовая крыша которого была, однако, поднята: сильный ветер, вот-вот обещавший начало дождя, бросал в глаза прохожим уличную пыль и носил туда-сюда разноцветные пустые пакеты из-под жареного картофеля. В такую погоду Манитаун казался особенно мрачным. Пожалуй, он показывал свою истинную сущность.

Мистер Свинстон — два метра на полтора, наглый взгляд, шляпа горчичного цвета и слишком сильный запах одеколона — встал, почти загородив собой большое круглое окно, из которого открывался лучший вид на Манитаун. Тайное совещание капиталистов, как и обычно, происходило на верхнем этаже самого высокого в городе небоскреба.

— Мистер Кирпичников! — важно сказал главный буржуй. — Все мы, скромные слуги демократии, рады приветствовать вас, героического борца с тоталитарным коммунистическим режимом и друга Крылолета Буерова, долгие годы бесстрашно сражавшегося за мир во всем мире и подъем курса шиллинга! Позвольте от имени всех друзей человечества выразить восхищение вашей беспримерной самоотверженностью, проявленной в ходе операции по уничтожению опаснейшего провокатора и врага мирных ангеликанцев Джона Джонсона! К сожалению, в этот раз операция не удалась. Но каждая новая попытка приближает нас к установлению всемирной демократии и полного контроля над источниками нефти! Bravo, Кирпичников!

Буржуи захлопали. Рассевшиеся вокруг овального стола, за которым поместился и Краслен, все они были при параде: в черных фраках и цилиндрах, с непременными золотыми цепочками на внушительных животах, надушенные, напомаженные, набриолиненные. Присутствовал на этом синедрионе и Памперс. Краслен сразу заметил его недовольную физиономию, украшенную новым моноклем. Физиономия стала еще недовольнее, когда Свинстон произнес:

— Примите наши извинения, мистер Кирпичников, за то, что не все из нас были сразу осведомлены о вашей миссии и не оказали вам нужного приема в соответствующий момент. Просим прощения также за не вполне приятный для вас способ, которым нам пришлось воспользоваться для установления контакта.

Повисла пауза. Кажется, нужно было что-то ответить.

— Ерунда, мелочи, — как можно непринужденнее сказал Краслен. — Какие могут быть обиды между своими людьми...

Свинстон расплылся в улыбке:

— В наш безумный век так мало самоотверженных и бескорыстных служителей демократии, которым чужды личные амбиции, мистер Кирпичников! Как же я рад, что имею возможность познакомиться с таким человеком.

— Хватит рассыпаться в комплиментах, Свинстон, пора перейти к делу! — прервал льстивого оратора один из капиталистов.

— У нас мало времени! — добавил другой.

— У Шпицрутена оживин, шахтеры угрожают стачкой, Колбасье заменен на Мореля, в чертовой Краснострании опять, как назло, перевыполнен план по свинооткорму, Чертинг что-то корчит от себя, газеты совершенно отбились от рук, а мы тут сидим и рассуждаем! — выпалил еще один — противный, краснолицый и небритый.

Лицо Свинстона стало серьезным.

— Есть какие-нибудь новости от наших агентов в Брюнеции? — сухо спросил он.

— Лиззи застрелилась, Брук не выходит на связь, Вирджиния в больнице с обширными укусами, Мэри не может сидеть после первой разведоперации... И никаких новых сведений.

— А Бриттани? Она не может подвести, она же ветеран Империалистической, еще к Красностранскому царю, помнится, подкладывали...

— Бриттани уходит в монастырь.

— Проклятый Шпицрутен!

— Может быть, отправим к нему мальчика?

«О, нет! — в ужасе подумал Краслен. — Ведь не за этим же меня сюда пригласили?!»

Раздалась спасительная реплика:

— Вы занимаетесь ерундой, мистеры! Действовать надо не таким примитивным способом! И лучше не иметь дела с этим сумасшедшим, у него же каждый день новые фокусы. Необходимо внедрить агентуру в брюннский генералитет и создать там партию войны с С. С. С. М.! Подтолкнем Шпицрутена к мысли о том, чтобы напасть на Красностранию, а сами будем сидеть и наблюдать, как эти тигры пожрут друг друга!

— Вот именно! — раздался другой голос. — Давно пора оставить эту постельную разведку и перейти к решительным действиям! Где это видано — ни одной крупной войны за столько лет?! У меня все склады забиты фугасными бомбами...

— А у меня баллонами с ипритом! — зазвучал третий голос.

— А у меня солдатскими шинелями! — послышался четвертый. — И что прикажете делать? Продаж никаких, платить портнихам нечем, бездельницы только и знают, что устраивать стачки и кричать о равноправии женщин! Пробовал перестроиться, шить дамские пальто, но из-за этого паршивого кризиса ни у кого нет на них денег! Если война не начнется в этом году, господа...

— ...Если война не начнется через месяц, мы пойдем по миру! — завершил пятый.

— Дредноуты «Свобода» и «Демократия» уже двадцать лет киснут на приколе, — напомнил шестой капиталист. — Еще немного, и их придется сдать в металлолом. Подумайте, какие убытки!

Буржуи возбужденно загудели.

— Надо принять меры! — доносилось до Краслена.

— Пусть они пожрут друг друга!

— Наведем там демократию!

— Подъем патриотизма, вот что нужно! А то больно распоясались рабочие!

— Иприт гниет на складе!

— Вы болваны, — сказал Памперс.

На секунду все замолкли, пораженные.

— Ха, Рональд, — усмехнулся краснолицый. — Ты боишься, что, когда война начнется, перестанут покупать твое мороженое! Ясно! Но, приятель, ведь его и так не покупают!

— Вы трижды болваны, — отвечивал Памперс невозмутимо. — Вчера бастовали горняки, сегодня сталевары, завтра железнодорожники! А Джонсон? Чем дольше мы его ловим, тем популярней становится его партия! Нам не выиграть этой войны, пока не кончится кризис, не выиграть даже руками Брюнеции!

— У брюннов оживин, — заметил Свинстон.

— Так вот именно! Как только Шпицрутен найдет способ оживлять своих солдат, он перестанет даже делать вид, что советуется с нами! Передавит красностранцев и двинется на Ангелику, попомните мое слово!

— Что ж, резонно.

— Этот может.

— Огржицу, глядите-ка, сожрал, не подавился.

— Может, позволить ему аннексировать всю Вячеславию? Поиграется, пока суд да дело.

— А что потом? Ждать, когда он достаточно усилится, чтобы самому напасть на Ангелику?! — воскликнул мистер с бомбами на складе. — Ну уж нет, надо действовать, и действовать прямо сейчас! Провокация! Дезинформация! Все что угодно, лишь бы Шпицрутен напал на Красностранию, и как можно скорее!

— Нужно играть заодно со слабым против сильного! Этот древний принцип никогда не подводил ангеликанцев! — закричал буржуй с шинелями. — Временный союз с коммунистами против фашистов, вот в чем мы сейчас нуждаемся!

— Только вот коммунисты вряд ли нуждаются в нас.

— Краснострания слабее Брюнеции? Не смешите меня! У коммунистов есть летающие танки и беспроводное электричество! Там народ, черт побери, заодно с правительством! А что имеет Шпицрутен?

— Он имеет оживин, осел ты этакий!

— Но откуда он его получил? Не из той же ли Краснострании? Кто гарантирует, что там не осталось ученых, посвященных в суть дела или опытных образцов, формул?.. Я не знаю, чего угодно!

— Насчет этого можете не волноваться, — заметил Свинстон. — Из ученых в лапы к брюннам не попал только Уильямс. Мои люди встретили его прямо в порту, сняли с парохода совсем тепленького... Потом, к сожалению, недоглядели, он на другой день повесился в спецпомещении.

«Уильямс! — вспомнил Кирпичников. — Пьяный профессор на пароходе! Так вот от кого я слышал про оживин! Но как, однако же, лихо решают эти буржуйские морды судьбу человечества! Надо будет обязательно написать в „Новую жизнь“ и в „Известия“, когда выберусь отсюда. То есть, если выберусь, разумеется...»

Капиталисты спорили во весь голос, начинать им войну или не начинать. О присутствии Краслена они, кажется, совершенно позабыли.

— Ну тише же, тише, господа! — воззвал ко всем Свинстон, когда дискутирующие перешли на личные оскорбления. — Сейчас, когда труд с каждым днем усиливает свой натиск на капитал, мировые силы реакции должны быть сплоченными как никогда, а не ругаться по всякому поводу! Наши разногласия вызывают заминки в капиталистическом нажиме и отдаляют ту минуту, когда мировая революция наконец будет задушена. Помните об этом, господа!

— Что вы предлагаете, Свинстон? — пробурчал краснолицый капиталист.

— В первую очередь — изъять у Шпицрутена оживин.

— В смысле ученых, над ним работающих?

— Ну, разумеется. Лучше, конечно, если живыми, но в крайнем случае можно и мертвыми.

— А что делать с тем, для кого этот оживин предназначался? — спросил Памперс. — Для него пришлось очистить целый цех! Боюсь, как бы этот хмырь не разморозился! Если вдруг отключат электричество, им провоняет вся моя фабрика! Лучше бы уничтожить...

«Для кого он предназначался!» Эти слова чуть не заставили Краслена подпрыгнуть на месте. Ему стало понятно все. Так вот вокруг какого сюжета крутится вся мировая политика! Красные ученые были близки к созданию чудодейственного средства, призванного вернуть Первого Вождя мировому пролетариату, но для брюннских и англиканских шпионов это не осталось тайной. Договориться они, конечно же, не могли. Или не хотели, что, в общем-то, то же самое. Конечно, воскрешение Вождя, грозившее мировой революцией, пугало и тех и других. Вот буржуи с капиталистами и приняли меры... Одни выкрали тело, а вторые — ученых. Теперь они, видимо, гадают, что делать дальше.

— С уничтожением лучше не торопиться, — сказал Свинстон. — В наших руках заложник, которым можно будет неплохо воспользоваться при случае. По крайней мере, потребовать за него выкуп.

Краслен сжал кулаки под столом. Да как они только смеют рассуждать о теле Вождя в таком тоне! Ничтожества, кровопийцы, угнетатели, эксплуататоры... Ах, если бы Вождь был жив, если ли бы он только был жив...

Тяжелая рука Свинстона легла ему на плечо.

— Мистер Кирпичников, по нашим сведениям, вы владеете брюннским языком... А ваш агентский опыт! Он просто бесценен! Буеров никогда не ошибался в людях, и мы верим вам так же, как верили нашему безвременно ушедшему подголоску! Вы ведь не откажетесь еще раз послужить на благо капитализма?

— Разумеется, господа, можете не сомневаться!

Как будто у Краслена были другие варианты ответа! Как будто он не видел мускулистых ребят с револьверами, встретивших компанию у входа, расставленных по всему зданию, дежуривших за дверями тайной комнаты! Впрочем...

Статус англиканского агента даст ему множество преимуществ в деле спасения Вождя. К тому же оживин действительно нельзя оставлять в руках Шпицрутена. Краслен отправится за учеными и их изобретением в фашистскую страну. Только действовать, разумеется, будет не в интересах буржуазии...

Капиталисты еще долго переругивались, спорили, решали, кем наполнить демократически избранный парламент, мечтали об окончании кризиса и разглагольствовали о войне. В результате прозаседали аж до полуночи. Когда по основным вопросам была наконец достигнута договоренность, разбились на группки и продолжили общение в тесном кругу. Свинстон подтащил Кирпичникова к полукруглому окну, за которым открывался потрясающий вид на Манитуан, и попытался завести с ним разговор по душам.

— Какая ночь... Нет, вы только посмотрите, какая ночь, — романтически мямлил капиталист. — А эта полная луна! Она прекрасна! Она словно серебряный шиллинг, который никогда не скатится с небосвода, никогда не потеряет в своей стоимости!.. Признайтесь, Кирпичников, наше предложение о сотрудничестве стало неожиданным для вас?

Краслен смотрел на разноцветные прожекторы, сверкающие рекламы, огни театральных вывесок, подсветку небоскребов и думал о нелегких буднях англиканских работников ГЭС и ТЭС.

— Разумеется... Еще утром я был пленником, а вечером оказался секретным агентом!

— Но вам же не привыкать к этой роли?

— О да! И все-таки такое быстрое превращение... Я думал, подобное возможно только в кинофильмах.

— Не только, мистер, не только! — встрял в беседу оказавшийся рядом фабрикант шинелей. — В современном мире все так быстро меняется! Не успеешь удивиться пылесосу, а тут на тебе — уже и радиовидение изобрели! Впрочем, позвольте представиться: Лесли Уилсон!

— Э-э... Очень приятно!

— Не знаю, как вы, Кирпичников, а я уже ничему не удивляюсь, ни-че-му! Господи, кто бы мог подумать еще лет тридцать назад, что женщины будут требовать избирательного права?! Кто? Женщины! Избирательного права! Ха-ха-ха, уму непостижимо!

— Это его любимая тема, — заметил Свинстон. — Если Уилсон не говорит о шинелях, он говорит об избирательном праве.

— А почему, собственно, нет? Почему нет, Свинстон? Не обращайтесь на него внимания, Кирпичников! Не обращайтесь внимания! Знаете, я чрезвычайно рад знакомству с настоящим борцом за капиталистическое дело! Думаю, мы с вами должны выпить. Я приглашаю! Отведаем лучшего виски, какое найдется в «Гранд-паласе», а потом я подарю вам черный кожаный плащ из своей продукции! Замечательный агентский плащ с англиканскими буквами на пуговицах!

— А я шляпу презентую, — сказал Свинстон.

«Шпионская черная шляпа, чтобы надвигать ее на глаза! — подумал Кирпичников. — Еще бы! Все именно так, как описывалось в наших газетах!».

19

На борту дирижабля «Барон фон Зеслау», взявшего курс на Брюнецию, Краслена больше всего впечатлили не расшитые золотом мундиры проводников, не шикарные каюты с кружевными занавесочками и цветочными обоями, не виды за иллюминаторами прогулочной палубы и даже не цены на достаточно посредственные блюда, предлагавшиеся в ресторане. Сильнее всего Кирпичников поразился, что на цеппелине есть курительный салон. Как же так, разве не запрещен открытый огонь здесь, поблизости от надутого

взрывоопасным водородом баллона? Не тут-то было. Развращенные капиталисты даже во имя безопасности не хотели отказываться от своих вредных привычек. Войдя в курилку, Краслен обнаружил там нескольких мистеров, дымивших специальными закрытыми трубками, повторявшими формой аэростат, но прежде всего наводившими на мысли о торпедо или авиабомбе. Вокруг них, рассевшихся за столом, безуспешно вертелась одна мисс; одетая в брюки, коротко остриженная, носившая простую черную беретку вместо вычурной шляпы и сжимающая в зубах все ту же «авиабомбу», она явно не разделяла буржуазных взглядов на положение женщины в обществе. Курильщики, видимо, не отличавшиеся прогрессивным мировоззрением, притворялись, что не замечают девицу, изучали разложенную на столе газету и спорили о том, как долго еще будет падать курс шиллинга.

Кирпичников немного побродил по прогулочной палубе, поглядел в иллюминаторы на четкие клеточки участков англиканских фермеров-единоличников. Пристроившаяся поблизости немолодая дама с лисой на одном плече и свастикой на другом бурно восхищалась зрелищем разумно организованного сельскохозяйственного производства. Краслену вид мелкобуржуазной деревни показался унылым. Последнее время заграничные достопримечательности почти перестали его интересовать: чтобы их представить, можно было бы ограничиться чтением красностранных газет и не покидать родного завода... «Ах, родной завод! Когда-то доведется на него вернуться?..» Краслен оторвался от поручня, решил прогуляться до салона первого класса.

Здесь тоже не нашлось ничего интересного. На сцене вовсю наяривал джаз-банд: несколько парней вертелись с духовыми, один брэнчал на виолончели, непрерывно дрыгая отставленной в сторону левой ногой, еще один — то ли негр, то ли в гуталине — восседал за пианино. Если фокстротики, звучавшие на пароходе, Кирпичников еще более-менее мог переносить, то от этой «музыки» у него болели уши. О господах и дамах, которые отплясывали что есть мочи, явно нельзя было сказать того же. Обслуга, снующая туда-сюда по залу, едва успевала уворачиваться от мечущихся в угарном танце богатеев. Лишь несколько картежников, увлеченных азартной игрой, не поддавались общему безумию: у них было свое собственное. На все это безобразие довольно взирал откормленный розовощекий субъект с красной розой в петлице фрака и бокалом вина в холеной лапе — огромный портретище Отто Шпицрутена.

— Вам нравится джаз? — спросила по-брюннски невесть откуда взявшаяся дама со свастикой и лисой.

— Терпеть не могу, — честно признался Киричников.

— Представьте, я тоже! У нас в Брюнеции никогда не играют джаз, здесь его разрешили в виде исключения, ради иностранных туристов! Хотя вряд ли стоило потакать таким низменным вкусам. Джаз — это музыка черных! А что хорошего могут придумать эти черные?

«Музыка толстых!» — хотел поправить даму Краслен, но сдержался. Во-первых, он боялся выдать свои коммунистические взгляды, во-вторых, не знал, насколько его собеседница довольна собственной фигурой.

— А нравится вам этот портрет? — настойчиво продолжала беседу украшенная звериной шкурой и феодальной символикой буржуазка.

Краслен не успел ответить: раздался чей-то визг, на танцплощадке началась суматоха. Какая-то дама так бешено вертелась, что случайно расстегнувшееся на ней бриллиантовое кольцо не просто слетело, а пронеслось через весь зал, ударилось о портрет Шпицрутена и пробило брешь в его откормленном брюхе.

— О, мой бог! — воскликнула любительница мертвых животных и антинародных режимов.

Продырявленный канцлер продолжал самодовольно улыбаться. Несколько галантных кавалеров, видимо претендовавших на внимание владелицы кольца, уже ползали под портретом, ища утрату и отпихивая друг друга толстыми задами. Джаз-банд наяривал как ни

в чем не бывало, даже еще громче, кажется, происшествие только подзадорило «музыкантов». Незваная собеседница Краслена, забыв обо всем, кинулась к своему канцлеру: видимо, хотела оказать ему первую помощь. Любопытства ради Кирпичников еще несколько минут ждал, чем все закончится. Когда два лакея сняли портрет со стены и со скорбным видом унесли прочь, Краслен, окончательно устав смотреть на загнивание и разложение, убрался в свою каюту.

Комната на одного, оплаченная англиканской буржуазией, была снабжена удобным ложем, откидным столом и раскладывающимся табуретом. Уединившись, Кирпичников еще раз погладил рукав своего кожаного плаща: «До чего тонкая выделка! И почему наш легкомпром таких не делает?» Вещь была, что и говорить, хорошая, но от ее ношения Краслен решил воздержаться: на дирижабле может оказаться соотечественник, а какой красностронец не читает газет и не смотрит плакатов, кому неизвестно, что подозрительный плащ с подозрительными пуговицами — верный признак шпиона? В каком-то смысле, разумеется, было бы и неплохо, разоблачи родная контрразведка еще одного буржуазного агента в его, Красленовом, лице... Но все-таки... Все-таки лучше пока обойтись без этого. Кирпичников проверил, на месте ли ручка с ядовитыми чернилами, еще раз полюбовался на лучестрел, погладил обтекаемый корпус миниатюрного радиоприемника, освежил в памяти пароли, явки и легенду, доел остатки зашифрованной документации.

Англиканской разведке удалось установить личность человека, руководившего операцией по похищению оживина: его звали Гласскугель. Первым пунктом задания значилось разыскать его и втереться к нему в доверие. Личные планы Краслена совпадали с планами капиталистов. Поначалу он будет всячески демонстрировать лояльность своим мнимым хозяевам. А потом? Когда порвать с буржуями? Как не быть уничтоженным ни брюннской контрразведкой, ни англиканской агентурой?

Кирпичников прилег. О Труд, сколько же дней он уже не отдыхал толком? Пожалуй, с парохода, с того самого момента, как приехал за границу. Впереди ждало множество испытаний, проблем, трудностей, нерешенных вопросов, но обладание сутками свободного времени, сутками безделья, сутками приятного путешествия расслабило Краслена. «Плохой из меня шпион! Валяюсь на кровати, а о работе даже и думать не хочу, — рассуждал пролетарий, переворачиваясь на другой бок. — А ну и пускай, даже лучше! Я ж не наш агент, а капиталистический!»

Капиталистический агент закрыл глаза и увидел лицо Джессики. Вот о ком хотелось думать, вернее, думалось даже против собственной воли. Как она там? Помнит ли о Краслене? Беспокоится ли? Плохо, если беспокоится, — зачем ей волноваться? Хотя если ей вовсе все равно, так тоже не годится... Пусть волнуется, но капельку, пусть верит, что все будет, как задумано! Хотя, наверно, Жеся и не подозревает, что ее новый знакомый уже покинул Манитаун и вот-вот пересечет границу. Хорошо бы ей корреспондировать. А что насчет компартии? Хотелось бы надеяться, что там уже узнали, кто таков Кирпичников в реальности...

Джессика, Джессика... До чего красивое имя! Никогда не думал, что может увлечься негритянкой! Никогда не верил в любовь с первого взгляда! Жесичка... Джесс... Хм! Джесс — прогресс. Это свежая рифма.

Стихотворение о любви! Написать его, а потом прочитать Джессике! Бумага! Черт, кажется, всю доел, а то бы использовать оборотки... Как назло, ни карандаша, ни чернил, только это ядовитое перо в рюкзак засунули! Кирпичников слез с койки и извлек из-под нее новую шифровальную машину. Использовать вместо ундервуда, набрать на ней свои вирши, а заодно и научиться пользоваться агрегатом...

Через полчаса прошедшая через буржуйскую штуковину поэзия выглядела следующим образом: «ekfi73;lcvm\$nd^cvbleq56 fmvodkrjc;smne9zina».

«Ладно, авось расшифрую, когда снова свидимся», — подумал Краслен.

Еще раз пробежал глазами свое произведение. На конце увидел: «Зина». Вспомнил про Бензину. Сложил шифровку, засунул в карман и пошел прогуляться. Развеемся. Срочно

развеемся!

Двенадцать кругов по прогулочной палубе помогли отвлечься от дурацких мыслей. В читальне нашлись свежие газеты: с разными названиями, но все как на подбор профашистские. Краслен прочел новости из Шармантии: кабинет Мореля продержался всего три дня, Пон-Бюзо торжествует победу. «Новый премьер обещает решить проблему безработицы, договориться с бастующими горняками, обезвредить коммунистов и вывести Шармантию в мировые лидеры» — докладывала первая газета. «За последний год Пон-Бюзо формирует уже пятый кабинет», — сообщала вторая. «Новый глава шармантийского правительства направил приветственную телеграмму Канцлеру Всех Брюннов Отто Шпицрутену, поздравив того с успешным пуском крупнейшего в истории дирижабля», — бодро рапортовала третья. «К бастующим шармантийским горнякам присоединились чугунолитейщики», — походя замечала четвертая.

«Да уж!» — подумал Краслен.

— Вам Шармантия нравится? — вдруг раздался голос справа.

Кирпичников чуть не подпрыгнул.

С ним рядом сидела особа в мехах и фашистской символике.

— Нет! Не бывал! Извиняюсь! — Краслен притворился, что весь поглощен изучением газеты.

— Я тоже пока что ни разу. Но всюду говорят, что это очень, очень дикая страна! — как ни в чем не бывало продолжила дамочка. — Впрочем, они знают толк в некоторых вещах! Их средства от мужского бессилия чудо как хороши...

Кирпичников таращился в заметку о новом кинофильме «Девушка и горы, или Приключения Брунгильды в стране льдов», изображая величайшую увлеченность. Навязчивую особу это ничуть не беспокоило. Следующий вопрос уничтожил все сомнения насчет ее планов:

— Кстати, вы женаты?

— Да!

— Представьте себе, я тоже! Вот совпадение! И что же, счастливы в браке?

— Отменно счастлив.

— О, я тоже! Вы подумайте, я тоже! Вот так сходство! У нас определенно найдутся темы для разговора!

— Как-нибудь попозже — непременно. А сейчас прошу прощения! Совершенно забыл, что меня ждет супруга! — с этими словами Краслен встал. Для весомости решил еще добавить: — И детишки. Все четыре малыша — ждут не дождутся!

После такого недвусмысленного заявления поклонница должна была бы понять, что ей не ответят взаимностью, обидеться и отвязаться. По крайней мере, пролетарию так казалось. Однако не тут-то было! Минут через десять после того, как Краслен устроился в самом, как ему казалось, дальнем углу курительной комнаты, особа с украшениями снова появилась в поле зрения. Она устремила к объекту своих домогательств, даже не пошла, а побежала, кинулась вприпрыжку: лисьи лапки похотливо барабанят по бюсту, руки жаждут вцепиться во что-нибудь, губа закушена, в глазах бессмысленный восторг... Не дожидаясь продолжения приставаний, Кирпичников переместился в бильярдную. История повторилась. И в спортзале, и в ресторане, и даже в грузовом отсеке преследовательница появлялась самое большее через четверть часа после бегства пролетария.

Постаравшись забыть о своей нелюбви к джазу, Кирпичников решил перейти в салон первого класса: толпа извивающихся в танце капиталистов могла бы послужить помехой для исполнения планов настойчивой дамочки. Место оркестра здесь теперь занял шуплый паренек в соломенной шляпе, исполнявший незатейливую песенку, подыгрывая себе на пианино и вертя лишенным опоры задом. Несколько человек продолжали обжиматься на танцплощадке, большинство же переместилось на диванчики, чтобы отдохнуть от утомительных развлечений и воспользоваться услугами официантов, разносивших напитки. Шпицрутен висел на своем месте целый и даже, кажется, невредимый: вероятно, на борту

имелся стратегический запас его изображений. Лисясто-свастикастая, расположившаяся точно под портретом своего кумира, широко улыбнулась Краслену, как только тот вошел. «Елки-моталки! Она что, научилась читать мои мысли?» — подумал Кирпичников, перед тем как развернуться и побежать в свою каюту.

В одиночестве можно было наконец расслабиться. Краслен снова предался мыслям о любви, время от времени одергивая себя и пытаясь прокручивать в голове возможные варианты развития событий с оживином и Гласскугелем. Обед, поданный в персональные апартаменты, здорово улучшил настроение. «Курт Зиммель», — значилось на груди официанта. Мелкие клеточки ферм за иллюминатором сменились широкими полями, которые даже с километровой высоты не всегда можно было окинуть одним взглядом: Кирпичников сразу припомнил о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве и понял, что пересек границу Брюнеции. Когда начало темнеть, в дверь постучали. «Официант пришел забрать посуду», — догадался Краслен.

За дверью стояла ОНА.

— Вы записку потеряли, я вернуть пришла! Едва-едва нашла вас!

Когтистая ручка мадам, сжимающая поэтическую шифровку, напоминала конечность ее мертвого животного.

Кирпичников на секунду остолбенел. Потом выхватил из лап буржуазки свое произведение, сунул его в карман и решил забыть о приличиях:

— Вы... Вы! Знаете ли! Это... То, что вы тут делаете... Просто...

Не успел он сказать слово «возмутительно», как дама заявила:

— Может, пустите меня в гости? Или так и оставите стоять на пороге? Ведь, кажется, знакомство так многообещающе начиналось?

Бесстыдница повела свастикой и кокетливо обмахнулась лисьей лапкой.

— Не пущу! — сказал Краслен.

Он хотел добавить какую-нибудь фразу вроде «Вон отсюда!», или «Подите прочь!», или «Пропадите с глаз долой, чтобы никогда вас больше не видел, отвратительная фашистка!!!», когда раздался оглушительный треск — словно упало срубленное дерево.

Кирпичников невольно обернулся. Сзади вроде все в порядке.

— Что это было?

— Понятия не имею, — ответила буржуазка.

Когда треск повторился, игривости в ней поубавилось.

— Мы же не упадем, верно? Мы же летим на «Зеслау» — лучшем дирижабле имперской авиации! — неубедительно прошептала пожирательница лис и юных симпатичных пролетариев.

Краслен выглянул в иллюминатор. Нет, судно не падало. Оно стремительно набирало высоту. Кирпичникова потянуло к полу, стало трудно стоять. Поклонница вцепилась в его руку:

— Все нормально? Ну скажите, все нормально?

— Нормально, — промямлил Краслен, ощущая, что дирижабль дает крен на нос и видя, как прибор, так и не унесенный официантом, медленно ползет к краю стола.

Бах! — тарелка. Шлеп! — шляпа с крючка. Ой-ей-ей! — шифровальная машина из-под кровати.

— Сейчас на нас упадет ваш чемодан! — завизжала фашистка. — Быстрее, прочь из комнаты!

Они выбежали на палубу и тут же упали друг на друга. Крен усиливался.

— Вот об этом я и мечтала весь сегодняшний день! — с горящими глазами заявила дама, съезжая на Краслене вниз по коридору.

— Бесстыжая буржуйка! — крикнул тот по-краснострански и врезался головой в стену.

Перед глазами все поплыло.

— Что с вами?! Вставайте! — закричала приставучая особа, вскочив на ноги.

Встать не получалось. Даже то, что тело вдруг стало как будто в два раза легче

прежнего и невидимая сила потащила его вверх, не помогло.

— Мой Бог! Теперь мы падаем! Это все заговор, заговор врагов канцлера, не иначе! — с этими словами новоявленная знакомая снова кинулась на пролетария, обхватила его цепкими руками и добавила: — А ведь у вас такие же глаза, как у Шпицрутена! О, это восхитительно! Я сразу же заметила! Позвольте умереть в обнимку с вами!

«Еще чего не хватало!» — подумал Краслен, пытаясь пошевелиться под массивной фашиствующей тушей.

Повторный треск разваливающегося дирижабля было последнее, что он слышал.

20

Болело все, особенно голова. Открывать глаза не хотелось, встать — тем более. Что-то теплое, большое и массивное лежало на Краслене.

«Катастрофа дирижабля! — почти сразу вспомнил он. — Лежу... Расшибся... А что сверху? Эта женщина с лисой?! Ох, Труд, Труд! Что ж это такое?! Да жива ли она?!»

Ужасная мысль о том, что он лежит, накрытый окровавленным трупом, придавала Кирпичникову сил. Постаравшись, он сумел открыть глаза и прежде, чем успел что-то понять, ощутил, как груз скатился с груди, случайно отдавив ему, Краслену, руку, и пропал. Глаза различили лишь промелькнувшую где-то поблизости синюю юбку. Потом взгляд прояснился, и Кирпичников понял, что лежит отнюдь не на земле, не посреди раскиданных кусков дирижабля, перемешанных с человеческими останками, а на постели в чьей-то комнате.

Деревянные ходики с кукушкой прямо напротив. Время — около девяти. Интересно, утра или вечера? Не разберешь. За маленьким, давно не мытым окошком, забранном решеткой со странным узором, — сгрудившиеся серые тучи. Тяжелые шторы с кисточками. Чопорный камин в древнеримской манере, чей-то бронзовый бюстик на нем. Пыльный шкаф темного дерева, забитый рядами одинаковых книг с позолотой и вычурными средневековыми буквицами на корешках. Старое, истершееся львинолапое кресло. Облупленное пианино. Пошлый фикус в горшке. И тишина. Только шум в ушах...

Женщина в черном платье и белом переднике появилась так же незаметно, как исчезла обладательница синего. «Сиделка?» — мелькнуло в голове после того, как за общей оценкой вида больного последовало ощупывание лба и другие подобные процедуры. Видимо, желая сказать что-то, медсестра открыла рот, зачем-то пошевелила губами, но так ничего и не произнесла. Потом вопросительно посмотрела на Кирпичникова, который ответил ей аналогичным взглядом, и повторила свой странный поступок. Еще раз. И еще раз. Тут только до Краслена дошло, что он оглох.

Вскоре после сиделки в комнату вошли рыхлый господин в круглых очочках и мягком домашнем халате и мальчик лет десяти-одиннадцати в строгой темненькой рубашечке, при галстучке, в коротеньких штанишках на подтяжках, черных гольфах и начищенных штиблетиках. Первый смотрел на Краслена устало, скучно и даже — хотя, может быть, показалось? — несколько брезгливо. Второй возбужденно забегал вокруг, радостно открывал рот, лез на кровать, пытался тормозить больного, но был сразу же оттащен, после чего исчез и вернулся с листком бумаги, где по-брюннски значилось:

«Привет! Я Ганс. А это мой папа, барон фон дер Пшик. Мы забрали тебя из больницы, чтобы дать наилучший уход на дому. Ты ведь брюнн?»

Брюнн ли он! Такой вопрос раненому человеку могли задать только в одной стране. Надо же, как действуют аварии: Краслена с такой силой долбануло о землю, что он и забыл, чья она! Совершенно вылетело из головы, куда ехал!

Из лекций по научному коммунизму, читавшихся в заводском клубе, Кирпичников знал, что конек обожаемого брюннами диктатора Шпицрутена — это борьба с инородцами. Лозунг о том, что во всех бедах проигравшей Империалистическую и подписавшей унижительный мир страны виноваты люди других национальностей, злонамеренно

проникшие в торговлю, производство и культуру, вознес канцлера на вершину: обнищавший и обозленный народ мечтал не столько наладить жизнь и разобраться, что к чему, сколько найти виновного в своих несчастьях. О том, как нравился Шпицрутен крупным буржуа, и говорить-то не стоило: те мечтали не только предотвратить социалистическую революцию и отвлечь массы ложной идеологией, но и завладеть капиталами людей с «неправильной» национальностью. Список нежелательных народов был длинным: одних полагалось ненавидеть, других презирать, третьих терпеть, с четвертых брать двойной налог; кто-то мог жить более-менее спокойно, смирившись со званием негражданина, кому-то было отведено место в спецпоселении, а иные, схваченные на улице или арестованные у себя дома, просто исчезали, чтобы больше никогда не появиться. Помимо инородцев, Шпицрутен и его подручные питали ненависть к коммунистам, рыжим, шестипалым, приверженцам свободной любви, профсоюзным работникам, пацифистам, дальтоникам, танцорам танго, монашкам и почему-то — велосипедистам. За время фашистского господства, а оно длилось уже почти десять лет, выросло поколение ребятишек, привыкших считать человеконенавистнические законы естественными и находивших удовольствие в стоянии перед Шпицрутеном на коленях. Впрочем, немало было и среди взрослых таких, кому казалось, что фашизм был и будет вечно. Оно и понятно: для того чтобы ненавидеть инородцев, особого ума не требовалось, а гордиться своей расой было намного легче, чем своим трудом или образованием.

Выходит, сотрудничество с ангеликанскими капиталистами было не самой удивительной авантюрой в жизни Краслена. Чтобы выжить, он должен притвориться брюнном. Фашистом! О, Труд...

Мальчишка вопросительно смотрел на раненого.

Собравшись с духом, Краслен кивнул: да, мол, брюнн.

Парень запрыгал на одной ножке, барон лениво улыбнулся, сиделка ласково поглядела на подопечного. Минутная стрелка прикоснулась к отметке «12», и из часов выскочил привязанный к пружинке черный паук — один из символов фашистского режима. Неожиданно до Кирпичникова дошло, что за узор воспроизведен на оконных решетках. Понял он, и чей бюст стоит на каминной полочке.

Еще раз оглядев своих благодетелей, Краслен ужасно затосковал по набитой неграми ангеликанской камере предварительного заключения: кровати там были жестче, но атмосфера значительно здоровее!

Снова отлучившийся и быстро возвратившийся мальчишка между тем уже протягивал Кирпичникову новую эпистолу:

«Еще у меня есть сестра Кунигунда. Она сейчас стоит в дверях и стесняется зайти к тебе. Хочешь, я ее сюда затащу, чтобы ты посмотрел?»

Краслен отрицательно покачал головой.

«А еще есть собака Сабина!»

Кивнул. Замечательно!

«Брат служит в армии. И двоюродный на сборах. А троюродный на переподготовке. Защищают родину от красных агрессоров!»

Папаша Пшик недовольно глядит на сына и шевелит губами. Видимо, говорит, что раненому незнакомцу совсем неинтересно читать про Гансовых братьев. Вот именно, так оно и есть!

«А как тебя зовут? Что ты умеешь?» — вместе с новой запиской Кирпичникову протянули и карандаш. Писать лежа было неудобно, встать не получалось. В голове всплыло имя официанта — Курт Зиммель. Краслен нацарапал его на листке как мог разборчиво и отдал благодетелям.

После этого ему разрешили поспать.

Через пару дней Краслен уже мог переворачиваться и даже сидеть. Тошнило меньше, голова болела не так, как вначале, потолок перестал казаться кривым и падающим. Пару раз

Кирпичников как будто бы даже разобрал бой часов с пауком.

Сиделка все чаще оставляла Краслена одного. Фон дер Пшик не навещал: он, судя по всему, вообще был не в восторге от присутствия в доме раненого (непонятно, зачем только взял из больницы). Ганс тоже быстро потерял интерес к неходячему гостю. А вот его сестра, кажется, перестала стесняться. Она осмелилась войти в комнату на следующий день и теперь проводила с Красленом по несколько часов кряду: писала записки о всяких глупостях, спрашивала, чего хочется на обед, демонстрировала репродукции каких-то напыщенных, в псевдоантичном духе, полотен, с которых смотрели идеально безликие атлеты с голым торсом, толстопопые фартучные домохозяйки с коровьими глазами и бесчисленные Шпицрутены. Впрочем, глядеть, вероятней всего, надо было не на фашистские художества, а на сменяемые по несколько раз на день платья Кунигунды: светлые, темные, в цветочек, в горошек, с отложными воротничками, крахмальными манжетами, на кокетках, с поясками, кружевами и кармашками... «Не увижу ли я ее в синей юбке?» — думал Краслен. Всем своим видом девушка отвечала: нет! Такие ангелочки не ползают по незнакомым мужчинам, прикованным к постели! Маленькая, толстенькая, совсем юная, с русой косой, уложенной венцом, и простой глуповатой мордашкой, Кунигунда как бы говорила всем своим видом: «Я скромница! Не смейте сомневаться, что я скромница!»

Ощувив, что чувствует себя более-менее удовлетворительно, Краслен прежде всего попросил у девушки газету. Та приволокла целую кипу: несколько изданий за последние дни. Покопавшись в пропагандистском мусоре, Кирпичников узнал даже больше, чем рассчитывал. «ПАДЕНИЕ „БАРОНА ФОН ЗЕСЛАУ“!» — возвещал первый же попавшийся на глаза заголовок. Краслен пробежал глазами статью: «Заклинило руль высоты... Выжившие члены экипажа сообщают... Ошибки конструкции... Перепады давления... Начал разрушаться прямо в воздухе... Семьдесят восемь погибших... Следы заговора... Иностранческие инсинуации... Враги канцлера... Заявление канцлера... Канцлер поклялся... Канцлер накажет... Да здравствует канцлер!»

Следующий номер того же издания поведал об аресте нескольких конструкторов-иностранцев на дирижабельной верфи; еще один — о расправе над ними, якобы опасными заговорщиками и пособниками коммунистов. «Мда, похоже, в этой стране не утруждают себя отправлением правосудия», — подумал Кирпичников и захотел домой с такой силой, с какой не скучал с самого начала своего злополучного путешествия.

Из другой газеты Краслен вычитал о красивом жесте фашистского предводителя: Шпицрутен взял шефство над одним из раненых пассажиров погибшего дирижабля. «Рухнули планы иностранцев, мечтавших увидеть брюннские трупы! Канцлер лично позаботится о выздоровлении представителя имперской нации!» — эту восторженную фразу кто-то подчеркнул химическим карандашом.

«Верный соратник главного палача решил взять с него пример, чтобы лишний раз продемонстрировать свою преданность! — понял Кирпичников. — Наверняка этот Пшик мечтает о каком-нибудь новом назначении и всеми силами ищет способ лишний раз лизнуть хозяйский ботинок!»

Один из следующих номеров подтвердил версию Краслена. В списке фамилий фашистских чиновников, последовавших примеру своего канцлера, слово «Пшик» было подчеркнуто двумя уверенными линиями, в которых чувствовалась удовлетворенность. Барона заметили, написали о нем в газетах. А что дальше он будет делать с глухим, немощным Красленом?..

Кирпичников пролистал еще несколько номеров. Интересного было мало: если не проклятия в адрес иностранцев, то реклама новой губной помады, если не реклама, то восхваление Шпицрутена, если не восхваление, то сплетни о новом романе какой-нибудь киноактрисы... С любопытством пролетарий проглядел статью некоего профессора А. Харендта, в которой разъяснялось, что англиканский буржуазный строй и краснотранский коммунизм — идентичны. Аргументами для «умной» теории служили положения, что там и там бесчинствуют иностранцы (особенно некоторые их разновидности!),

нет уважения к лучшей-на-свете-нации, отсутствует селекция человеческого материала, не действуют феодальные титулы, служению языческим богам предпочитают наращивание производственных мощностей, а главное — поют похожие песенки («Ну-ну», — подумал Краслен) и строят одинаковые дома (в доказательство прилагались расплывчатые фотографии манитаунского небоскреба и красностраницкого жилкомбината, без сомнения, похожих тем, что оба являлись современным многоэтажными зданиями). Одним словом, антагонистические страны были сходны тем, что не являлись фашистскими, не находились под властью Шпицрутена. Статья как бы случайно подводила брюннов к мысли о необходимости исправить эту досадную неприятность.

Краслен сложил газету и еще раз перебрал все номера. 19-е, 20-е, 21-е... Последний номер был помечен воскресеньем, 22 июня. Кирпичников откинулся на постели. «В Правдогорске сейчас, наверное, хорошо! — подумалось ему. — Выпускные в школах... Оркестры на открытых танцплощадках... Белые ночи, гуляние до утра... Рекордное производство... Мирное небо над головой».

На другой день Краслен уже точно мог сказать, что слух к нему возвращается. Вскоре после утреннего посещения молчаливой сиделки, которой он решил пока что ничего не рассказывать, обязательного приема лекарств, завтрака и уже совсем отчетливого боя ходиков Кирпичников услышал первую после аварии человеческую речь. Сначала из-за стены раздался громкий «Дрррррыиннь!», а вслед за ним высокий, даже немного писклявый девичий голос: «Кунигунда фон дер Пшик у аппарата!»

Кирпичников не любил подслушивать — ему просто нравилось опять слышать и разбирать слова.

— Гизела, дорогая! До чего же я по тебе соскучилась! Ну, рассказывай, как все прошло?.. Ты была?.. Ты ходила?.. А он?.. А они?.. А она?.. Что ответила?.. Так, ну и чем все закончилось?

И кто сделал стенки в этом особняке такими тонкими?

— Он взял тебя за ручку?! Поздравляю, милая, поздравляю! Я была уверена, что это обязательно произойдет... Что?.. Приглашает в субботу? Ах, дорогая, как я тебе завидую! — тараторила Кунигунда. — И в чем ты пойдешь? Что-о-о-о? Что-что? Гизела, ты просто с ума сошла!

Разговор обещал затянуться.

— Зеленое?! Гизела, ты меня убиваешь! Бальдур никогда не женится на девушке, которая носит вещи по моде десятилетней давности! Выброси эту гадость с заниженной талией!.. Ну хорошо, отдай Берте, пускай перешьет!.. И заведи, наконец, себе платье с воланами! Обязательно! Как это... у меня... ну ты помнишь... от Вионне... Да-да, оно еще было в журнале «Примерная домохозяйка»! И обязательно в горошек, слышишь меня, Гизела, непременно в горошек! Что?.. Нет, дорогая, современной девушке это просто необходимо, так что уж послушай меня! Современной девушке стыдно показываться на улице без горошка! Горошек — наше все!

«Горошек — наше все», — мысленно повторил Кирпичников и усмехнулся.

— Ладно, а на голову? Прошу тебя, Гизела, никаких проборов! Обязательно перманент! Всему-то тебя надо учить, как маленькую! И скажи Эльзе, пускай накрутит тебе валик спереди! Помнишь, как у актрисы в том фильме, где они пошли в горы, а потом застряли в маленьком домике?.. Что?.. Зачем?.. Нет, Гизела, если она так говорит, то пусть сама и ходит причесанной как попало! Надеюсь, шляпка у тебя есть? Ну да, вроде таблетки, какая-нибудь с цветами?.. Нет, дорогая, берет — это на каждый день, а на свидание к Бальдуру ты должна прийти в шляпке с цветами! Помнишь, какая была нарисована в журнале «Расово чистая красота»? Уж они-то знают толк в моде, разве не так? Кстати, брови полностью не выщипывай, я недавно прочитала, что теперь в моде естественность... Да-да, потоньше, но чтобы свои!.. В наше время все так делают!.. Только про шляпку не забудь, слышишь, Гизела! Не иметь шляпки стыдно! Без шляпки тебе Бальдура не удержать, поверь мне на

слово!

«Труд правый! — подумал Кирпичников. — Какой ерундой забиты головы этих молоденьких буржуазок! Они даже не чувствуют своего порабощения, не пробуют бороться за избирательные права! Отсталое, отсталое государство!»

— А нейлоновые чулки ты себе уже купила?.. Я тоже еще нет. Говорят, в магазине у Кюнга такие уже появились! Почему бы завтра не сходить туда вместе?.. Мне не терпится испробовать, каковы эти чулки на деле, да и новый пояс для них неплохо бы прикупить!.. И белые носочки! А к ним я как раз приглядела отличные красные туфли на каблучках!.. Да, папа, конечно, даст денег, куда же он денется... А ты, Гизела, обязательно приобрети себе двухцветные ботиночки! И у Евы, и у Ады, и у Уты — у всех уже есть такие, одна ты ходишь как из прошлого века!.. Что?.. Ну, естественно, Гизела! Разве ты не помнишь, как были обуты партийные дамы из хроники восьмого Всефашистского Совещания?! Стыдно в наши дни не иметь черно-белых ботиночек, честное слово! Современная девушка обязана их носить!

Лекция по моде начала утомлять Кирпичникова. Он подумал, что слух мог бы вернуться и чуть попозже — незачем было ушам так торопиться выздоравливать.

— Что? — продолжала Кунигунда. — Гизела, что ты там вздыхаешь в трубку? Что-то случилось? Только, пожалуйста, не скрывай от меня!.. Нет!.. Ну, рассказывай же!.. Что?! Постой, как это так? Значит, Бальдур... А этот, другой, ты давно его знаешь?.. Серьезно?.. И сколько ему лет?.. Зарабатывает?.. Хорошо собой?.. Что?! Подожди-ка, Гизела, ты сказала, он рыжий?! Да кто же в наше время встречается с рыжими парнями?! Слушай, а нос у него случайно не в форме шестерки?.. А фамилия? Как? Гирш?! Так я и думала, Гизела, этот человек тебе не подходит!.. Но он же инородец, Гизела! Эти рыжие только и думают, как бы напакостить брюннской нации!.. Что?! Дурочка, ты даже газет не читаешь!.. Послушай меня, беги от него подальше, иначе окажешься использованной и брошенной с расово нечистым ребенком на руках!.. Это немодно, это стыдно, в конце концов! Надеюсь, его успеют выдворить из страны, пока ты не наделала всяких глупостей!.. Послушай моего совета, выходи замуж за Бальдура! Он и богатый, и красивый, и на канцлера похож... Что, Гизела?!.. Для тебя это не аргумент?!.. Тебя что, не привлекает канцлер?! Ну, конечно, миллионы женщин он привлекает, а тебя — нет! И как только можно быть такой дремучей, честное слово, не понимаю!.. Почитай хотя бы журнал «Коричневая молодость»! Современная девушка должна встречаться только с чистокровными брюннами, запиши это себе, если не можешь запомнить!

Краслен перевернулся на другой бок. «Куда я попал!» — в десятый раз восклицал он про себя.

— ...Нет, послушай, я всерьез тебе советую: держись за Бальдура, — не унималась девица за стенкой. — Он и красивый, и из хорошей семьи... Кстати, это правда, что он работает в концлагере?.. Ой, как интересно! У Фредегонды жених тоже ликвидатор инородцев, а твой кто?.. Начальник мыловаренного отдела?.. Ух ты, такой молодой, а уже начальник!.. Держись за него, Гизела, держись, не позволяй ему улизнуть!.. Кстати, ты пробовала мыло, которое делает этот лагерь?.. И как? Оно действительно пахнет розами?.. Завтра же бегу покупать!.. Знаешь, я думаю, что современной девушке стыдно мыться хозяйственным! Современная девушка должна пользоваться хорошей косметикой! По крайней мере, все мои знакомые так делают!

Неприятная дрожь пробежала по телу Кирпичникова.

— Что касается меня, Гизела... — Кунигунда противно захихикала. — Я, кажется, тоже влюбилась!.. Да!.. Его зовут Курт Зиммель!

Днем девица снова вертелась возле больного, демонстрируя свои воланы и горошки от Вионне, и даже пыталась кормить его с ложечки. Тот решил пока притворяться глухим: желание общаться с юной фашисткой, и так небольшое, после подслушанного разговора свелось к нулю. К тому же классовое чутье подсказывало красностранско-ангеликанскому

агенту, что мнимая глухота может оказаться полезной.

Так и произошло. Тем же вечером, вернее, почти ночью он подслушал еще один разговор, происходивший на этот раз за стенкой слева. Случайно прикорнув в восьмом часу вечера, он проснулся в полдвенадцатого совершенно выспавшимся — и в очередной раз удивился никудышной звукоизоляции особняка. Слышно было даже негромкую мелодию патефона — что уж говорить о голосах!

— Не знаю, Риккерт, — сказал первый голос. — Кажется, я совсем отчаялся.

— Не переживай, — ответил второй. — В жизни каждого бывают светлые и темные полосы. Давай лучше еще выпьем!

— Какие, к черту, полосы, Риккерт?! Мне и так уже пришлось рассчитать половину прислуги. Если все пойдет так и дальше, придется продавать этот дом. От сбережений уже ничего не осталось! Думаешь, моя семья может прожить на одну генеральскую пенсию? Ну ладно, пусть еще доход от акций... хотя в нынешнем положении об акциях даже смешно говорить! Ходят слухи, что Объединенная Компания Паровых Машин скоро пойдет по миру — всюду это электричество, будь оно неладно...

— Но ты делал то, что я советовал?

— Еще бы, Риккерт! Я из кожи вон лез, чтобы канцлер обратил на меня внимание! Связался с Клейнерманом, заручился поддержкой Ленца... Подписывался на займы, хвалил его, выступал на митингах, печатал в газетах верноподданнические заметки, приносил жертвы древним богам, вступил в тайный орден... Даже взял домой одного раненого с этого дурацкого свалившегося дирижабля! Нанял ему сиделку, кормлю как на убой, снабжаю лекарствами... Тьфу! И все попусту!

— Раненого? Ты это всерьез, фон дер Пшик?

— Еще бы не всерьез! Валяется как раз тут, за стенкой! Весь побитый, глухой как бревно, — ему от удара, понимаешь ли, уши отшибло! — зато жрет за троих! Я уже десять раз пожалел, что взвалил на себя этого дармоеда! Боюсь, он будет притворяться больным, даже когда выздоровеет, лишь бы валяться в моей кровати, есть и пить за мой счет!

— Не преувеличивай, фон дер Пшик! Остынь! Ты вечно доводишь себя из-за всяких пустяков! Давай-ка лучше еще выпьем.

На короткое время оба замолчали. Видимо, наливали и чокались.

— Они просто издеваются надо мной, Риккерт! — снова начал жаловаться фон дер Пшик. — Разве я многого требую?! Разве я ничего не заслужил своей верностью Бронеции?! Я прошел всю Империалистическую войну, Риккерт, всю, от начала до конца, был трижды ранен! Когда я был ландфюрером, то делал все, чего требовала фашистская партия! В одну ночь я выгнал из города три тысячи инородцев! И об этом уже никто не помнит!

— Я помню, Пшик. Успокойся.

— ...Я добивался всего лишь должности коменданта какого-нибудь концлагеря! Ленц обещал, что все для меня устроит! Черта с два! Назначили какого-то выскочку тридцати одного года, ты только подумай, Риккерт, тридцати одного года, это же ни в какие ворота не лезет! Я даже не знаю, кто он вообще такой! А мой бесценный опыт, как же мой бесценный опыт, ведь я столько времени проработал полковым палачом! Но нет! Это никого не интересует!

Пшик закончил изливать свои жалобы и успокоился. Еще какое-то время собеседники молчали.

— Послушай, кажется, у меня есть одно соображение насчет тебя, — прервал тишину Риккерт. — Я сведу тебя с одним университетским приятелем. Его зовут Вильгельм Гласскугель. Парень не без странностей, но все же... Может, если ты ему понравишься...

— Он имеет влияние?

— Сейчас его карьера пошла вверх. Говорят, Гласскугель навещает канцлера чуть ли не каждый день. Формально должность у него небольшая...

— Но?

— Но говорят, что на самом деле Гласскугель чуть ли не начальник какого-то нового

секретного бюро. Не спрашивай меня, чем они там занимаются: я об этом понятия не имею! И насчет встреч с канцлером я тебе, конечно, тоже ничего не говорил...

— Само собой!

— Просто познакомись, поговорите о том о сем... Ты постарайся ему понравиться. Сам понимаешь, что гарантии никакой...

— В моем положении выбирать не приходится, — сказал фон дер Пшик. — Цепляюсь за любую соломинку. Но ты меня обнадежил, приятель! Давай-ка выпьем за это!

Разговор прервался еще на полминуты. Молчание снова нарушил Риккерт:

— Кстати, что касается твоего раненого. Ты в курсе, кто он и что он? У него были документы?

— Ты шутишь! К тому времени, как я прибыл в больницу, всех чистокровных больных с документами уже разобрали высокопоставленные чиновники! Представился Куртом Зиммелем. А кто он на самом деле...

— На твоём месте я бы навел про него справки, — задумчиво произнес гость. — Был ли на судне вообще человек с таким именем? Ты должен это выяснить, фон дер Пшик!

— Выясню, выясню...

— Судя по твоему беспечному ответу, ты совсем не в курсе последних новостей! Разведка доложила, что на судне был ангеликанский шпион!

— Что?!

— Ангеликанский шпион!

— Так, может быть... он погиб?

— Может быть, и погиб, а может, и нет... Лучше тебе самому во всем убедиться, пока... Пока ты не оказался в неприятной ситуации, фон дер Пшик. Лишняя предусмотрительность не помешает! Да и эта подозрительная глухота... Советую тебе держать ухо востро!

После бессонной ночи Краслен пришел к выводу, что лучше сообщить хозяевам о возвращении слуха — не дай Труд, узнают сами, тогда живым из этого особняка уже не выберешься. Утром он сообщил Кунигунде, что вроде как понемногу, полегоньку, если только ему не мерещится, начинает различать звуки.

— Какое счастье! — воскликнула та. — Это Фрейр тебе помогает! Сегодня как раз праздник летнего солнцеворота, вот боги и послали нам чудо!

В языческих богах Краслен разбирался не очень-то хорошо. Он предпочел промолчать. Кунигунда, судя по всему, тоже не была специалисткой в этой области: после короткой паузы она смущенно добавила:

— Ну... По крайней мере, так писали в «Журнале молодых фашисток». Но это не главное, теперь мы наконец сможем общаться! Расскажешь мне про себя?

— С удовольствием, — сквозь зубы процедил Кирпичников.

— Ты женат? Партийный? Любишь танцы? Бываешь в кино? Твои родители — расово чистые брюнны?

— Мм... Да! — сказал Краслен.

— Что — «да»? — спросила девушка, не будучи в силах скрыть одновременно разочарования и надежды.

«Неплохо было бы, конечно, сказать ей, что я женат, тогда эти утомительные знаки внимания, наверное, прекратились бы», — решил Кирпичников. Впрочем, он помнил руки официанта: обручального кольца на них не было. Информация о Зиммеле уже в руках фон дер Пшика, а если нет, скоро наверняка там окажется. Так что лучше не давать лишних поводов для подозрений.

— Да — на все вопросы, кроме «женат». — Кирпичников изобразил приветливую улыбку.

Девушка расцвела.

— Знаешь, когда отец решил взять раненого из больницы, мне это сначала не

понравилось, — потупившись, проговорила она. — А теперь я даже рада, что ты у нас дома!.. Хочешь сосиску?

— Спасибо.

— А хочешь, я заведу патефон?

— Не стоит утруждаться.

— Может быть, почитать тебе что-нибудь?

— Вообще-то я и сам мог бы...

— Хорошо. Тогда я просто принесу кофе. И булочек! Кажется, на кухне были еще свиные колбаски. А у меня в комнате есть отличные грампластинки и много хороших стихов! Сейчас вернусь!

В этот день гостеприимное семейство проявило к Краслену столько внимания, что к вечеру он порядком устал от неустанной заботы. Сиделка, обычно смотревшая на больного как на бессмысленный манекен, простой источник заработка, соизволила поговорить с ним о погоде. Заглянул и сам барон. Он осведомился насчет здоровья Курта Зиммеля и как бы невзначай завел разговор о политике: видимо, проверял, насколько раненый лоялен фашистскому режиму. Краслен, понятное дело, прикинулся рьяным поклонником Шпицрутена. О семье, дате рождения и прочих личных данных Курта, неизвестных Кирпичникову, Пшик, по счастью, почти не спрашивал.

Не давал покоя и Ганс. Сначала он снова донимал Кирпичникова рассказами о своей собаке, которую отец не разрешил привести в комнату к больному, о братьях, готовившихся к мировой агрессии, приятелях, учителях, турпоходах и о том, что скоро перейдет в специальную закрытую школу, расположенную в старинном замке в горах.

— Там учат тако-о-о-ому! — вдохновенно трепался мальчишка. — Кстати, ты случайно не поможешь мне справиться с домашним заданием? «Если на нашей улице жили двадцать инородцев, но семь из них мы выгнали, то насколько чище станет улица после того, как мы выгоним остальных, если каждый инородец в день производит триста граммов отходов?»

После того как Краслен решил ему задачку, Ганс приволок настольную игру «Брюнеция завоевывает Ангелику», разложил ее на одеяле у больного и потребовал непрямого участия в эпохальном сражении. Кирпичников не очень хорошо уяснил правила; воспользовавшись этим, мальчишка заставил его играть за Ангелику и привел фашистов к победе несколько раз подряд, чем был жутко доволен.

Впрочем, внимание Кунигунды не шло в сравнение ни с чем. Она проводила возле Краслена все время, если только не ела, не спала, не переодевалась (а это модница проделывала довольно часто) и не болтала в соседней комнате по телефону. Теперь, зная, что больной за стенкой слышит, она не говорила с подружкой о своей влюбленности так откровенно. Впрочем, если бы Кирпичников и не подслушал того разговора, он все понял бы по глазам юной брюннки. С таким восхищением на него не смотрели ни Джессика, ни Бензина.

Именно с помощью Кунигунды Краслен сделал через несколько дней свои первые шаги после аварии. К тому времени классовый инстинкт уже начал притупляться: пролетарий несколько раз ловил себя на том, что фашистская семейка кажется ему милейшими, заботливыми людьми. Заставая у себя в голове эту вредную идею, он старался гнать ее подальше, но невольно расслаблялся все больше и больше. Он уже привык ежедневно слушать фашистские марши и передачи о «расовой гигиене» из «Телефункена», привык лицезреть расставленные здесь и там изображения Отто Шпицрутена, привык решать Гансу задачки про отстрел инородцев и экономное умертвление сумасшедших, обходящихся государству в такую-то сумму. С тех пор как поднялся на ноги, Кирпичников сделался частым гостем в комнате Пшика-младшего. Тот с гордостью демонстрировал пролетарию свое изобретение: натянутую под углом нитку с завязанным на ней узелком, по которой скользил игрушечный самолетик. Снизу к самолетику была прилеплена пластилиновая «бомба»: он наткался на узел, и бомба падала. «Вот так же я буду бомбить красностранские города, когда вырасту», — комментировал Ганс.

Наконец настал момент, когда Краслен оказался и в Кунигундиной комнате. Девичья светелка была увешана портретами Шпицрутена. Почти на всех диктатор красовался в военной форме и с плетью. Кое-какие бумажные изображения явно покособились от влаги: так, как если бы их, например, лизали. Кружевной узор на занавесочках с васильками повторялся на кайме покрывала и маленьких подушечках, разложенных на идеально заправленной узкой никелированной кровати с железными шариками. На столике, возле персонального телефонного аппарата, лежала стопка фашистских журналов и пособий по межнациональной ненависти. Целлулоидные и гуттаперчевые куклы в ряд расположились на полочке: не исключено, что ими все еще пользовались по назначению. Из приоткрытого платяного шкапа (явно старинного: помутневшее зеркало на дверце, гнутые ножки, резьба, напыщенные вензеля) выглядывала военная форма.

— Что это? — удивился Кирпичников.

— Да так, ерунда... Старый папин китель. В прошлом году я надевала его на карнавал, наряжалась мальчиком, с тех пор так и висит. Хорошая была идея, как ты думаешь? Как, потвоему, я могла бы в нем смотреться?

Краслен ощущал, что девушка идет в наступление. Конечно, Кунигунда была не в его вкусе, конечно, на самом деле любил он только Джессику, конечно, классовая ненависть не позволяла... Но грубый отказ мог бы ожесточить фашистку и привести к провалу разведывательной операции... А кроме того, у Краслена уже столько дней не было ничего такого!

— Давай сядем. Ты уже хорошо себе чувствуешь? Голова больше не кружится? Знаешь, Курт, ты так похож на канцлера...

Кирпичникова взяли за руку, прижались к нему, томно посмотрели в глаза.

— Папа дает за мной третью часть своих акций. К тому же я наследница значительной части его состояния! Женихи, конечно, есть... Но знаешь, никто из них мне не нравится...

Краслен сглотнул.

— ...не нравится так, как ты!

Пролетарий не успел отреагировать на последнюю фразу. Кунигунда стремительно сжала его в объятиях, разинула рот и впилась в губы Кирпичникова, как будто хотела засосать всю его голову.

— Послушай... я... мне... конечно... очень приятно... ты... это самое... — Краслен так разволновался, что чуть не забыл брюннский язык.

— Приходи этой ночью! Слышишь меня?! В час! Я буду ждать тебя, дорогой! — страстно прошептала раскрасневшаяся буржуазка. — Ты получишь все, обещаю! А теперь ступай, пока сюда не зашел мой папа!

Воспользовавшись предложением, Кирпичников поспешил убраться из комнаты Кунигунды. «Только мне и дела, что посещать тебя по ночам, избалованная девчонка», — мысленно произнес он, шагая по коридору. Через минуту после того, как пролетарий оказался у себя, к нему вошел фон дер Пшик:

— У меня для вас приятные новости, Зиммель, — сообщил он. — Удалось связаться с вашей матерью. Через пару дней она прибудет сюда. И зачем было говорить, будто у вас нет никаких родственников?

Выбора не было. Вернее, он был, но очень непривлекательный: дожидаться матери Курта, быть разоблаченным и оказаться в застенках фашистских палачей либо бежать, причем бежать прямо сейчас. Конечно, имелся еще один вариант: выждать до завтра. Но в итоге все равно следовало выбирать: или самоубийственное бездействие, или побег, каким бы рискованным он ни был.

Тихо дожидаться своей гибели было не во вкусе Кирпичникова. План побега возник у него немедленно, сам собой, как будто был услужливо подsunут кем-то в пролетарскую голову. Пробраться к Кунигунде, вытащить из шкапа военную форму (не в пижаме же убегать!) и вылезти через окно. Сколько ни мучайся, ничего другого все равно не

измыслишь.

И надо же было этой испорченной девчонке влюбиться в Краслена! Надо же было ей назначить свидание именно в эту ночь! Кирпичникова ждали к часу — он решил выждать до двух. Потом до трех. В три побоялся, что буржуазка уснула еще недостаточно крепко. Полчетвертого замучался валяться, встал, отворил скрипучую дверь. Задержался на пару минут, прислушиваясь, не проснулся ли кто-нибудь. Потом проскользнул в коридор, и, стараясь ступать как можно тише, отправился к Кунигундиной комнате.

Дверь в девичью отворилась легко и без скрипа. Внутри все было отлично — тишина, темнота, никаких признаков движения. «Слава Труд, она спит! — подумал Краслен. — Ладно, в конце концов, из этой нелепой влюбленности я тоже извлек что-то полезное. Знаю, где хранится лишний комплект формы, и на ощупь смогу найти шкаф».

Шкаф располагался в глубине комнаты. Кровать, напротив, у входа. Кирпичников останавливался после каждого шага и слушал. Только пройдя мимо опасного ложа с опасным телом на нем, позволил себе расслабиться. Подобрался к шифоньеру, облегченно выдохнул, взялся за ручку...

И в то же мгновение услышал щелчок, а через секунду был ослеплен вспыхнувшим электричеством и невольно зажмурился.

— Ты все-таки пришел, мой дорогой! — воскликнула Кунигунда. — Я знала, милый, я все время тебя ждала, я не сомкнула глаз!

Когда глаза Кирпичникова привыкли к свету, он увидел на кровати девушку в одной рубашке. «Елки-палки, попал!» — пронеслось в голове. Влед за первой мыслью сразу же появилась вторая: «Хм, а все-таки шикарный у нее бюст!»

— Иди же ко мне!!! — возопила жаждущая любви.

Кирпичников в страхе попятился к шкапу.

— Ну?! — раздался требовательный возглас.

— Послушай-ка, Кунигунда... ты... как бы... ну... так сказать... неверно поняла меня...

— Как это неверно?! — Фашистка села на кровати.

— Ну... я... в общем... пришел не за этим...

Кунигундино лицо стало серьезным. Она слезла с кровати, подошла к Краслену, заглянула ему в глаза:

— А зачем это ты пришел? И что это ты делаешь возле моего шкапа? А нос у тебя случайно не в виде шестерки?

Она сделала резкий выпад вправо и глянула на Кирпичникова сбоку.

— Нет, нет! — заволновался он. — Ты снова все неправильно поняла... Я, видишь ли... Ну, собирался к тебе... Но вот сейчас... Ну... Вдруг это самое... Я решил, что лучше нам не надо этого делать...

Глаза девушки снова загорелись, жадный ротик расплылся в улыбке:

— Милый! Курт! Ты жертвуешь собой ради моей репутации! Ах, это так благородно!..

Кунигунда бросилась Кирпичникову на шею:

— Знаешь, до этой минуты я сомневалась, но, увидев твою честность, окончательно решила тебе отдаться!

— Стой, стой, погоди... — промямлил Краслен.

— Я так счастлива, так счастлива, я так давно об этом мечтала!

Пролетария потянули к кровати. «Приляжем ненадолго, а потом как-нибудь от нее отбредухаюсь», — пообещал он себе.

— Сознайся, ты ведь тоже этого хотел! — слушал он, уже поваленный на пуховые перины. — Ты рад, что я выбрала для этого именно тебя?

— Кунигунда, ты, конечно, очень красивая, но...

— Спасибо, дорогой! И ты красавец! Знаешь, ты похож на канцлера! Может быть, снимем с меня рубашку?

— Послушай, милая, мне, конечно, все это очень приятно, но...

— Да-да, мне тоже! А почему бы нам не...

— Стоп, стоп, стоп!

Краслен отцепился от девушки, ловко выскочил из кровати.

— Слушай, Кунигунда, — решил он пойти на риск. — Я пришел не к тебе. Я хотел взять твою военную форму. Видишь ли, мне срочно надо уйти. Это связано... С моими семейными обстоятельствами. Я не могу открыться твоему папе. Я... потом тебе все расскажу. Я вернусь за тобой... если ты мне поможешь... Ведь ты мне поможешь?

С минуту фашистка молчала.

— Ты хотел убежать от папы? — переспросила она в конце концов.

— Это... не то, что ты думаешь...

— Ты коммунист! Иностранец!

— Нет!!! Нет, Кунигунда! Послушай, я не могу тебе сейчас объяснить, но...

— Я сейчас закричу!

— Кунигунда!

— Я сейчас закричу и прибежит папа! Если только ты не сделаешь того, что я прошу!

— Но...

— Или папа все узнает!

— Кунигунда, обещаю, я вернусь за тобой, и тогда все случится... Сейчас... понимаешь, я не готов...

— Не готов?! — Буржуазка нахмурила бровки. — А вот это что такое тогда торчит?!

Увы, не все части Краслена разбирались в классовой борьбе. «У меня нет выбора, — сказал себе пролетарий. — По крайней мере, я пролил немного фашистской крови», — решил он, перейдя на территорию противника и устраивая атаку на капитал.

Через двадцать минут, как только атака на капитал победно завершилась, Кунигунда выскочила в коридор и что есть мочи завопила:

— Папа, папа! Скорее иди сюда! Меня только что обесчестили!

Еще лежащий без сил после разгрома противника на его собственной территории, Кирпичников понял, что сопротивление бесполезно.

— Ну? — грустно спросил фон дер Пшик, приступая к измерению черепа Краслена и все еще поглядывая на простыню с красной уликой. — И зачем тебе это понадобилось делать? Ведь мы же договаривались, что ты закончишь институт для жен вождей и выйдешь замуж за сына начальника местного отделения тайной полиции... Начальник мог бы помочь мне в получении должности. А теперь...

— А теперь я выйду замуж за Курта и рожу тебе множество прекрасных внуков! — провозгласила Кунигунда.

— Качество будущих внуков надо еще установить, — пробурчал барон, прикладывая измерительный инструмент к Красленову носу. — А ты сиди, не дергайся! Женишок... Еще неизвестно, кто его родители...

— Мои родители честные люди! — не сдержался Кирпичников.

— Папа, он брюнн! Это прекрасно видно и без твоего измерения!

— Не учи меня! Лучше все проверить сейчас, чем оказаться в неприятной ситуации, когда перед свадьбой вас будет измерять государственный чиновник. Если он окажется иностранцем... Ох, Кунигунда, ну и наделала ты делов!

— Если ты не разрешишь мне выйти за него замуж, я уйду в евгенический монастырь! Буду рожать детей для канцлера, так и знай, папа!

— А ведь с сыном начальника почти сладилось, почти сладилось... — уныло констатировал барон. — Это же надо было вот так все испортить!.. Послушай, парень, ты никогда не чувствовал себя «непонятым»? Не лечился в психбольнице? Среди твоих родственников не было душевнобольных? Ты, случаем, не шизоид?

— Отец!

— Я спрашиваю его, а не тебя. Итак, юноша?

Краслен был рад, что ему наконец позволили вставить слово.

— Я не шизоид, — уверил он будущего тестя. — Однако смею заметить, что все произошедшее случилось исключительно по воле вашей дочери, поэтому что касается свадьбы... эээ... меня чрезвычайно огорчает, что столь важное решение было принято без моего участия...

— Папа! — жалобно вскрикнула Кунигунда. — Он отпирается! Он бесчестный человек!

— Отпираешься, негодяй! — прохрипел Пшик. — Ладно. По крайней мере, это доказывает, что ты соблазнил мою дочь не ради моих денег и положения. Итак, если мы тебе позволим, ты готов будешь отправиться на все четыре стороны хоть сию минуту?

— С удовольствием!

— Отлично. Ты подходишь. Кунигунда, я согласен. Кажется, это славный малый. Я велю прислуге караулить его комнату, чтобы он не сбежал. И свадьбу надо будет устроить как можно скорее. Может быть, даже завтра?

— У меня нет документов! — вякнул пролетарий.

— Ну, это дело поправимое! — усмехнулась будущий тесть. — Завтра же утром и выправим тебе документики. Что-что, а связи в паспортном бюро у меня есть! Правда, должность я там так и не получил...

21

«Если фашистский режим диктаторский и человеконенавистнический, значит, он незаконный, — размышлял Краслен. — А если незаконный, то браки, заключенные в его учреждениях, нельзя считать настоящими. Получается, с точки зрения пролетариата, я не так уж и женат. Ну и слава Труд!»

Их расписали два часа назад. Новоявленный муж сидел в кресле и думал, что единственный плюс в его женитьбе — получение брюннского паспорта на имя официанта. Время от времени он, сморщив нос, поглядывал на Кунигунду. Та валялась на постели, пожирая конфеты, перелистывая фашистскую прессу и безудержно треща по телефону, специально перетащенному на кровать:

— Алло! Брунгильда? Ой, представь себе, я только что прочла в «Подруге канцлера», что скоро будет война и в моду войдут плечики и строгий покрой! Здорово, правда? Мне ведь все это идет, как ты считаешь?... В общем, я подумала, почему бы нам не прошвырнуться по магазинам и не закупить заранее все, про что тут написано? В журнале говорится, что современные девушки во время войны будут обязаны... А?... Да нет же! Будут обязаны иметь жакет в офицерском стиле! По-моему, это здорово! Хорошо бы война поскорее началась и продлилась подольше, а Брунгильда?

Кирпичников хмыкнул. Кто бы мог подумать, что в первый раз он выйдет из дома Пшика только для того, чтобы его отвезли в бюро паспортов, а потом на принудительную женитьбу! Из окна автомобиля, сидя рядом с не прекращающей болтать Кунигундой, он впервые видел улицы Пуллена — фашистской столицы. В них как будто бы не было ничего особенного: те же кричащие киноафиши, те же вывески частных булочников и парикмахеров, те же мальчишки-газетчики, те же редкие лошадки, лавирующие между столпившихся на улице автомобилей, те же соломенные шляпы и старомодные тросточки, что и в Ангелике, что и везде... Разве что портреты Шпицрутена да флаги с черными крестами то здесь, то там. Разве что вывеска на кинотеатре: «Сеансы для инородцев с 7 до 8 утра». Разве что вооруженные люди в военной форме, расхаживающие по улицам отрядами по 10–20 человек и подозрительно поглядывающие на прохожих. Разве что гигантские самоходные машины в виде клепаных пауков из листового железа — специфический транспорт патрульных. Разве что барражирующие над городом этажерки: за народом Брюнеции присматривали не только сбоку, но и сверху. Разве что оцепление вокруг какой-то спортплощадки, мимо которой проезжали новобрачные: за полицейским кордоном маячили

рыжие головы, а несколько жандармов гнали к площадке сжимающую саквояжик женщину с двумя плачущими рыжими малышами. Краслен не стал спрашивать, куда собираются отправить всех этих несчастных...

С регистрацией брака фон дер Пшик медлить не желал, а вот свадебный прием решили отложить, так что после возвращения из присутственного места начался обычный день. Тесть убежал заводить новые связи, призванные помочь в получении должности, а молодожены остались наедине.

— Слушай, а тут еще пишут, что всем брюннским девушкам надо обязательно вступать в «Союз Брюннских Девушек»! — продолжала тарыхтеть развалившаяся на кровати Кунигунда. — Оказывается, это модно! Магда Хатцель уже там, и та актриса, которая была в фильме, где они пошли в горы, а потом застряли в маленьком домике, — тоже, представляешь?! Там дают очень красивые значки, Брунгильда! А всего-то надо, что пройти проверку на расовую чистоту и рассказать, за что ты любишь канцлера! Может, запишемся? А?.. Ну, подумай... У меня-то? Да нормально все! Вот замуж, кстати, вышла...

Краслену осточертело слушать эту болтовню. Он вышел из комнаты, спустился на кухню, нашел кое-что перекусить. Желая доказать себе, что свободен не менее, чем прежде, потискался с поварихой. А по дороге обратно, еще дожевывая остатки, снова вспомнил про злосчастную мамашу Курта Зиммеля.

Кунигунда уже не болтала по телефону. Она томно развалилась на кровати, ожидая своего пленника.

— Встань-ка! — сказал ей Кирпичников. — Ну давай, поднимайся! К тебе есть важный разговор.

Фашистка неохотно приподнялась.

— Вчера ночью ты не захотела отпустить меня мирно! И тем самым себя же и наказала! Я не брюнн, мое настоящее имя Абрам Шнеерзон! Я сын шестипалой умственно отсталой ангеликанки и шармантйца-педераста! Теперь ты поняла, что наделала?!

— Неправда! — пискнула Кунигунда. Ее кукольные глазки расширились от ужаса.

— Нет, правда! Я обманул всех, обманул имперского измерителя черепов и твоего папу! Ты заставила меня на себе жениться, и теперь ты падшая женщина, изменившая брюннской нации! Ты преступница! Если все откроется, то мои шестерконосые друзья спасут меня в логове коммунистов, но тебе от наказания не уйти! Тебя задушат в газовой камере!

— Солдаты канцлера никого не душат в газовых камерах! — дрожащим голосом воскликнула новобрачная. — Особо зловредных инородцев и государственных преступников умерщвляют гуманным способом! Об этом писали в... — Она замешкалась, вспоминая название журнала.

— Ладно, уговорила, — смиловился Краслен. — Тебя умертвят гуманным способом, и Бальдур сделает из тебя розовое мыло.

— Но я же не знала-а-а-а! — Фашистка заплакала. — Ч-что... т-теперь... де-е-елать...

— Вытереть сопли и слушать меня! — грубо ответил Кирпичников. — Все, что тебе остается теперь, — это вместе со мной скрывать свое положение. В том числе от отца. Поняла? Для начала уговори его отменить визит матери Курта Зиммеля. Сделай что угодно, лишь бы она не приехала, ясно? Я не собираюсь с ней встречаться. Или пусть заявит, что я ее сын! Поняла?

Кунигунда кивнула и несколько раз шмыгнула носом.

— Ты сделаешь то, что я сказал? — спросил Кирпичников, стараясь поддерживать злобную интонацию.

— Сделаю, милый... Но, может, пока что приляжем?

Итак, проблему с мамашей Краслен наконец решил. Она — или уже не она, а подставное лицо? — признала в нем Курта Зиммеля, официанта двадцати двух лет от роду, чистокровного брюнна и члена организации молодых фашистов. Опасность миновала.

Правда, для этого пришлось жениться... но чего не сделаешь ради оживления Вождя!

Последующие три дня Кирпичников думал почти исключительно о Гласскугеле. Слонялся по дому, лежал, пил лекарства, думал, не попросить ли тестя о знакомстве с Риккертом, чтоб подобраться через него к объекту розысков... Время от времени, дабы не навлекать на себя лишних подозрений и не провоцировать конфликтов, удовлетворял Кунигундины хотелки; так, нечасто, чтобы не разбаловалась, не больше трех раз в сутки. Стараясь отвертеться от исполнения супружеского долга, Краслен ссыался на то, что все еще нуждается в постельном режиме, но настырная девчонка, как назло, утверждала, что это отлично согласуется с ее планами. Она ложилась под бочок, гладила, обнимала и заставляла нижнюю часть пролетария снова изменить классовым убеждениям верхней части. «Так и быть, последний раз!» — решал Кирпичников.

На третий день после свадьбы ему здорово повезло. Риккерт — Краслен так толком и не знал, кто это такой, — выполнил обещание и привел Вильгельма Гласскугеля к Пшику на кружку пива. Троица уединилась в кабинете барона. Кирпичников немного послушал их разговор через стену, не узнал из него ничего интересного, от нечего делать выглянул в окно, увидел там большой черный автомобиль и тут же сочинил прекрасный план.

Шофер фон дер Пшика привык подчиняться. Он не спросил, зачем хозяйскому зятю понадобилась его форма, а просто сразу разделся. Кирпичников напялил на себя шоферский мундир, схватил каскетку и выбежал на крыльцо. Машина была здесь. И — главное! — водитель ее тоже был на месте.

Фланирующей походкой пролетарий подошел к авто.

— Эй, приятель! Закурить не найдется? — по-свойски поинтересовался он у мнимого коллеги.

Шофер вытащил коробочку с папиросами.

— Ух, какие сокровища! А кроны-другой займы у тебя, случаем, не отыщется?

— Многого хочешь! — буркнул собеседник.

— Жалеешь! — развязно продолжил Краслен. — Ну и зря! Думаешь, не отдам! Спроси кого угодно, тебе любой скажет, что Курт Фриц Эрих Зиммель всегда возвращает, когда что-то должен! Все равно твой хозяин теперь будет навещать моего каждую неделю...

— Откуда ты это знаешь?

— Да уж знаю, приятель! Я-то знаю все, что мне нужно! Тебя ведь не так давно приставили к Гласскугелю, верно?

— Ну, допустим, так.

— Вот видишь! А я у своего служу пятый год. Так что дал бы ты, парень, мне займы крону-другую...

— Можно подумать, хозяин мало платит тебе! — буркнул шофер Гласскугеля.

Краслен наобум назвал цифру. Посвящение незнакомого человека в такую интимную подробность, как размер зарплаты, на его взгляд, не могло не спровоцировать ответную откровенность.

— Ничего себе! И с таким жалованием ты еще просишь в долг! И не стыдно тебе?! Я вот получаю куда меньше!

— Знал бы ты, как мне приходится вкалывать, дружище! Фон дер Пшика постоянно носит то туда, то сюда! Случается, я за рулем целый день! А ты-то, наверное, только и едешь, что домой, да в имперскую канцелярию... да вот изредка по гостям.

— Ха-ха, если бы! Да я со своим тоже сутками из машины не вылезая! Мало того, что у него по пять-шесть встреч каждый день, так еще таскается в Клоппенберген по нескольку раз в неделю!

— В Клоппенберген! Ого! Уж там-то чего может быть интересного?

— Черт его знает. Я высаживаю его на центральной площади возле рынка и жду, а уж куда он потом идет — это не мое дело.

— Может, к любовнице? Ха-ха-ха!

— Нет, любовница у него — актриса, фройлейн Маркс с Липовой улицы. Это уж я

знаю точно, поскольку горничная этой фройлейн, Шарлотта...

— Так-так! — подначивал Краслен. — Бьюсь об заклад, эта горничная — обладательница отменного бюста, иначе ты бы про нее и не упомянул...

— Ну-ка хватит выпрашивать у меня! — неожиданно спохватился шофер. — Ты, случаем, не коммунистический шпион?

Кирпичников понял, что пора сменить тактику.

— Нет, я не шпион, — ответил он. И угрожающе добавил: — Я зять господина фон дер Пшика! Специально нарядился шофером, чтобы проверить тебя! Работаю я... Впрочем, это неважно, где я в данное время работаю. Сейчас пойду к Гласскугелю и расскажу ему все о твоём поведении! Болтун — находка для шпиона!

Шофер раскрыл рот. Побледнел.

— Ладно, ладно, прощаю пока что! Выношу тебе предупреждение, дурачок! Но если еще раз подобное поведение будет зафиксировано... Как звать-то тебя, языкастый?

— Николай Александрович, граф Заозерский, — смущенно ответил водитель.

Краслен раскрыл атлас Брюнеции. Клоппенберген, говорите? Так... Девяносто километров от столицы, население пятьдесят пять тысяч человек. Небольшой, но заблудиться можно. Поехать туда прямо сейчас? А дальше что? Слоняться по улицам, спрашивая у прохожих, нет ли где-нибудь поблизости похищенных ученых? Постараться втереться в доверие к Гласскугелю? Ну, это легко сказать. Попробовать еще что-то узнать о секретной лаборатории, в которую поместили разработчиков оживина? Но как? Выследить, куда поставляются реактивы, опытные материалы, оборудование? Если бы Краслен даже разбирался в химии и медицине, он все равно не смог бы угадать, какое именно сырье и какие приспособления используются для оживина. А если опереться на то, что используют любые разработчики лекарств? Колбы, пробирки? Нет, это детский лепет. Шприцы? Из той же оперы... Белые мышки для опытов? Стоп! Уж фашисты-то, конечно, будут ставить эксперименты не на грызунах!

Краслен еще раз оглядел карту. Ближайший к Клоппенбергену «воспитательно-оздоровительный» лагерь находился в деревушке Мюнненбах — он так и назывался. Вряд ли люди Гласскугеля стали бы пригонять заключенных для опытов издалека.

— Пойдем приляжем! — раздалось из-за спины.

— Кунигунда, что ты знаешь о воспитательном лагере Мюнненбах? — спросил Краслен, не оборачиваясь.

— Ну... Это частный лагерь.

— Частный?!

— Ну да. А что, ты хочешь получить там должность? Говорят, надзиратели зарабатывают получше официантов. Но когда же ты, наконец, повернешься и оценишь мою новую шляпку?!

На другой день Кирпичникову удалось раздобыть телефонный справочник. «Воспитательно-оздоровительный лагерь Мюнненбах» там имелся. Краслен позвонил.

— Лагерь Мюнненбах, Гертруда, рада слышать, чем могу помочь вам?

— Я... — Кирпичников смутился от форсированной вежливости. — Меня интересуют... заключенные...

— Вы имеете в виду человеческий материал? — услужливо отозвались на том конце. — Лагерь Мюнненбах рад предложить вам лиц низшей расы в кратчайшие сроки и по умеренным ценам! Предпочитаете в аренду или насовсем?

— Э-э... Насовсем.

— Здоровых, больных, доходят? Доходятги дешевле! Кстати, у нас сейчас проходит акция: при покупке кормящей матери — младенец бесплатно! Кстати, вам как рабочую силу или для опытов?

— Для опытов. Медицинских. Я собираюсь тестировать лекарство. И кстати, ваш

лагерь мне посоветовал один коллега. У них предприятие в Клоппенбергене. Это... Ну, как его... Черт возьми, забыл, как называется... Ну, это... Ох... Ну, как его?

— Фармацевтическая фирма «Арендзее»? — любезно подсказала секретарша.

— Точно, точно!

— Это наши постоянные клиенты!

— Разумеется!

— Итак, вы покупаете?..

— Скажите, а... ну, эти самые... «лица низшей расы»... Вы доставляете их по железной дороге или грузовиками?

— В целях экономии средств наших клиентов человеческий материал перегоняется пешком! — торжественно сообщила девушка. — Так сколько голов вам отправить?

В ближайшей аптеке из продуктов фирмы «Арендзее» была только касторка. Впрочем, неизвестно, выпускало ли предприятие, прикрывавшее делишки Гласскугеля и его подчиненных, еще что-нибудь. Краслену было достаточно и касторки. Аккуратные брюнны не забыли снабдить свой продукт инструкцией по применению, почтовым адресом для жалоб и телефоном изготовителя. «Вот и отлично! — подумал Кирпичников. — Кажется, задача решена! Еще пара дней, и красностранные ученые спасены!»

— Да! — сухо ответили на том конце после того, как телефонистка соединила Краслена с загадочной фирмой.

— Фирма «Арендзее»?

— Да. Я слушаю.

— Это... это из Мюнненбаха. Просим прощения, мы потеряли ваш адрес. Куда подогнать очередную партию человеческого материала?

На пару секунд воцарилось растерянное молчание.

— Вы ошиблись. Мы не сотрудничаем ни с каким Мюнненбахом и не нуждаемся в материале, — услышал Краслен. — Сожалею.

Интуиция подсказала пролетарию, что продолжать разговор не стоит. Да, он малость недооценил людей Гласскугеля. Зато убедился в том, что идет по верному следу. Короткое молчание в трубке не оставило сомнений: фирма «Арендзее» — это оболочка, скрывающая деятельность фашистов для получения оживина. Но как через нее пробиться?

Кирпичников прошелся по комнате взад-вперед. Сел. Вдохнул. Встал. Снова прошелся. Плюнул под ноги. Махнул рукой — эх, была не была! Снова снял трубку, повернул ручку на аппарате, сказал номер лагеря.

— Послушайте, Гертруда, а вам там, случаем, не требуются надзиратели?

Фон дер Пшик был рад, что зять наконец решил заняться делом.

22

В лагерь Краслена взяли легко и быстро. Отделу кадров понравилось отсутствие образования у кандидата, то, что он не работал никем, кроме официанта, отрекомендовался поклонником канцлера и ненавистником книг, а также был в хорошей форме и умел стрелять — спасибо урокам военной подготовки в красностранской школе! Вахта длилась пять дней: в течение этого времени младший надзиратель проживал при лагере. После этого его отпустили домой — на два дня.

На первые выходные Краслен вернулся мрачным и неразговорчивым.

Кунигунда вертелась вокруг него, рассказывала, как соскучилась, старалась услужить то так, то эдак... Кирпичников или огрызался, или отмалчивался. Торжественно отобедав с женой и тестем, он ушел в ту комнату, где раньше лежал больным. Заперся и до вечера никого не хотел видеть. Сидел, думал. Крутил ручку радиоприемника, тщетно пытаясь поймать что-то, кроме фашистской пропаганды. Тоскливо глядел в окно на дождь, полицейских, волочивших под руки какого-то несчастного, и торопливых, равнодушных

прохожих, отгородившихся от мира раскрытыми зонтами и поднятыми воротниками макинтошей. Бессмысленно листал книги, найденные на полках, — и не находил в них ничего, кроме восхвалений деспотического режима.

Ближе к ночи Кунигунда подобрала ключ к его двери, по-хозяйски заявила в комнату и на правах собственности залезла к Краслену в кровать. Прижималась, гладила, шептала:

— Почему ты такой грустный? Ну скажи мне! Ну пожалуйста! Ну чем ты занимался в этом лагере?

В действительности почти всю пятидневку Кирпичников провел на вышке с автоматом: смотрел на копошащихся внизу сине-желтых человечков. Обычно они или стояли на плацу в ожидании переключки, или шагали в производственные блоки, или шагали оттуда, или учились шагать под руководством фельдфебеля, или наблюдали за расправой над теми, кто шагал неправильно, или перетаскивали в сторону крематория товарищей, отшагавших свое.

Еще время от времени ему поручали разные мелкие задания. Конвоировать перемещения внутри лагеря. Раздавать баланду. Присутствовать при отбое и следить за правильным положением несчастных: непременно на боку, впритык друг к другу, без штанов (сон в штанах противоречил внутреннему распорядку). Потом приходилось заниматься и другим...

— Тебе было трудно, да, милый? Это очень тяжелая работа, не правда ли?

— Да.

— О, я тебя понимаю! Ты был шокирован! Ты, наверное, даже пожалел, что туда устроился?

— Наверное.

— Конечно, Курт, я знаю, тебе плохо! Я ведь чувствую, все чувствую! Тебе не хотелось там оставаться, не правда ли? Там очень плохо! Ты хотел поскорее вернуться!

— Хотел.

— Разумеется, милый! Тебе очень грустно! Но ты ведь не виноват в том, что все эти люди там оказались! Не ты создал их извращенцами, не ты заставил злоумышлять против брюннского народа, не ты толкнул на преступления, не ты посадил за решетку! Ты просто караулишь их, ты выполняешь свою работу!

Сколько раз за неделю Краслен сам внушал себе эту трусливую мысль! Сколько раз он благодарил судьбу за то, что сидит на вышке, а не «трудится» в газовых камерах! Сколько раз прятался за эту мысль как за занавеску от зрелища издевательств, от крика женщины, пинаемой армейскими сапогами, от обтянутого кожей скелета, упавшего на пороге комендатуры, от сортировки волос, предназначенных для фабрики автомобильных запчастей, от необходимости быть таким же, как все, не выделяться, уметь наказывать, уметь унижать, уметь пользоваться плеткой...

Чем чаще твердил себе Краслен о своей невиновности, чем больше старался сохраниться чистым, тем грязнее и преступнее казался сам себе. Не тогда, когда был заперт в каталажке с чернокожими, не тогда, когда попал в плен к гостеприимным Пшикам, — по-настоящему несвободным, увязшим, запутавшимся, беззащитным Кирпичников почувствовал себя только здесь, в роли надзирателя, в роли хозяина чужих жизней. Он слишком поздно догадался, что, надев фашистскую форму, испачкался так, что вряд ли когда-то сможет отмыться. Молчаливое наблюдение беззаконий делало Краслена их соучастником. Он был бессилен спасти заключенных — и чувствовал себя вдвойне виноватым. Вступишься за инородца — разоблачишь себя, погибнешь понапрасну, не спасешь ученых, лишишь Вождя бессмертия, позволишь фашистам завладеть страшным оружием — оживином. Не вступишься — подтвердишь, что ты раб. А может ли раб сражаться за свободу ученых, если не имеет своей собственной?

По ночам Краслен думал о том, что не надо было устраиваться в лагерь, лететь в Брюнецию, становиться англиканским шпионом... Но это означало бы проститься с надеждой на воскрешение Вождя, знать о преступлении и ничего не предпринять, сдаться, сложить лапки, признать себя недостойным звания красностранца и авангардовца! Любовь к

жизни, любовь к правде заставила Краслена пуститься в рискованное предприятие. Она же сделала фашистским надсмотрщиком, трусливым рабом обстоятельств, привыкшим думать: «Не выпорю я, так выпорет другой, какая разница...» Получается, надо стать рабом ради свободы, убийцей ради жизни? Кирпичников много читал о борьбе коммунистов против царского правительства, о скитаниях Первого вождя и его товарищей по тюрьмам. Герои прошедших десятилетий шли ради революции за решетку и на каторгу, но никто из них не облачался в фашистскую форму! Краслен выбрал неправильную дорогу? Или такие времена теперь настали? «Я не спасаю их ради будущего счастья, я не спасаю их, потому что должен спасти ученых. Я жертвую заключенными, — думал Кирпичников, глядя с вышки на страдальцев. — Многие коммунисты жертвовали собой ради свободы, но они делали это сознательно. Могу ли я допустить смерть этих людей? А могу ли я допустить свою смерть? Кому скажут спасибо брюннские солдаты — те же рабочие и крестьяне, — воскрешенные оживином? А те, кому суждено будет погибнуть от их пуль?» Трудный, трудный выбор. Не у кого спросить, некому протянуть руку. И не убежишь. Даже вздохнуть полной грудью — и то тяжело. Не очень-то подышешь там, где запах клопов и немытого тела мешается с вонью горящего мяса, оказавшегося больше неспособным шить шинели и собирать табуретки.

— Тебе плохо, миленький, да-да, я понимаю! — сюсюкала Кунигунда. — Ты не привык к такому! Но не расстраивайся, прошу тебя, не расстраивайся! Все будет хорошо! Ты ведь выдержишь?

— Да.

— Ну конечно, ты выдержишь! Просто пока не привык. А потом ты привыкнешь! Не думай об этих людях, которые там сидят! Думай лучше о том, что ты заработаешь денег и мы сможем купить холодильник!

«Достойный фашистки совет!» — сказал себе Кирпичников.

На самом деле всю эту пятидневку он думал о том, как бы напроситься в конвой к тем, кого отправляли для опытов на фирму «Арендзее». Это оказалось не так-то просто. Пожеланиями нового надсмотрщика никто не интересовался, а неосторожные действия и слова могли вызвать обоснованное подозрение. Все, что смог Краслен, — это узнать, что заключенных отправляют в фармацевтическую фирму через день, партиями в двадцать — тридцать человек. «Не пойму, куда им столько, — поделился с Красленом один из коллег. — Уже седьмую сотню отгоняем. Все свежие, здоровые. Что они там с ними делают вообще?»

Что делают? Краслен представлял, как несчастных расстреливают на месте и требуют от ученых: оживляйте!

Другие надсмотрщики говорили, что раньше «Арендзее» получала еще больше людей. Что это значит? Шпицрутен разуверился в оживине и урезал Гласскугелю средства? Или ученые уже так близки к цели, что не нуждаются в прежней массе «человеческого материала»? Уже получили оживин?! Апробируют средство, проводят последние тесты перед массовым выпуском? Еще пара дней, неделя-другая — и армия Шпицрутена непобедима?! Нет, нет, нет... Нельзя, чтобы так было... Нельзя трусить, нельзя медлить... В ближайшую же смену уйти с теми, кто отправлен в «Арендзее»! Но как?..

Краслен тяжело вздохнул, заворочался.

— Расскажи про этот лагерь! — предложила Кунигунда. Очевидно, она думала, что милой болтовней отвлекает мужа от тяжелых дум. — Сколько в нем заключенных?

— Три тысячи.

— О-о-о! Целая орава! Ну, а что он производит?

— Шинели, табуретки, сковородки...

— Интересно!

— ...Мыло, сало, волосы... корма для животных... кровь, молоко...

— Вы держите коров? — спросила Кунигунда.

— Мы держим инородческих женщин с грудными детьми, — сухо ответил Кирпичников. — В уставе написано, что эти дети не нужны Империи, а маленькие брюнны должны хорошо питаться.

— Фу-у-у! Молоко инородок! Никогда бы не стала давать такое своему ребенку! Это же противно!

— А мылом из них тебе мыться не противно? — съязвил Краслен.

— Ну... — Кунигунда замешкалась. — Мылом, наверное, нет. Ведь свиным же мы моемся.

На следующее утро Кирпичников проснулся от восторженного крика жены:

— Курт! Дорогой! Просыпайся! Сегодня особенный день!

Он разлепил глаза и увидел в проеме двери Кунигунду. Несмотря на ранний час, она была при полном параде: босоножки на платформе, цветастое платье с рукавами-фонариками, красная помада, маникюр, «рогатая» прическа с двумя валиками. Кунигундино лицо лучилось счастьем. Кирпичников, естественно, почувствовал неладное.

— У меня для тебя потрясающая новость! Угадай, что я сегодня узнала?

«Мне конец, — понял Кирпичников. — Мало того, что женила на себе, так еще и отцом теперь сделает! Если раньше была хоть какая-то надежда избавиться от этого брака, то теперь... Прощай, Джессика! Прощайте все!»

— Ну? — спросила Кунигунда, красуясь перед мужем и как бы говоря: «Смотри, какая я хорошая, красивая, откормленная!» — Какие предположения?

— У тебя день рожденья? — несмело спросил Краслен, все еще цеплявшийся за последнюю надежду.

— Да нет же, глупенький! Гораздо лучше и важнее! Вставай, умывайся, иди слушать радио! Канцлер вещает! Война началась!

«ВОЙНА НАЧАЛАСЬ!»

Война.

Началась война.

Краслен закрыл глаза и мысленно застонал.

— Вставай, не проспай такой день! — верещала жена. — Все только об этом и говорят! Наконец-то мы покажем этим гнусным иностранцам, наконец-то все увидят, на что способна брюннская раса! Старший брат уже на фронте, правда, здорово? Он вернется героем! Гизела сказала, что Бальдур... А Берта... А все... Ну, вставай же!

«Лучше бы она забеременела, — думал Краслен. — Лучше бы страдать одному мне, а не всему мировому пролетариату!»

После завтрака Кунигунда усакала за покупками: естественно, изменившаяся геополитическая ситуация требовала нового гардероба. Ганс, у которого уже начались каникулы, восторженно носился по дому с игрушечным самолетиком, изображая жужжание мотора и вопя, что «канцлер всем покажет». А вот что касается старого барона, то ему всеобщее воодушевление не передалось: очевидно, еще помнил Империалистическую. Или теперь ее следовало называть Первой Империалистической? Не дай Труд...

— Ты, парень, молодец, — сказал он Кирпичникову. — Вовремя в лагерь устроился, теперь фронт тебе не грозит. А вот мой сын...

Фон дер Пшик допил кофе и вздохнул.

— Ладно, — продолжил он. — В конце концов, канцлер знает, что делает. В этот раз молниеносная война должна удасться. Зря, что ли, ее так долго готовили?! Да и сало, говорят, на востоке неплохое... Давно собирался попробовать... Как ты считаешь?

— Если многих заберут на фронт, для вас обязательно освободится какая-нибудь должность, — подыграл фон дер Пшику Краслен.

— И то правда! — Барон просиял. — Ну, тогда хорошо, что война.

Из окон лилась музыка, радио надрывалось, транслируя военные марши и речи Шпицрутена. Краслен вышел на улицу. Фашистских флагов было еще больше, чем обычно, портреты любимого канцлера выставили в витринах всех обувных и кондитерских. Возбужденный народ толпился вокруг репродукторов, откуда доносились речи о

неминуемой победе брюннского оружия и грядущем расширении «жизненного пространства». Автомшины сигналили, регулировщики улыбались, незнакомые люди жали друг другу руки. Мальчишки-газетчики радостно выкрикивали «потрясающую новость». Кирпичников купил номер «Брюннской всеобщей газеты». На первой полосе сообщалось, что «в ответ на бесчестную провокацию» фашистские войска развязали боевые действия против Шпландии — молодой республики, вечно служившей объектом раздоров, переходившей из рук в руки и не так давно принадлежавшей брюннскому императору. Со Шпландии начинались все крупные войны. В настоящий момент республика шла капиталистическим путем под руководством «демократической» Ангелики. Очевидно, намек брюннов был понятен.

Кирпичников прошелся до угла, свернул. Уступил дорогу барабанившему и вопившему фашистские кричалки отряду юных шпицрутенцев в темных рубашечках и шортиках-сафари. Завидев группу полицейских с дубинками и пауками на касках, поспешил перейти на другую сторону. Попетлял по грязным душным переулкам, нагляделся на длинные узкие мрачные здания: болезненная феодальная архитектура никогда ему не нравилась. Наткнулся на пункт записи добровольцев, осаждаемый молодежью. Вышел к спортплощадке, где недавно собирали рыжих. Теперь какие-то люди отрабатывали там строевые упражнения под бравурную музыку. Налево от площадки была лавочка театральных товаров: Кирпичников приметил ее, когда ехал жениться. Внутри наверняка имелись парики разных цветов и фасонов.

Мастер из соседней с магазином парикмахерской очень удивился, когда Краслен попросил побрить его наголо. Но когда, едва встав с кресла, лысый клиент вытащил парик, идентичный бывшей прическе, и надел его на голову, — удивлению фашистского цирюльника не было предела. Возможно, он даже что-то заподозрил, увидев, что клиент собирается уйти, не расплатившись: так, словно привык к бесплатным услугам.

23

Уже на второй день новой рабочей смены в лагерь начали прибывать шпландцы с оккупированных территорий. Они выгружались из вагонов уже на огороженной территории: еще ничего не понявшие, еще верящие в разум и человечность, еще надеющиеся дожить до старости, еще сжимающие свои узлы и саквояжи, еще в крепдешиновых платицах, еще при галстуках и шляпах.

Кирпичников в тот день как раз получил назначение в банную бригаду. Его обязанности состояли в выдаче голым мокрым людям полосатых роб и разноцветных треугольников, означающих род «преступления»: их следовало пришить к одежде самостоятельно. Кроме того, Краслену полагалось по возможности унижать и бить новоприбывших, «в целях уяснения ими своего места в новом миропорядке», как гласила инструкция. Время от времени, дабы не вызывать подозрений, он выкрикивал что-нибудь вроде «Поворачивайся, ты, жирная свинья!» или «Помалкивай, иначе дам по морде!». Впрочем, обещаний своих он никогда не исполнял. Другие, старшие надзиратели глядели на это сквозь пальцы: Кирпичников чувствовал, что его держат за глуповатого робкого новичка, малоинтересного, зато годящегося для черной работы. Слишком мягкое отношение к шпландцам легко сходило с рук Краслену еще и потому, что восемнадцатилетняя банщица Гудрун выполняла задачу унижать заключенных за двоих: не только старалась попасть в лицо или в срамное место, обливая их из шланга, но и при всякой возможности пинала под зад новеньким сапогом. В будущем она мечтала стать киноактрисой.

Более матерые и прыткие надзиратели устроились на начальный этап разгрузки: они отбирали у новоприбывших одежду и личные вещи. Издали Краслен видел, как из рук побежденных вырывают брюки, подтяжки, ридикюли и паспорта. «По окончании исправительных работ все личные вещи будут возвращены», — бубнил один из насмотрщиков, уже намечающий, что из полученного хозяйства он в итоге присвоит, а что

милостиво позволит забрать сотоварищам. Один толстый шпляндец в круглых интеллигентских очочках что-то сказал своей спутнице, никак не желавший расстаться с савояжем, и та, горько вздохнув, отдала сумку надсмотрщику. Кирпичников не знал шплянцкого языка, но случайно уловил в речи представителя гнилой прослойки корни слов «цивил» и «краснострани». «Не бойтесь, мадам, сделайте, как он велит. Брюнны цивилизованный народ, не то что какие-нибудь красностраницы», — очевидно, так переводился довод либерала. Через минуту очки у него отобрали и с удовольствием раздавили сапогом. Еще через одну — облили холодной водой, дали профилактического пинка и сунули линованную робу.

Тем же составом, что и заключенные, в лагерь была прислана новая партия медицинских препаратов. Местный доктор в одиночку разгружал тяжелые деревянные ящики, завистливо косясь на обладателей новых шплянцких сумок и кошельков. В лагере он был объектом всеобщих насмешек: маленький, щуплый, очкастый, заикающийся, только что вышедший из университета парень мечтал о карьере великого ученого, но был вынужден довольствоваться местом лагерного врача. Последнее время он носился с планами ставить опыты на заключенных, которые, как он слышал, ведутся в других заведениях подобного типа. Твердил надсмотрщикам, что при Шпицрутене настало «великое время для науки», лелеял грандиозные планы, присматривался к мировым премиям по медицине и мечтал научиться вживлять женщинам чужих зародышей. Но врачу не хватало то ли наглости, то ли подходящих жертв, то ли разрешения начальства — все разговоры об экспериментах оставались разговорами. Делая вид, что не слышит смешков и колких замечаний коллег, он молча тащил к санитарному барaku ящики со своими «средствами производства» — фенолом и мышьяком.

От наблюдения за врачом Краслена отвлек шум в очереди раздеваемых новичков. Какой-то парень ни за что не хотел отдать фашистам маленькую красную книжечку. Он ругался на своем языке, выкрикивал какие-то лозунги и в итоге был избит и обобран сразу четверыми надзирателями, повален на землю, не успев подняться, принял «душ» на четвереньках, снова упал под сапогом Гудрун и наконец сумел встать, только добравшись до Краслена. Встать, гордо подняв голову и выпрямив плечи.

— Коммунист? — спросил Кирпичников.

Это слово было интернациональным.

— Коммунист! — гордо ответил парень и с ненавистью глянул на Кирпичникова.

«Надо же, одного роста со мной. И возраста одного. Телосложение такое же, да и черты лица в чем-то близки, — отметил тот, выдавая тайному соратнику красную нашивку и лагерную одежду. — Как раз такого человека я и высматривал».

В часы отдыха надсмотрщики собирались в спецблоке № 10 для работников заведения: выпить самогону, поболтать, послушать радио. После начала войны его, кажется, ни разу не выключали: постоянно хотели знать новости с фронта. Между боевыми сводками давали истерические речи Шпицрутена, крутили фокстроты, запугивали инородческими заговорами, ругали коммунистов или передавали шутки. Последние пользовались у надзирателей особенной популярностью: напиться до свинского вида после уборки газовой камеры или кремации отработанного человеческого материала, а потом хохотать, повизгивая, над радиоюмором считалось правильным видом отдыха. Основным объектом шуток служили, естественно, инородцы, рыжие, монахини и велосипедисты: высмеивались их мнимая бескультурность, нечистоплотность, потворство низменным инстинктам. Восхищенные чужим остроумием и гордые своим национальным превосходством, «утонченно-интеллектуальные брюнны», «древнейшая и самобытнейшая раса», «потомки богов», пускали газы, выкрикивали проклятия в адрес других стран и, громко гогоча, били кулаками по столу, на котором подпрыгивали алюминиевые кружки с самогоном. Еще пару раз Кирпичников слышал передачи про языческие верования и священные брюннские традиции: надзиратели внимали им без особого интереса, но выпить за какой-нибудь древний,

исконный праздник, введенный Шпицрутеном аж три года назад, никогда не отказывались. Просветительских передач по фашистскому радио не было совсем.

Имелся в десятом блоке, кстати, и патефон. Служащие «воспитательно-оздоровительного лагеря» его никогда не заводили. Причин тому было две. Во-первых, год назад нажравшийся до зеленых соплей обер-надзиратель перебил все пластинки, а во-вторых, даже останься они в целости, фашистским церберам все равно было бы лень решать, какую мелодию поставить на этот раз. Ребятам больше нравилось радио: единственная волна не заставляла мучиться выбором; начальство милостиво брало на себя труд думать, чем занять уши подчиненных.

Кирпичников бежал в служебный блок при каждой возможности: ждал сводок с фронта и гадал, не вмешается ли в войну его Родина. Дабы не выдать себя, он натужно улыбался, слушая сообщения о брюннских триумфах, но внутри огорчался от победных новостей. Впрочем, Шпландии, ангеликанскому сателлиту, он тоже не симпатизировал: буржуазный строй был столь же противен пролетарию, как и высшее, агрессивнейшее его проявление — фашизм. Другое дело, что для Брюнеции война была захватнической, а для Шпландии — справедливой и освободительной... но окончательное решение, на чью сторону стать, оставалось за мировым пролетариатом и краснотранскими руководителями. Если оно и было принято, то Краслен ничего о нем не знал. Так что, слыша о новых и новых захватах брюннами иностранной территории, он испытывал лишь смутную, политически неподкованную тревогу.

Международная обстановка тем временем становилась все интереснее, все страшней. Не до конца расправившись со Шпландией, брюнны объявили войну Фратрийской республике. В Котвасице — еще одной маленькой и очень беспокойной стране, расположенной на границе империалистических держав, случился переворот. К власти пришло профашистское министерство, заявившее свою солидарность с режимом Шпицрутена. Тот в ответ провозгласил котицей равной брюннам, чистой, древней, священной нацией. В ответ взбунтовалась Васица, заявив о желании не иметь с Котицей больше ничего общего. Услышав о таких новостях, котицкая диаспора васичей устроила бунт. Живущие среди этой диаспоры этнические котики зарезали нескольких своих соседей. Власти Васицы приняли меры против бандитов. Котица набросилась на Васицу с обвинениями в бесчеловечности. Шпицрутен любезно предложил свои войска во имя борьбы с «кровавыми васицкими велосипедистами», приносящими, как теперь выяснилось, человеческие жертвы. Котицкие васичи пожелали отделиться от профашистской республики, напавшей на их братьев. Во взаимной резне, которая развернулась вслед за этим, ни брюннские радиорепортеры, ни, тем более, Краслен разобраться уже не могли. Зато царь Збажды — древней, независимой, но очень отсталой феодально-абсолютистской страны, знаменитой своей крайней нищетой, высокими горами и кривыми саблями, — не дожидаясь расправы, признал над собой власть Шпицрутена и объявил войну отделившейся Васице.

Шармантия вела себя, как обычно. Начало крупной войны спровоцировало в ней очередной политический кризис: не продержавшийся и месяца Пон-Бюзо сменился неким Валади-Дюамелем. Тот поклялся вернуть Восемнадцатой республике (так иногда именовала себя эта любившая менять правительства и конституции страна) былое величие, покончить с забастовками горняков, чугунолитейщиков, шоферов и почтовых служащих. Разгоревшуюся войну Валади строго осудил в теории, но на практике — как бы и не заметил. Что касается Ангелики, то она, радуясь своему заморскому положению, сделала вид, будто ее ничто происходящее в мире не касается.

Между делом брюннский диктатор выступил с предложением признать независимость еще одного — он назывался Ждирецким — края Вячеславии. Буржуазия снова считала, что в подобном проявлении либерализма не будет ничего страшного, вячеславов, естественно, не спросили, и вскоре новоотделившуюся землю постигла та же судьба, что и Огржицу.

Владения Шпицрутена угрожающе расползались по карте.

О позиции Краснострании по этому поводу фашистское радио упорно молчало...

Подолгу находясь среди лагерных надзирателей, Краслен стал понемногу понимать природу брюннов. Поначалу он боялся быть разоблаченным из-за акцента. Это оказалось напрасным: многие надсмотрщики, коренные брюнны, говорили на родном языке много хуже «Курта Зиммеля». Происходили они, судя по разговорам, в основном из городских люмпенов и раскрестьянных хлебопашцев, доведенных до ручки латифундистами и сбежавших из деревни. Ни образования, ни устремлений, ни интересов, тем более классовых, у этих людей не было. Не познали они в детстве ни деткомовских ячеек, ни юнкомовской взаимопомощи, не взвивали кострами синих ночей, не играли в «Зарницу», не бредили авиацией, не прыгали с парашютом, не читали ни поэтов-футуристов, ни «Занимательной физики»... Совершенно безыдейные, брели они по жизни, не способные не только бороться за свободу, но даже и желать ее. Тех, кто знал, умел, хотел больше, чем спать, есть и размножаться, не могли понять и презирали. Как дремучим туземцам, для полного счастья, кроме набитого брюха, им требовалась разве что нитка стеклянных бус: желательно та, что была на актрисе из последнего кинофильма. Они гордились своей безыдейностью, считая ее проявлением взрослости и ума, но бессознательно искали если не идеологии, то хотя бы вывески, лозунга, ярлыка для себя. Как любая шпана, они хотели примкнуть к какой-нибудь банде — и тут пришел Шпицрутен. Его банда идеально подходила для деклассированных лоботрясов. В ней не надо было думать, самосовершенствоваться. Канцлер очистил своих поклонников от чувства вины — отныне вина за любую неудачу лежала на рыжих и инородцах — и от чувства ответственности — все решения принимало начальство. Молодых фашистов освободили от прав и обязанностей. Сказали, что они лучшие: прямо сейчас, безо всяких усилий, просто потому, что родились брюннами. Разрешили не учиться. Разрешили не работать головой. Разрешили не только безнаказанно издеваться над иными — образованными, рыжими, но и получать за это деньги. Заветные кроны на будущий холодильник. Точь-в-точь такой, как в журнале «Коричневая молодость».

В этот раз в десятом блоке, как обычно, воняло перегаром, табаком, немытым телом, капустой и тем, что обычно производит кишечник после ее употребления. Грязные тарелки с остатками вышеупомянутого кушанья громоздились на столе и, кажется, никому не мешали. Надзирателей в блоке было человек пятнадцать. Треть из них уже находилась в бессознательном состоянии и либо храпела за столом (как вариант: под столом), либо бессвязно подвывала бодрому маршу-фокстроту, льющемуся из радиотарелки: «Прощай, дорогая, помаши мне платком, я поехал в Шпляндию! Тра-ля-ля, ах, тра-ля-ля, поехал в Шпляндию! Напишу тебе из полка, я поехал в Шпляндию, жди меня, вернусь с подарками!» Те, кто еще хоть что-то соображал, увлеченно глотали какую-то гадость из алюминиевых кружек. Не пили только двое: Франц и Густав. Эти отличались от остальных тем, что чистили ногти, любили вести философские разговоры и единственные во всем лагере могли сформулировать, чем же именно им нравится фашизм. В надсмотрщики они подались не от нищеты, а продуманно, по идейным соображениям. С заключенными тоже расправлялись по-научному, с выдумкой, изощренно. Сейчас эта парочка обсуждала проблему перенаселенности планеты и ждала, когда вскипит чайник, стоящий на примусе, чтобы заварить свой эрзац-кофе — отвратительный коричневый порошок с ароматом горячей помойки, неизвестный жителям Краснострании, но здесь, в условиях капиталистической диктатуры, считавшейся одним из достижений «прогресса». Гудрун, как всегда, изображала из себя образцовую хозяйку: поливала наоконные фикусы, произраставшие в маленьких круглых баночках из-под «Циклона-Б», поочередно сгоняла мух с каждого из трех портретов Шпицрутена, «украшавших» убогое помещение, и довольно хихикала, получая шлепок по задку то от одного надсмотрщика, то от другого. Вместо форменной фуражки на ее голове красовалась шляпка-клош, еще с утра принадлежавшая какой-то заключенной.

Марш-фокстрот сменился военной сводкой.

— Интересно, долго еще будет эта война? — спросил один из назирателей.

— Месяца четыре, не меньше, — с умным видом заверил его Франц.

— Шпицрутен обещает, что все закончится в пять недель!

— Говорю вам, не меньше четырех месяцев! Вспомните, что было в Империалистическую!

— Ну-у-у, приятель, ну ты загнул! Империалистическая война длилась несколько лет! Нет, такого нам больше надо!

— А такого больше и не будет. Это не начало века, в конце концов! Тогда у нас были только броневики, а теперь есть танки! И лучестрелы вместо винтовок! Не говоря уж об авиации.

— А мне вот интересно, — раздался голос из другого конца блока. — Из Фратрии нам кого-нибудь привезут или как?

— Для фратриатов есть лагеря и поближе... А тебе-то они зачем понадобились?

— Девки у них там красивые, говорят.

— Ха-ха, приятель, зачем тебе фратрийские девки? Смотри, вон как наша Гудрун вокруг тебя увивается!

— Эй, ты, попрдержи-ка язык, придурок! Ни вокруг кого я не увиваюсь!

— Ладно, уж и пошутить-то нельзя... И потом, у меня есть глаза!

— Захлопни пасть, кому сказала?!

— Тихо-тихо, ребята! — вмешался Краслен. — Смотрите-ка, у вас уже чайник вскипел, пока вы тут ругаетесь!

— С Гудрун шутки плохи, — заметил толстый надсмотрщик, развлекавшийся напояиванием на нос складного пенсе, отнятого у шпильдского интеллигента («Мартышка и очки» — назвал его Кирпичников про себя). — Неплохие у меня стеклышки появились, а? Вылитый император, ха-ха!

— Я тоже обзавелся сегодня одной забавной вещицей! — заметил его сосед. — Членский билет компартии! Тот парень сегодня утром вцепился в нее как в тысячекроновый билет! Каких только шизоидов земля не таскает!

На стол между грязной тарелкой и кружкой с самогоном шлепнулась красная книжица. Немытые руки потянулись к ней. «Забавная вещица» пошла по кругу, вызывая хохот надзирателей. Один «остроумно» предлагал потереться документом, другой хотел заставить хозяина съесть его, третий стремился объединить то и другое... Когда очередь дошла до Краслена, он развернул удостоверение и сразу же узнал по фото того гордого паренька, так похожего на себя. «Франтишек Конопка» — значилось в строках «Имя» и «Фамилия». Двадцать лет. В партии с восемнадцати.

— Здоровый пацан, — заметил Кирпичников. — Спортом, наверное, занимается. Фирма «Арендзее» таких ищет для своих экспериментов.

— Угадал, Зиммель, туда его и отправим, — сказал старший надзиратель. — Завтра же утром потопает к фармацевтам.

— Ну и правильно! — ответил псевдо-Курт. — А можно кофе?

— Эй, женщина, налей-ка кофейку нашему новенькому! — крикнул Франц.

— Пошел к черту! Некогда мне вас обслуживать! У меня через пять минут дежурство начинается!

Гудрун сменила шляпку на фуражку, подошла к двери, нажала на ручку, но открыть ее не смогла: будто что-то навалилось с той стороны. Нажала сильнее. Потом пнула дверь своим опытным сапогом. Один раз, другой, третий. С той стороны что-то грузно свалилось. Между дверью и косяком образовалась наконец небольшая щель, в которую надсмотрщица смогла протиснуться.

— Черт подери!!! — заорала она уже с улицы, яростно пиная что-то мягкое. — Чтоб тебе, рыжая морда! Не мог пойти сдохнуть в другом месте?!

В полночь младший надсмотрщик Курт Зиммель слез со своей койки и зачем-то стал натягивать форму.

— Ну, чего тебе не спится? — пробурчал сосед с верхней полки.

— В сортир хочу.

— Вот дурила! Одеваться-то для этого зачем?

— Я так стесняюсь.

Сонный смешок соседа получился больше похожим на хрюк. Через минуту он уже снова храпел. Кирпичников тщательно застегнулся, не забыл табельное оружие и вышел на улицу.

Ночной воздух был чистым и сладким. Над концлагем Мюнненбах светили те же звезды, что и над Правдогорском.

Барак, в котором ночевал Франтишек, Краслен выследил еще с утра, на первом построении. Положение надсмотрщика позволило войти туда, не вызывая особенных подозрений.

— Конопка! — грозно выкрикнул Кирпичников, пройдясь между рядами спальных отсеков. — Конопка! На выход, Конопка!

Одна из двадцати пар ног, свисавших с пятой полки восемнадцатого ряда правой стороны, зашевелилась. Потом появилась голова, так похожая на Красленову.

— На выход! — по-брюннски сказал надзиратель. — Конопка, на выход!

Лысые головы зашептались. Видимо, объясняли коммунисту смысл иностранных слов. Через минуту парень прыгнул с полки и с вызовом взглянул на Кирпичникова. Ни тени страха не было в глазах борца за народ — хотя в том, что ночной визитер явился, чтобы убить Конопку, наверняка был уверен весь барак.

— Оденься! — строго приказал Кирпичников.

Парню перевели. С некоторым удивлением (ведь, кажется, фашисты, любят раздевать людей перед казнью, а не наоборот?) он натянул полосатые штаны и рубаху, сунул ноги в деревянные боты и последовал за Красленом, для вида строго крикнувшим:

— Всем спать!

Какое-то время Кирпичников бродил по территории лагеря, таская за собой ничего не понимающего Конопку и высматривая уединенное место. Наконец за медицинским блоком он решил остановиться: знал, что спит доктор крепко и ночью гостей не приводит.

Теперь следовало объясниться с Франтишеком.

— Энгеликэн? Брюниш? Шармантель? Эскеридьяно? Красностранный?

Похоже, Конопка не знал ничего, кроме шпландского. Но на каком языке говорить с ним? Конечно, на языке мирового пролетариата!

— Коммунист! — сказал Краслен.

— Коммунист! — Конопка вскинул голову и презрительно взглянул на надсмотрщика. Терять, думал он, уже нечего.

— Коммуна. Пролетариат. Интернационал. Революция. МОПР, — перечислил Кирпичников и улыбнулся.

Франтишек смотрел настороженно.

— Вождь! — Краслен назвал фамилию того, которого мечтал оживить.

Франтишеку казалось, что над ним издеваются.

— Вождь! — сказал Краслен еще раз и приложил руку к сердцу. К своему, потом к Конопкиному. — Вождь!

Он пожал руку пролетарию.

Кажется, до того что-то стало доходить.

Впрочем, на то, как Краслен раздевается, он глядел все еще удивленно. Да и снять свою робу согласился не сразу: взволнованные жесты и подергивания за край рубахи были ему, сбитому с толку, готовому к худшему, не очень понятны. Натягивая форму надзирателя, Конопка, вероятно, все еще опасался, что над ним смеются. Смотрел, как Краслен облачается в тряпье заключенного, и не верил своим глазам. Даже получив в руку табельный хлыст, не до конца поверил в свое счастье. Только тогда, когда Кирпичников снял с себя парик и нацепил на бритую голову заключенного, Франтишек расцвел, засветился, расслабился. Жест «уматывай из лагеря» — резвый бег на месте, продемонстрированный Красленом, — он

понял незамедлительно. Еще раз пожал руку новообращенному союзнику, а потом не выдержал и бросился ему на шею. Два борца за справедливость обнялись.

Обитатели пятой полки восемнадцатого ряда правой стороны совсем не удивились возвращению Конопки. Они только обругали его на смеси шпландского и брюннского наречий за то, что полез через головы и опять разбудил. В самом ли деле заключенные приняли его за Фратишека, решили ли они поддержать «игру» или попросту наплевали на то, что вместо одного человека появился другой, — этого Краслен так и не понял. Следующие несколько часов он провел, ворочаясь на соломе (фауна концлагерных барачных оказалась намного богаче, чем в англиканской камере для чернокожих) и поминутно получая пинки от соседа, не могущего уснуть из-за его возни. За час до рассвета сосед перестал пинаться, а заодно и дышать. Отодвинуть его было некуда. Пришлось лежать в обнимку с трупом и стараться думать о хорошем.

В пять утра Кирпичников поднялся вместе со всеми, съел сухарь и выпил чашку черной жидкости, по сравнению с которой даже пойло Франца с Густавом было кофе: он сам не так давно следил за раздачей этих «завтраков». Во время построения Краслен думал о двух вещах: чтобы не узнали и чтобы не нашли пистолета, который он спрятал под одеждой. На надсмотрщиков Кирпичников старался не глядеть, лицо на всякий случай вымазал грязью. За нечистоплотность он, естественно, получил несколько палочных ударов, зато вздохнул с облегчением: подмены Франтишека Конопки на Курта Зиммеля надзиратели не заметили.

Наконец вызвали тех, кто был отобран для фирмы «Арендзее». Кирпичников сделал долгожданный шаг вперед. Через полчаса он уже шагал в общем строю по направлению к Клоппенбергену и лялякал в такт какой-то шпландской мелодии, слов которой он не знал: надсмотрщики велели петь.

Шли долго, несколько часов без остановки. Солнце встало высоко, пыльная и отвратительно гладкая асфальтовая дорога сильно нагрелась. Гундеть одну и ту же песню надоело до невозможности. Во рту у заключенных пересохло, пели все тише и тише. До смерти хотелось свернуть на обочину, повалиться на зеленой брюнской травке, отдохнуть в тени деревьев, растущих, словно солдаты, по линеечке, спуститься к ручью, освежиться... Но было нельзя.

Автомобилей на дороге почти не ездило. Колонне заключенных встретилось лишь несколько грузовичков. Еще пара, двигаясь в том же направлении, обогнала. Наверное, на них везли из концлагеря свежую партию мыла или волос.

Около полудня арестанты из Мюнненбаха встретили колонну солдат, которых гнали на фронт. Унылые мальчишки в черной форме шли ссутулившись, не в ногу. Воевать им явно не хотелось, но деваться было некуда. «Запевай, запевай!» — приказывал командир. «Прощай... дорогая, помаша мне платком... я поехал в Шпландию... — не в такт затянули новобранцы. — Тра-ля-ля... ыыы... тра-ля-ля... поехал в Шпландию...».

«Круговорот людей в Брюнеции», — буркнул Краслен себе под нос на родном языке.

— Кто вы? — тут же услышал он слева. — Вы что, красностралец? Почему вы пошли вместо Франтишека?

— Да, я красностралец, — прошептал Краслен, не поворачиваясь, чтобы не заметили. — Поэтому и пошел вместо него.

— Нас всех убьют!

— Нет. Я вооружен. Мы нападём на них, как только будем на месте. Скажите остальным — пусть будут готовы. Тс-с-с! Только не поворачивайтесь ко мне!

Заключенные брели медленно, шаркая ногами и перешептываясь. Уставшие охранники по очереди пили из фляжек.

«Скоро вернусь, дорогая, скоро вернусь, я поехал в Шпландию!» — пели вдалеке новобранцы.

— Пятьдесят голов, как вы заказывали! — надзиратель концлагеря отдал честь и

передал накладную человеку в форме штурмовых отрядов.

Заключенные строем стояли перед толстой кирпичной стеной с протянутой поверху колючей проволокой. Единственные ворота на территорию фабрики охраняли штурмовики с лучестрелами наперевес. «Фармацевтическая фирма „Арендзее“ — всебрюннский лидер в области производства касторки — предлагает вам свое сотрудничество!» — значилось с одной стороны от входа. Другую сторону украшала надпись: «Не входить! Частная собственность! Охраняется специальными частями! Внимание: огонь по рыжим и велосипедистам открывается без предупреждения! Будьте осторожны». За стеной виднелись типовые, ничем не примечательные производственные корпуса.

— Пошли! — крикнул штурмовик, открывая ворота. — Ну-ну, давайте, поторапливайтесь!

Заключенные покорно побрели на территорию.

«Труд Честный, помоги мне! — взволнованно подумал Краслен, держась за спрятанный под робой пистолет. — Судьба мирового пролетариата сейчас решается! Марат, Степан Разин, Гай Фокс, Гарибальди, Лакшми-баи, Spartak и Туссен-Лувертюр! Не оставьте меня! Дайте сил!»

Тяжелые ворота затворились за спиной.

— Недолюди, слушай мою команду! Напра-а-а... — начал штурмовик.

Но не закончил. Меткий выстрел — спасибо красностранской подготовке! — повалил его на землю.

«Убил или ранил?» — промелькнуло в голове у Кирпичникова. Он увидел, как второй охранник целится лучестрелом, и бросился под ноги товарищам. Те не дремали. Через секунду после выстрела толпа заключенных метнулась на поверженного штурмовика, стремясь затоптать, запинать, забить голыми руками, отобрать оружие.

— Тревога! — заорал второй.

Это были его последние слова. Орава заключенных выбила у него из рук оружие. Зеленый луч, выпущенный из смертоносного аппарата чьей-то рукой в полосатом рукаве, продырявил сначала значок с черепом и костями, потом табачного цвета рубашку, потом кожу, потом мясо, кость... кожу и снова рубашку. Сразу за первым лучом последовал второй, более мощный. Он аккуратно и быстро срезал фашисту голову, которая, потеряв черное кепи с устрашающими знаками, тяжело шмякнулась на вымытый с мылом бетон.

Третий луч был направлен на заключенных. Он вышел из подвала ближайшего корпуса и, судя по общему крику мужчин, женщин и детей, продырявил сразу несколько человек. Штурмовик, нарисовавшийся в дверном проеме, был застрелен из пистолета. Еще один возникший оттуда же — изрезан на куски лучами смерти. Теперь у заключенных было целых четыре лучестрела! Следующие несколько фашистов, появившихся из зданий, тоже прожили недолго.

24

— Труд Великий! Я слышу родную речь! Вы красностранец?! — воскликнул исхудавший старичок с острой бородкой.

— Красностранец, авангардoveц и враг фашизма! Кирпичников, Краслен. Рад познакомиться. Нормально себя чувствуете?

— Так это вы стреляли там, наверху? Труд, Труд, Труд... Я знал, что нас спасут!!! Друзья, вы видите, это случилось!!! Я верил, я все время верил, друзья!!! Бедный Радий Николаич, не дожил...

Старичок бросился на шею расстроганному Краслену и зарыдал. Рядом стояли еще двое ученых помоложе — брюнет и блондин, оба изможденные, но счастливые. Почти всю комнату подвального помещения, где Кирпичников отыскал их, занимала установка с множеством непонятных приспособлений и массой емкостей, наполненных веществами диковинного вида, бурлящими жидкостями, разноцветными газами. Здесь же в углу валялись

три матраса и три железные миски с остатками пищи. Очевидно, лучшие умы планеты, призванные найти вечную жизнь, содержались у фашистов немногим лучше, чем рыжие «недолюди».

— Заборский! Яков Яковлевич! — Старичок разжал объятия и принялся трясти руку Краслена. — А это...

— Гюнтер Вальд, — сказал блондин.

— Жильбер Юбер, — представился третий ученый. — Член шармантийской секции Рабинтерна. Как видите, у нас тут интернациональный коллектив, ха-ха-ха! Но по-красностраниски говорим, конечно, все.

— И все коммунисты, — добавил Гюнтер.

— Нас было четверо... — вздохнул Яков Яковлевич. — Профессор Синицын не смог пережить этого кошмарного похищения...

— Еще с нами работал Уильямс из Ангелики. Не знаете ли вы что-тонибудь о его судьбе? — вспомнил Юбер.

— Он умер, — ответил Кирпичников, пряча глаза. — Все, что знаю о нем, я расскажу вам по дороге отсюда. Думаю, нам не стоит задерживаться на фабрике.

— И правда! — спохватился Яков Яковлевич. — Который нынче час? Рабочие скоро придут на смену, да и Гласскугель может нагрянуть с проверкой когда угодно. Он заявляется сюда чуть ли не каждый день. Трясет нас за воротники и требует скорее изобрести оживин!

— А вы... изобрели его? — робко спросил Кирпичников.

Ученые переглянулись.

— Для фашистов — нет, — тихо ответил Заборский. — Для фашистов мы безмозглые дармоеды, которые ни на что не способны. А так...

Он залез во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда маленькую пробирку с бесцветной, на первый взгляд не отличающейся от воды жидкостью.

Глаза Краслена загорелись.

— Мы должны немедленно отправиться в Ангелику! — воскликнул он. — Как, вы до сих пор не знаете?! Буржуи тоже прознали о ваших опытах и выкрали тело Вождя, чтобы предотвратить его оживление! Но я знаю, где оно хранится! Мы туда проникнем... И тогда мировая революция неизбежна!

— Стало быть, надо пробираться к морю, чтобы сесть на пароход, отправляющийся в Ангелику? — спросил Яков Яковлевич. — Или найти дирижабль? Самолет? У кого-нибудь есть деньги на билеты?.. Ох... Ума не приложу, как мы отсюда выберемся...

— У меня есть предложение, — сказал Юбер. — До моря отсюда очень далеко, а рисковать мы не можем. Гораздо быстрее добраться до шармантийской границы. Доберемся до города Берр-сюр-Ривьер, там у меня есть родня. Дальше сядем на самолет и спокойно долетим до Ангелики.

— А как мы пересечем границу без документов? — спросил Заборский.

— Действительно... — озадачился Краслен.

— Значит, сделаем так, — решил Вальд. — Неподалеку отсюда есть городок Виллендорф. В нем базируется сильная коммунистическая ячейка. У меня есть адреса, пароли, явки. Уверен, что ребята помогут нам с документами и предоставят немного денег.

— Значит, туда, — решил Кирпичников.

— А как? Пешком?

— Видимо, ничего другого нам не остается...

— Нет, нет, это провальный план! Это невозможно! Мы погибнем! Нас поймают уже через час, помяните мое слово! — заворчал старик Заборский.

— Пойдемте-ка наверх, — предложил Кирпичников. — Там есть несколько комплектов фашистской униформы, оставшейся без хозяев. Правда, она кое-где продырявлена... Но, думаю, эти костюмчики существенно облегчат нам путь.

Наверху, там, где четверть часа назад происходила освободительная битва угнетенных

с угнетателями, бывшие заключенные уже раздели убитых штурмовиков и решали, кому достанется форма. В результате ее все-таки уступили Краслену — в благодарность за то, что организовал восстание и обмен на обноски ученых и все оружие.

— Ну что, товарищи, отправляемся? — спросил Кирпичников, переоблачившись второй раз за сутки.

— Пойдите! А раненые? — обеспокоился Заборский, глядя на бледных людей, которым делали перевязки с помощью разорванных тюремных роб.

— Ну Яков Яковлевич! — Краслен всплеснул руками. — У нас все равно ничего нет, чтобы помочь: ни лекарств, ни инструментов! Лучшее, что можно сделать для них, это поскорее воскресить Вождя.

— Подождите... — Гюнтер Вальд замешкался. — Заборский прав. Мы не можем уйти просто так. Я давал клятву Гиппократу! Черт возьми, мы оставили умирать столько пленников только ради того, чтобы скрыть от фашистов оживин! Надо хоть как-то загладить свою вину перед человечеством!

— Но... — начал Кирпичников.

Заборский и Вальд его не слушали: они уже хлопотали возле раненых и вытаскивали заветные пробирки.

— Что они делают?!

— Не беспокойтесь, — ответил Краслену Юбер. — Мы сделали оживина с запасом. Восемь-десять мертвецов или двадцать — тридцать больных. Ах да, вы ведь не знаете... Оживин способен не только воскрешать. Это мощный активатор иммунных и регенеративных процессов в организме.

— Стало быть, лекарство от всех болезней?

— Не совсем. При опасных травмах оживин действительно показан: благодаря ему раны затянутся намного быстрее. Но вот от простуды я бы пить его не стал: оживин даст организму гораздо большее «ускорение», чем нужно для победы над насморком, и последствия могут вас неприятно удивить!

— Главное, чтобы Вождю хватило... — пробормотал Кирпичников, глядя на то, как раненые глотают прозрачное вещество из пробирок и на глазах розовеют, оживают, улыбаются.

— Хватит всем, хватит! — отвечал Юбер.

Сам он смотрел на изрезанные лазером останки погибших в бою заключенных: очевидно, мечтал воскресить кого-нибудь, но сожалел, что трупы безнадежно разрушены. Кирпичников как раз подбирал какие-нибудь аккуратные слова, чтобы попросить ученых экономить оживин и поторапливаться, когда к нему с Юбером подбежал Заборский, держащий на руках тело маленькой, лет пяти, девочки с несколькими лазерными ранами.

— Как вы думаете, — возбужденно спросил Яков у шарманщика, — мы сумеем?... Она целая! Смотрите, почти целая!

— Вы же сами знаете, что такие повреждения сами по себе не затянутся! — ответил Юбер. — Сначала нужно восстановить жизненно важные органы, зашить дыры, а потом уже пытаться!

— Но я хочу попробовать!

— В этом нет смысла! — ответил Юбер. — Она тут же снова умрет от тех же самых ранений! Я понимаю вас, но...

— Оставим ее! — попросил Кирпичников. — Нам нужно скорее бежать! Война не обходится без жертв, никто из нас не виноват в том, что девочка погибла! Ни к чему рисковать собой, рисковать всем будущим человечества...

— Возьмем ее с собой, — сказал Заборский. — Возьмем с собой и оживим, как только окажемся в укрытии, как только получим оборудование для операции! Иначе я не сойду с этого места!

«Несносный старикашка! — подумал Кирпичников. — Где он видел, чтобы герои приключенческих книг и спасители человечества таскали с собой маленьких детей?!»

— Кажется, в нашем подвале был мешок подходящего размера! — заметил возникший рядом и через секунду снова убежавший Гюнтер.

«Мое мнение уже никого не интересует, — удрученно подумал Краслен. — Гнилая интеллигенция! Хотя... может быть, они правы и это я очерствел за время работы в концлагере?»

— Будешь жить, будешь жить, зайка! До самого коммунизма доживешь! — бормотал Заборский, прижимая к себе еще не остывшее тельце.

За его действиями неотрывно следил один из бывших заключенных.

— Што ви хотите сделат с моя дочерю? — спросил он наконец на плохом брюннском языке.

— Это ваша дочь?! — хором воскликнули Заборский и Юбер.

Через минуту группа коммунистов-оживителей пополнилась еще одним человеком. Благо лишний комплект фашистской формы для папаши нашелся.

Спустя час на шоссе Клоппенберген — Виллендорф пятеро штурмовиков остановили грузовик со свинными консервами.

— Слава Шпицрутену! До города довезешь? — спросил водителя самый молодой из компании.

Тон вопрошающего был задорным и угрожающим одновременно, так что шофера неудержимо потянуло согласиться. Сопротивляться своему желанию он не стал.

— Шпицрутену — слава! Залазьте.

Молодой штурмовик и еще один, постарше, уселись в кабину. Остальные, тоже не мальчишки, залезли в кузов и устроились там прямо на коробках со свининой. Багажа у них было всего ничего: один серый мешок с чем-то крупным. Наверно, с едой.

— Как дела, приятель? — подмигнул водителю молодой пассажир. — Что в городе говорят?

— Ну... — По лысине шофера пробежала капля пота. — Говорят, что при фашистах жить отлично.

— А еще что? — спросил старый.

— Э-э-э... — Водитель покраснел. — Хм... Рыжих давим... Коммунистов обезвреживаем... Все у нас прекрасно!

— А с войны какие новости? — попутчики никак не унимались.

— Силы нашей обороны, осуществляя атаку по всем направлениям, жмут шплянских и фратрийских бандитов, заставляя их сдаваться в плен целыми ротами! Торжество брюннского оружия близко, как никогда! Война будет молниеносной! Да здравствует победа! Да здравствует победа! Да здравствует победа! — оттарабанил водитель и с надеждой, краем глаза глянул на фашистов.

— Да ты, дружище, замечательно осведомлен в политической обстановке! — одобрили его «изложение» Краслен и Гюнтер. — Партия была бы тебе благодарна, если бы ты ехал чуточку побыстрее.

— Так точно! — вокликнул шофер.

Грузовик рванул с места, роня консервы.

Всю дорогу перепуганный водитель пересказывал попутчикам услышанную по радио пропаганду и выкрикивал фашистские лозунги. Дорога была недолгой, но Кирпичников и Вальд так утомились от изъятий лояльности, что, решив хоть немного разрядить атмосферу, начали насвистывать «Рио-риту». Водитель покорно подпевал им.

25

Многоквартирный дом на окраине Виллендорфа, на восьмом этаже которого брюннские коммунисты предоставили убежище ученым и Краслену, был лишен водопровода и имел печное отопление. Из-за этого на лестницах беспрестанно вспыхивали ссоры между

жильцами, тащившими наверх ведра с водой, и теми, кто колол дрова (не в квартире же этим заниматься!). На тесных площадках, и без того заваленных барахлом вроде медных тазов, старых ящиков, стиральных досок и поломанных детских кроваток, граждане, озабоченные мойкой и готовкой, мешали тем, кто решал проблемы отопления. Добавьте сюда коммивояжеров, заблудившихся пьяниц, зашедших погреться бродяг и проводящих «профилактические проверки» полицейских — лестница жила насыщенной жизнью, и это несмотря на отсутствие всякого освещения! Конечно, те, кто выходил колоть дрова, обычно приносили с собой керосиновую лампу, но все остальное время на лестнице царила абсолютная темнота. Желавшие справить малую нужду этим активно пользовались.

По большей части дом был населен рабочими. Исключение составлял лишь врач, обитавший на первом этаже. Сейчас он деловито складывал свои инструменты в чемоданчик, искоса поглядывая на стол с телом лысой девочки, аккуратно зашитым в нескольких местах.

— И что вы намерены делать? — спросил он с умешкой. — Ждать ее воскрешения?

— Как видите, мои друзья верят в восстание из мертвых! — Кирпичников картинно развел руками.

Хозяйка сняла с печи кастрюльку с кипящей водой, перелила немного в кувшин, добавила холодной.

— Ей-богу, первый раз сталкиваюсь с такими безумцами! — воскликнул врач. — Надеюсь, пока я тратил на вас время, моя помощь не понадобилась никому из живых больных!

— А вас и не просили приходить! — ответил взлохмаченный Вальд. — Мы просили только инструменты и несколько основных препаратов.

— Но не мог же я сидеть дома, зная, что на восьмом этаже кому-то нужна помощь! — воскликнул гость. — Вы ничего мне не объяснили! Впрочем, я и теперь ничего не понимаю...

— Мои друзья так любят Империю и канцлера, что готовы на самые рискованные эксперименты, лишь бы научиться воскрешать наших солдат! — примирительно сказал Краслен. — Честно сказать, я тоже в это не верю... Но брюннский гений не терпит никаких преград, как вы считаете?

— Ну... конечно... — сказал доктор, намыливая руки.

Хозяйка полила ему над тазиком.

— Поэтому я подумал, что нашим ученым нельзя мешать ставить эксперименты, какими бы безнадежными те ни казались. Кто знает, может, скоро их вознаградит сам канцлер... А может быть, они поймут, что оживление невозможно, и бросят эту затею.

— Никогда! — Заборский засверкал глазами. — Мы подарим фашистам бессмертие, чего бы это ни стоило!

— Шизоиды, настоящие шизоиды... — пробормотал владелец инструментов.

— Шизоиды — это элементы, бесполезные для общества, — поправил Краслен. — А мои друзья стараются ради Империи.

— И где вы только взяли эту покойницу... Да еще с такими страшными ранениями...

— Купили в концлагере, сколько вам повторять, доктор?! Разве вы не знаете, где современные исследователи запасаются человеческим материалом?

— Желаете кофе, герр Майнеке? — вставила женщина.

— Да, спасибо. Да-да... Я все понял... — Врач вытирал руки. — И все-таки вы решительно сумасшедшие! Не знаю, что и думать! Так хорошо уметь оперировать и верить в то, что зашитый труп может просто так взять и воскреснуть! Бред какой-то... Зря я сюда пришел...

— Вот именно, зря! — вставил Вальд. — Могли бы просто прислать инструменты и не беспокоиться.

— Я не могу доверять инструменты неведомо кому! Вы разве не слышали, что творят рыжие в округе?

— А разве их вопрос еще не окончательно решен? — спросила хозяйка, вручая врачу чашку кофе.

— Что? Окончательно? Как бы не так! Вы, я вижу, совсем ничего не знаете! Вчера орава рыжих напала на фармацевтическую фабрику в Клоппенбергене! Они перебили безоружных охранников, надругались над работницами, вылили всю касторку и заложили в здание бомбу! Она не взорвалась только благодаря доблестной полиции! Удивительно, до чего доходит ненависть этих выроdkов к брюннскому народу! Теперь, когда мы ведем войну, они пытаются лишить лекарств наших раненых, отнять надежду у наших больных детей! И кто-то еще продолжает считать, что рыжие не опасны?!

— Откуда вы знаете, что это были именно рыжие, герр Майнеке?

— Что значит «откуда»? По радио сказали! А кто это еще мог быть, по-вашему?! Думаете, мы имеем дело с единичным нападением? Как бы не так!!! Это заговор, уверяю вас, заговор!!! Я уже предупредил знакомого аптекаря, чтобы закрыл лавку!!! Рыжие против нас, они повсюду, повсюду!!! Они...

Доктор неожиданно обнаружил чашку кофе в своей руке. Выпил залпом, успокоился, замолчал. Потом добавил:

— Эта девка... она рыжая, не так ли? Я надеюсь, если она вдруг и в самом деле оживет... Вы же этого так не оставите?

— Нет, разумеется нет! — хором заверили его все.

— Вот и хорошо. Что ж, фрау Шлосс, позвольте откланяться! Надеюсь, вы не пожалеете, что пригласили к себе этих... как вы сказали?... да, родственников покойного мужа! Итак, всего доброго! Не забывайте, что я вам говорил о долге брюннской женщины! Как только надумаете — доктор Майнеке будет к вашим услугам.

С этими словами беспокойный гость удалился.

— Что это еще за долг брюннской женщины? — спросил Кирпичников, когда стихли шаги на лестнице.

— А, глупости... Майнеке уже который год не дает мне покоя с этим долгом! Шпицрутен сказал, что каждая чистокровная брюннская женщина должна иметь по крайней мере четверых детей от чистокровного брюннского мужчины. Жена Майнеке ими уже обзавелась, а я, как видите, нет. Вот он и предлагает свои услуги... Однако вы, товарищи, разыграли перед ним неплохой спектакль!

— Хотелось бы надеяться, — буркнул Кирпичников. — Этот тип явился сюда абсолютно некстати!

— Я думала, удастся убедить его просто дать непрочат несколько инструментов... — виновато ответила хозяйка. — У нас не было другого способа раздобыть их так скоро. Вы же требовали немедленно...

— Товарищ Шлосс, вы поступили совершенно верно, обратившись к нему! — поспешил вставить Заборский. — Все мы крайне благодарны вам за то, что, рискуя жизнью, предоставили нам крышу над головой и не оставили без внимания просьбу скромных медиков!

— Я всего лишь выполняю приказ партии и счастлива, что могу послужить делу пролетарской революции! — отрапортовала фрау.

— Остается надеяться, что Майнеке поверил, что имел дело всего лишь с кучкой безумцев, фанатично преданных Империи, — завершил Юбер. — Только бы он не направился отсюда прямо в тайную полицию!

Кирпичников выглянул за окно. Типичный дворик спального района в брюннском городе: серый асфальт, серые противопожарные стены окрестных домов, закрывающие горизонт, серое небо. Несколько ниток с серым, застиранным бельем. Ни кустика, ни деревца, ни малейших признаков песочницы и прочих детских развлечений. Несколько луж с переливами нефти. Шарманщик, окруженный оборванными малышами (наверняка крутит какой-нибудь фашистский гимн). Нет, Майнеке не видно.

Когда Краслен обернулся, Заборский уже набирал в шприц оживина.

— И все-таки, товарищи, ума не приложу, что вы на самом деле намерены делать с этой покойницей? — спросила женщина. — Для чего она вам понадобилась?

— Вы сейчас узнаете, — ответил Гюнтер Вальд.

— Ну, с Трудом! — сказал Заборский и сделал укол в сердце.

Как только шприц был вынут, Вальд приступил к непрямому массажу сердца. Юбер делал искусственное дыхание. Остальные замерли, восхищенно наблюдая за происходящим.

— Они что, на самом деле?.. — прошептала удивленная хозяйка. Отец девочки, до сих пор тихо сидевший в углу и не проронивший при Майнеке ни слова, подошел к «операционному» столу и напряженно, с тихой надеждой стал вглядываться в белое окоченевшее тельце. «А вдруг не получится? — думал Кирпичников. — Вдруг не сработает?! Ох, я ведь даже не спросил, проверяли ли они свое средство на ком-нибудь! Ну что же, где же, скоро ли? Третья минута прошла! Или уже четвертая? Неужели не выйдет?! Неужели нам не оживить Вождя?! Неужели мы все обманывались?»

— Тело отмякает, — сказал Вальд. — Устал, меняемся. Заборский — сердце, я — дыхание.

Краслен взволнованно сжал кулаки, приблизился к столу. Он был так возбужден, что больше не мог ни о чем думать. Только считал вдохи и нажатия, нажатия и вдохи, без конца сбиваясь. Голова кружилась. Время шло раз в десять медленней обычного. «Ну давай, давай, давай! — повторял Кирпичников то ли про себя, то ли вслух, сам не зная, к кому обращается. — Давай, давай! Ну же!»

— А-а-а-а-а-а-ах! — тихо застонала девочка.

— О-о-о-ох! — свалилась в обморок хозяйка.

Через четверть часа, когда фрау Шлосс была приведена в сознание, отец рожденной заново девочки перестал рыдать от счастья и выпустил дочь из объятий, а сама недавняя покойница как будто задремала, все действующие лица собрались на середине комнаты и счастливо обнялись.

— Друзья! Товарищи! Соратники по борьбе! — провозгласил Заборский. — Только что перед нами произошло чудо, доказывающее безграничность сил людского разума! Сегодня, сейчас пролетарий, простой трудовой человек, победил смерть! На тайной квартире, под небом фашистской Бронеции, в разгар новой Империалистической войны мы совершили грандиозный прорыв в науке, сделали огромный шаг вперед, к всемирному коммунизму! Ура, товарищи!

— Ура-а-а-а! — закричали все.

— Тс-с-с! — Фрау Шлосс приложила палец к губам. — Не забывайте, что и у стен здесь есть уши!

— Ура-а-а-а... — продолжили шепотом.

— Как воскресла эта девочка, так и мировой пролетариат скоро очнется ото сна и разорвет свои цепи! — сказал Краслен. — А мы ему в этом поможем!

— И я, я тепер с вами! — сбивчиво забормотал счастливый отец на своем плохом брюннском. — Принимат моя в партия!

— Будешь, будешь в партии! — весело и почему-то по-шармантйски заверил его Юбер, хлопая по спине.

— Осталось оживить Вождя, и рабочий класс окончательно победит! — добавил на родном языке Кирпичников.

— Рабочий... класс... победит... — раздался тоненький голосок у него из-за спины.

Все кинулись к ожившей. Она лежала на столе с открытыми глазами и, переводя взгляд с одного лица на другое, лепетала:

— Оживить Вождя... Рабочий класс... Победа... Мировая революция...

— Ваша дочь говорит по-краснострaнски? — удивленно спросил Вальд у папаши.

Тот, ошарашенный, замотал головой. Похоже, он даже не понял, на каком языке неожиданно заговорила воскрешенная.

Через несколько часов стало ясно, что Марженка Бржеская — а именно так звали воскресшую полиглотку — говорит не только по-краснострани, но и еще как минимум на десяти языках, включая два древних и один искусственный. Отец не знал, радоваться ему или горевать, ученые никак не могли решить, радоваться им или ужасаться оттого, что они сотворили нечто непонятное. К вечеру ожившая уже улыбалась, сидела на кровати, самостоятельно ела, совсем не жаловалась на боль и болтала без умолку. Несла она всякую ахинею: отрывки из классики вперемешку с революционными лозунгами, просьбами покушать, воспоминаниями о куклах, погибших во взорванном фашистами доме, и невнятные сообщения о каком-то мальчике с какой-то книгой, который, если верить детским фантазиям, вот-вот должен прийти.

Перед ужином в квартиру позвонили. Никого не ожидавшая хозяйка поспешила спрятать гостей, перед тем как идти открывать. Из-под кровати Краслен услышал лязганье замка, скрип двери, а затем следующий диалог:

— Слава Шпицрутену! Добрый вечер, фрау! Я Макс Егер, общевоинской отдел юных шпицрутенцев, пятнадцатый отряд, фаланга «черные паучата»! Прошу прощения за беспокойство! Не желаете ли обменять какую-нибудь старую скучную книгу на произведение нашего канцлера?

— Слушай, парень, у меня уже пять экземпляров этого произведения! Ваш отряд что, каждый день ко мне будет ходить?

— Юные шпицрутенцы никогда не сдаются на пути к намеченной цели! — отпартовал «паучонок». — У вас точно нет никаких лишних книг? Может быть, старые учебники по философии, безыдейная поэзия прошлого века, романы иностранных авторов? Мы предлагаем вам выгодную сделку, фрау: новенькая книга с картинками в нарядной обложке в обмен на старые потертые книжонки! Если вы уже читали произведение канцлера, то можете пожертвовать что-нибудь просто так! Вы поможете фронту, сударыня! Все книги пойдут на изготовление папирос для наших солдат!

— Сожалею. У меня нет для вас никаких книг.

— В таком случае, фрау, подпишитесь на заем! Всего полторы кроны! Наш район собирает деньги на новый лодколет для брэннской армии! Проявите патриотизм, фрау!

Хозяйка громко вздохнула. Видимо, поняла, что отказаться от займа нельзя, и готовилась расстаться с трудовыми кронами.

— Спасибо, фрау! — объявил «паучонок» через минуту. — Юные шпицрутенцы благодарят вас и напоминают, что детская фашистская организация Брэннеции существует на деньги компании Хрюппа! Хрюпп — это лучшая сталь, лучшие танки и лучшие сковородки! На сковородках Хрюппа можно жарить без масла!..

— Ладно-ладно, приятель, всего хорошего! — поторопила незваного гостя фрау Шлосс.

— Берегите масло для фронта! — выкрикнул на прощание «паучонок». — Жарьте на гуталине!

— Вот такие «делегаты» у нас в стране каждый день стучатся в тысячи квартир! — прокомментировал Вальд, лежа под кроватью рядом с Красленом. — И хорошо еще, если приходят «паучата» или молодежь, а не фашистская гвардия! Сдайте то, получите се, подпишитесь на очередной займ, сдайте деньги на фашистское предприятие...

— Наплевать на предприятие! — шепнул Кирпичников. — Вальд, вы что, не поняли?! Марженка еще и умеет предсказывать будущее! Вы же слышали, как она несколько раз обещала нам мальчика с книгой!

— Будущее... Признаться, я тоже это заметил, но считаю простым совпадением, — ответил ученый. — Все-таки это антинаучно и противоречит материалистической концепции мира...

— Ничего подобного! Материалистической концепции мира противоречат только религиозные предсказания, а мы имеем дело с источником информации, открывшимся благодаря пролетарским докторам... вам то есть. И потом, она же все время говорит о

мировой революции! Значит, и все остальные предсказания тоже правильные, научно обоснованные!

— Хм... Возможно, вы и правы.

В десять вечера, как обычно, отключили уличное освещение. Радиовещание прекратилось. Лучи прожекторов, установленных на патрульных самолетах полиции, начали обшаривать город: не бродит ли кто в неустановленное время по улицам, не собирается ли в группы больше чем по двое, не совершает ли иных «преступных» действий. Общегосударственный режим дня действовал в Брюнеции уже пять лет: с двадцати двух часов воспрещалось всякое движение. Формально власти объясняли такой порядок заботой о здоровье имперских рабочих: хорошо выспавшиеся, они-де произведут больше имперского оружия на имперских заводах. Настоящие причины комендатского часа Кирпичников знал из красностранных газет: запрет ночной активности был одним из способов борьбы с рабочим подпольем. Был у фашистов и еще один, совсем уж оригинальный резон: помешанные на выведении породистого, чисто брюннского потомства и повышении народонаселения, они надеялись, что заскучавший в отсутствие радио и освещения народ примется реализовывать их планы.

«Как это не похоже на мою Родину! — думал Краслен. — Красностранцы ложатся когда захотят. Хоть всю ночь гуляй! Зато в семь утра из всех репродукторов начинает греметь такая музыка, что хочешь не хочешь — проснешься! Все-таки наши с брюннами режимы абсолютно противоположны друг другу! Одни стремятся разбудить рабочий класс, а другие, наоборот, усыпить его».

Хозяйка готовила всем постели. Краслен и ученые сидели за кухонным столом и шепотом (за разговоры в полный голос в неустановленное время полагались сутки ареста), в темноте (поговаривали, что оборудование брюннской полиции способно засечь через окна даже мерцание самой слабой коптилки) обсуждали неожиданные способности воскрешенной:

— Если учесть, что оживин, по сути, является мощнейшим активатором природных свойств организма, то новые знания Марженки можно объяснить, — говорил Вальд. — Предположим, что когда-то она слышала слова на красностранском, эскеридском, других языках.

— Но откуда она знает воляпюк и дневнелужский? — парировал Юбер. — И потом, это предсказание... Думаете, способность предсказывать сокрыта в каждом человеке?

— «Предсказание» визита мальчика с книгой может быть простым совпадением, — вставил Заборский. — Для того чтобы принимать всякие пророчества всерьез, мы должны поверить в судьбу, то есть признать тот факт, что будущее предписано заранее и объективно существует помимо нашей воли.

— А разве грядущая победа коммунизма во всем мире объективно не существует? — спросил Кирпичников. — Нам в школе говорили, что она неизбежна. Судьба, стало быть.

— Будущее может существовать как совокупность объективных причин, — заметил Юбер. — Законы диалектики этому не противоречат. Ведь если все разумное действительно...

— Тогда способность к предсказанию можно рассматривать как сверхразвитость или временную сверхактивацию аналитических навыков мозга, — продолжил Вальд. — То есть, имея перед собой набор фактов, так называемый «пророк» логически просчитывает наиболее вероятное следствие.

— Каким образом можно просчитать появление какого-то мальчишки с какой-то книгой?! — Заборский почти перешел на крик, и ему пришлось напомнить о конспирации.

— Почему бы нет, — ответил шармантеец. — Предположим, что девочка знала о существовании юных шпицрутенцев, о том, что время от времени они стучатся в двери обывателей... возможно, слышала что-то от фрау Шлосс...

— Бросьте! — отмахнулся красностранский ученый. — Если она знала о регулярных

визитах этих бездельников, то тут вообще нет никакого предсказания. И, кажется, мы ушли не в ту степь! На мой взгляд, намного интереснее проблема неожиданного овладения языками.

— Полагаю, мы столкнулись с областью реальности, еще не изученной человеком, — сказал Юбер.

— А может быть, все проще? — Заборский многозначительно хмыкнул. — Может, папаша и дочка не так просты, как хотят себя представить? Может, они...

Профессор замолчал, услышав шаги в коридоре. Через секунду на кухню вошел Бржеский с девочкой на руках.

— Опат проснулся и хочет есть! — посетовал он. — В дом остаться какая-то еда?

— Регенерация требует много энергии, — сказал Вальд. — Иди ко мне, малышка! А насчет еды вам лучше узнать у хозяйки. Думаю, было бы невежливо без спросу копать у нее в закромах.

— Я так и сделаю, — ответил недавний заключенный, передавая Марженку ученому.

Проследив глазами за тем, как Бржеский уходит, Вальд спросил девочку о самочувствии.

— Я уже почти не болею! — гордо ответила та.

— Вот молодец! — сказал Юбер. — А скажи-ка нам, откуда ты знаешь столько языков? К примеру, тот язык, на котором мы сейчас говорим?

Девочка пожала плечами.

— А как ты угадала, что к нам придет мальчик с книгой? — поинтересовался Заборский.

Марженка испуганно взглянула на ученого, потупилась и тихо прошептала:

— Я увидела.

— Выходит, ты видишь, кто собирается прийти сюда?

Воскресшая кивнула.

— А можешь сказать, кто будет следующий? — любопытствовал Вальд.

— Дядя... много дядей... в форме... с пауками...

Кирпичников, Заборский и Юбер, не сговариваясь, вскочили с мест.

— Когда они тут будут?

— Через час, — сказал девочка.

Возможно, в способности воскресшей поверили еще не все и еще не окончательно. Но проверять не хотелось. Эксперимент решили отложить до следующего раза. Пока что надо было спешно собираться и искать новое убежище.

— Надеюсь, вы меня понимаете, — сказала фрау Шлосс, за пять минут собрав в узелок деньги, документы, шрифты для подпольной газеты и единственное золотое кольцо. — Мы могли бы пойти к Климту, руководителю местной партиячейки... Но если фашистские ищейки уже близко, они могут выследить нас и сесть нам на хвост.

— Разумеется, о том, чтобы подвергать риску товарищей, и речи быть не может! — подтвердил Краслен.

— Нужно где-то укрыться на эту ночь. А потом, если мы будем уверены, что ушли от погони, отправимся к своим.

— Только нам следует разделиться, — добавил Вальд. — Ходить по Брюнеции такой толпой в ночное время — это верный арест. Я пойду один, поскольку знаю город. Господину Бржескому с дочерью придется отправиться без сопровождения. Остальные пускай разделятся на пары. Те, кто переживет эту ночь, встретятся завтра в полдень возле фонтана в скверике рядом с Опереттой.

— И каждый возьмет с собой немного оживина. — Заборский полез во внутренний карман пиджака, чтобы вытащить оттуда несколько пробирок. — Это на случай, если я погибну.

— Только не допустите, чтобы он попал к фашистам! — предостерег Кирпичников,

обращаясь главным образом к Бржескому. — И помните: это предназначено для Вождя, а Вождь спрятан на фабрике мороженого Памперса в Манитауне!

— Я знат. Я вступат в ваша партия! Я коммунист! — сказал Бржеский.

Все обнялись и на ощупь пошли вниз по лестнице. Сначала Юбер и Заборский, потом шпильдец с дочерью, за ними Вальд, а последними — Краслен и фрау Шлосс.

Как непохожа была брюннская ночь на англиканскую (даром что там и там заправляла крупная буржуазия)! Черные глыбы бетонных домов, черный асфальт, черное небо, черный воздух, сквозь который невозможно ничего разглядеть... Ни огней, ни реклам, ни светящихся электричеством вывесок — только ощупывающие землю прожектора на патрульных «этажерках». Ни музыки, ни голосов зазывал — только механическое поскрипывание транспортных пауков фашистской гвардии.

— Правда, что пауки — это не только средства передвижения? — шепотом спросил Кирпичников. — У нас в «Звезде» писали, что они еще и стреляют микролучами.

— Не знаю, — ответила фрау. — И надеюсь никогда этого не узнать. Слушай, сними-ка ботинки на всякий случай. Говорят, пауки оборудованы особыми звуколокаторами... А теперь побежали вот в тот переулок!

Асфальт был холодным. Шаги даже босых ног гулко разносились по району, отражались эхом от тяжелых зданий, высоких кирпичных стен, окружавших тюрьмы и психбольницы, чугунных статуй канцлера, расставленных здесь и там как будто бы не ради пропаганды, а для слышимости.

— При республиканской власти здесь росли деревья, — прошептала фрау Шлосс. — Фашисты все вырубили. Это якобы инородческая мода, заявили они! Я думала, просто из ненависти ко всему живому. А теперь понимаю: деревья ведь поглощали лишние звуки, мешали следить за народом!.. Скорее туда!!!

Над головой, совсем близко, затрещал мотор патрульного аэроплана. Шлосс и Кирпичников еле успели спрятаться в ближайшей подворотне. Прижавшись к стене, не дыша, они наблюдали, как огромный круг света ползет по асфальту в каких-то трех метрах от них ощупывает мостовую, скамейки, мусорные бачки, забетонированные газоны. Через минуту, не позволив коммунистам расслабиться, тем же маршрутом проследовал второй самолет с прожектором. Сразу за ним, медленно перебирая восемью лапами из листов клепаного железа, распространяя запах бензина и громко скрипя, прошел паук. То, что с него беглецов не заметили, было просто чудом.

— Спрячемся в каком-нибудь подъезде, пока они все не уберутся отсюда, — предложил Краслен.

— Вряд ли получится надолго там задержаться.

— И все же давай попробуем!

Скрип еще одного приближающегося паука не оставил времени на поиски наилучшего выхода. Товарищи забежали в первое попавшееся парадное, притаились на лестнице.

— Боюсь, нас отсюда выгонят! — прошептала фрау.

Краслен считал иначе:

— Все же спят, никто не слы...

Он осекся, уловив лязганье замков за одной из дверей. Первый запор, второй, третий, засов, шпингалет, еще один, цепочка... Через три минуты на площадку вышла недовольная женщина с керосинкой.

— Какого черта вам здесь надо?! — заорала она. — Развратники! Немедленно убирайтесь! Как ни старается правительство, а от вас все равно никакого спасения по ночам! Хулиганье! Рыжие морды, проклятые велосипедисты! Прочь немедленно! Я вызову полицию!!!

Коммунисты помчались в соседний подъезд.

— Это только кажется, что Брюнеция крепко спит по ночам, — объясняла фрау, когда они устроились на другой лестничной клетке. — Многие не могут сомкнуть глаз из-за гнетущей тишины! Другим мешают спать скрип пауков и тархтение самолетов. К тому же

власти постоянно запугивают народ свирепыми рыжими и велосипедистами-заговорщиками. Кое-кто боится, что ночью его убьют инородцы! А кроме того... Черт, опять услышали!

На этот раз из-за двери появился худой, изможденный мужчина с горящими, как у безумца, глазами. В руке он сжимал револьвер.

— Чертовы фашисты! — закричал обыватель. — Вы пришли меня арестовать?! Живым я не дам! Вы слышите?! Я застрелюсь!

— Мы вовсе не фашисты, — поспешил ответить Краслен. — Посмотрите, разве мы похожи на полицейских?

— Не стоит! — прошептала фрау Шлосс. — Он сумасшедший! Убираемся отсюда!

— Зачем вы пришли тогда?! — крикнул мужчина. — Что, снова подслушивать?! Думаете, я рассказываю анекдоты про вашего Шпицрутена?! Передайте ему, что я его не боюсь!!!

Коммунисты выбежали из подъезда.

— Не боюсь! — орал им вдогонку безумец. — Слышите, так и передайте!!!

Оказавшись на улице, Краслен и фрау чуть было не угодили в лучи очередного аэропланного прожектора.

— Если так пойдет и дальше, ночь нам не продержаться, — мрачно констатировал Кирпичников.

— Кажется, я знаю, где спрятаться! Это не так далеко отсюда, пара кварталов. Ступай за мной.

По пути (на котором товарищам, разумеется, пришлось еще не раз прятаться от самолетов и бегать от пауков) фрау Шлосс поведала о месте, куда они направлялись: бывшей парикмахерской, до того принадлежавшей инородцу, но разгромленной штурмовиками пару дней назад. На «расово очищенное» помещение претендовали две крупные фирмы, и, поскольку вопрос собственности решен еще не был, ни та ни другая не спешили наводить в лавке порядок. О том, чтобы выставить ночного сторожа, речи тем более не шло: тратиться на охрану неизвестно чьей собственности брюннские капиталисты не собирались, да и караулить благодаря доблестной фашистской гвардии было уже нечего.

Мостовая перед мрачным помещением с пустыми дверным и оконными проемами была идеально чистой, зато внутри битое стекло хрустело при каждом шаге. На полу валялись неубранные волосы, флаконы из-под одеколона, сломанные щипцы, грязные полотенца... Фотографии модных дам с перманентом и начесами как ни в чем не бывало продолжали висеть по стенкам и отражаться в битых зеркалах. Кирпичников пытался разглядеть их в темноте и случайно наступил на погнутой тазик для бритья, напугав сам себя.

Устроиться решили в подсобке, прямо на голом полу, между какими-то ящиками.

— Расскажи о себе, — попросил Краслен, усевшись. — Я ведь даже не знаю твоего имени. Все «фрау» да «фрау»...

Женщина негромко рассмеялась:

— Что мне рассказать? Зовут Гертруда. Раньше Кляйнер, нынче — Шлосс. Родители бежали из деревни из-за голода. Папа шил сапоги, погиб на Империалистической. Мама была прачкой, умерла от инфлюэнцы вместе с братом и сестренкой. Вышла замуж, прожили два месяца. Муж работал на сталелитейном заводе Хрюппа. Слышали о таком? Самая дешевая сталь в Бронеции. Несчастный случай на производстве, травмы, несовместимые с жизнью. Требовала пенсии. Приказали замолчать. Не замолчала. Арестовали. Вышла, устроилась ватерщицей². Потом сельфакторшей³. Потом формовщицей в чугунолитейном. Зарплату ополовинили. Вступила в профсоюз, потом в партию. Стала бороться. Снова арестовали. Больше на фабрику не берут. Теперь подметаю улицы... В общем, ничего

² Ватерщица — рабочая-текстильщица на ватер-машине.

³ Сельфакторша — работница на прядильной машине.

особенного. Все как у всех.

— Как у всех?! Но это же ужасно!

— Большинство брюннов думает, что это и есть нормальная жизнь. После войны у них не было даже хлеба, а при фашистах появилась черствая корка. Им страшно, как бы инородцы и велосипедисты не отобрали ее. Они верят, что коммунисты — это злодеи, которые сговорились с рыжими извести брюннский народ. Верят, что надо непременно завоевать Шпландию и Фратрию — тогда на черствый кусок хлеба можно будет намазать ложку маргарина. Верят, что они особый народ и эта «особость» заключается в праве грабить и убивать! Ох, Кирпичников... Иногда, глядя на все это, я начинаю разубверяться в грядущей победе мирового коммунизма!

— А вот это ты брось! — Краслен взял Шлосс за плечи, повернул к себе, взглянул ей в глаза. — Не допускай таких мыслей, слышишь, не допускай! Мировая революция уже близко! Новая война уже развязана, нужда масс вот-вот станет выше обычного! Низы только делают вид, что хотят, верхам только кажется, что они могут! Ну?

— Надеюсь...

— И потом, ты же помнишь, что говорила Марженка? Она предсказывала победу коммунизма несколько раз за день!

— Хотела бы я быть такой же молодой, сильной и оптимистичной, как ты, товарищ Кирпичников! Но я так устала, так устала от этой жизни... Сначала потеряла всех родных, потом работу, теперь еще и жилье. Вы уедете в Шармантию, потом еще куда-то, потом домой, в Красностранию. А мне куда деваться — ума не приложу. Как ты думаешь, Кирпичников, сколько мне лет? Сорок пять? Пятьдесят?

— Ну, думаю, сорока пяти тебе еще нет...

— Мне тридцать четыре года! Тридцать четыре года, а выгляжу как старуха! Империалистическая гидра выпила из меня все соки!

— Да нет же, все в порядке! Ты выглядишь вполне на свой возраст! — поспешил опровергнуть Краслен. — Ну... разве что... может, чуть-чуть постарше!

— Брось, ты сам сказал, что «нет еще сорока пяти»! Значит, думал, будто мне сорок три или сорок четыре! Жить осталось не так много, а изменить что-то было невозможно с самого начала! Я появилась на свет только для того, чтобы гнуть спину, голодать, бегать от полицейских...

— Но ты выглядишь вполне привлекательно!

— Не надо меня утешать. Впрочем, давай оставим этот разговор. Жаловаться на жизнь — не самое мое любимое занятие...

— Но ты правда выглядишь привлекательно! Хочешь продемонстрирую, как ты меня привлекаешь? Вот прямо сейчас! Все равно никто не видит, да и делать ночью нечего...

— Какой ты шутник, товарищ Кирпичников! — ответила, засмеявшись, Гертруда.

Но Краслен не врал и не шутил. Изможденная пролетарка, плоть от плоти рабочего класса, воплощенная сознательность, живой символ эксплуатации человека человеком, слилась вдруг для него с идеалом женщины — решительной, активной, знающей свои права и многое познавшей. С таким идеалом, о котором рассказывали в школе, писали в красностранских газетах, говорили на лекциях, читали стихи в родном цеху. Олицетворением героической революционерки Р. Л., замученной буржуями за правду, показалась вдруг Краслену фрау Шлосс. Той самой Р. Л., чей портрет он в тринадцать лет выдернул из журнала и хранил под подушкой, чтобы доставать лишь для сладких минут мечтательного уединения. С тех пор как соседи по ячейке с позором обнаружили бумажную «невесту» и порвали ее (разумеется, не из политических соображений, а только ввиду своей детской жестокости), Кирпичников смирился с тем, что никогда не будет обладать Р. Л. Теперь он неожиданно увидел ее перед собой — такую идейную, такую героическую, такую угнетенную капитализмом. От новой встречи с юношеским чувством все пришло в движение...

...И потом, у него так давно не было женщины! Ну, в смысле, хорошей женщины.

Красивой. Умной. Идеологически близкой. Короче, Кунигунда не в счет.

Кирпичников решил не ходить вокруг да около, а взять быка за рога.

— Слушай, — сказал он. — Вы же тут читали доклад персека женотдела центрокома Рабинтерна? Ну, тот, со Всемирного съезда советов и профсоюзов?

— Это когда еще правый уклон разоблачили? — уточнила Гертруда. — А футуристы обосновали необходимость подвижной, солнцулавливающей архитектуры?

Краслен в очередной раз восхитился политической подкованностью своей подруги по укрытию и еще острее ощутил необходимость в единении.

— Да, — ответил он. — В тот самый раз. Ты, конечно же, помнишь, что это был доклад, доказывающий очевидность и естественность полового сношения между мужчиной и женщиной. Делегаты устроили оратору аплодисменты, переходящие в овации, а потом приняли резолюцию об осуждении буржуазной стыдливости.

— Ну... в общем-то... помню... конечно... — ответила фрау.

— Короче, я думаю, что, если два представителя рабочего класса решат сейчас совершить сексуальный акт, руководствуясь своей свободной волей, человеческой природой и резолюцией съезда советов, в этом не будет ничего плохого, — разъяснил Краслен свою позицию.

Фрау Шлосс вся как-то съежилась.

— ...Я даже думаю, что это будет хорошо! — добавил он дополнительный аргумент и, сочтя агитацию успешно завершившейся, прилег на полу.

— Ты что это, серьезно? — удивилась Гертруда.

— «В частной жизни пролетарий открыт и серьезен. Игра с чужими чувствами, пустое, бессмысленное кокетство, нелепые ужимки, каковыми увлекали некогда скучающие барыньки распущенных царских офицеров, — все это чуждо, не близко и не нужно рабочему классу», — бодро процитировал Кирпичников четырнадцатый том собрания сочинений Первого вождя. — Это из статьи для «Новой жизни».

— Помню, — ответила женщина. — Мы разбирали эту статью на подпольном заседании ячейки год назад. Кажется, она называлась «Насильно мил не будешь»... Ой, нет, та была про агитацию масс оппортунистами-соглашателями. А про частную жизнь — это «Знают бабу и не для пирогов». Эта мысль потом развитие получила... Где же, где же... «Мягко стелят, да жестко спать»? Или «Бабьему хвосту нет посту»?.. Никак не вспомню. Очень люблю перечитывать сочинения вашего Вождя!

— Так что мы решили насчет сношения? — мягко спросил Кирпичников, приобнимая товарища.

— Боюсь, что не стоит... Мы еще так мало знакомы. И потом, произведя половой акт во время комендантского часа ввиду отсутствия возможности заняться чем-либо другим, мы, таким образом, осуществим желание фашистов. А это уже оппортунизм!

— Какой еще оппортунизм?! Принципиальную роль играют классовые мотивы наших действий, а не случайное совпадение с бредовыми планами какого-то там Шпицрутена! Сношение будет результатом свободного проявления природы трудящихся, а не слепого обывательского подчинения фашистским планам по разведению брюннов!

— Но если беременность все же наступит?! Это будет прямым исполнением фашистских планов, пособничеством режиму! К тому же появление ребенка помешает моей общественной работе. А если он унаследует от тебя не свойственные брюнской расе черты, это рассекретит меня как члена подпольной партии!

— И все же в условиях господствующей буржуазной морали и закрепощенности женщины наше сношение будет ярким примером отрицания фашистской диктатуры! — продолжал упираться Кирпичников.

— Да?! Какое же влияние на массы будет иметь этот пример, если его никто не увидит?! — взвилась фрау. — По-моему, то, что ты предлагаешь, это не отрицание диктатуры, а просто-напросто очковитительство, размагниченность и самоуспокоенность!

— «Самоуспокоенность»! — буркнул Краслен. А потом добавил по-краснострянски: —

Черт с тобой, не очень-то и надо! Видали и покрасивше! Тоже мне, выискалась недотрога!

Он повернулся к Гертруде спиной, полежал минут пять, потом встал, вышел в соседнюю комнату, самоуспокоился там, вернулся обратно, лег и больше не разговаривал.

Фрау Шлосс тоже молчала. Она только тяжело вздохнула, когда на улице слышалось шуршание колес, дзинькнул велосипедный звонок, а прямо вслед за ним последовала автоматная очередь.

В следующий полдень в скверике у фонтана собрались пятеро: Заборский, Вальд, Юбер, Краслен и фрау Шлосс. Бржеских дожидались лишний час — безрезультатно. К началу второго Гертруда заплакала:

— Бедная девочка... Боюсь, мы никогда больше ее не увидим! Мы стоим здесь, а она, должно быть, уже в газовой камере!.. Малышка, она и жизни-то не узнала!..

— Мы оживили ее. И снова почти сразу потеряли, — констатировал Заборский.

— Будем надеяться на чудо, — сказал Юбер.

Чуда не произошло. Коммунисты подыскивали преследуемым новое жилье, два следующих дня прошли без приключений, а на третий брюннские фальшивые паспорта и билеты до шармантийского города Берр-сюр-Ривьер были у беглецов на руках. Бржеские к этому времени так и не появились. Увы! Подпольщикам было не в новинку хоронить своих товарищей.

26

Садясь в суперсовременный обтекаемый авиапоезд на винтовой тяге «Бергельмир», гордость брюннской инженерной мысли с круглыми окошечками, Краслен еще не чувствовал себя свободным. Даже изменившийся пейзаж за окном и пограничная проверка не дали ему ощущения того, что фашистская страна наконец осталась за спиной. Лишь ступив из блистающего чистотой брюннского вагона на заваленный окурками шармантийский перрон, Кирпичников понял: вот оно! Он наконец в безопасности!

На вокзале царили бардак, шум и атмосфера счастливого наплевательства. Дамы в шляпках бегали в поисках носильщиков, машинисты играли в карты с проводниками, нищие почивали на скамейках, воришки в открытую следили за чужими карманами, полицейские в высоких кепи спокойно курили, ни на кого не обращая внимания. Главные вокзальные часы отставали на десять минут, все поезда — как минимум на пятнадцать. Под двумя указателями «Выход», предлагающими идти в противоположные стороны, стоял человек с пачкой газет, громко призывавший окружающих вступить в праворадикальную консервативно-социалистическую партию. От такого проявления гласности Кирпичников невольно заулыбался. После Брюнеции тут задышалось намного свободнее.

Встретила путешественников сестра Юбера мадам Вивьен — упитанная, неторопливая и недалекая дама лет пятидесяти, одетая по моде времен прошлой войны. Юбер предупредил, что родственники не знают о его коммунистических взглядах. По словам шармантийца, они не то чтобы сильно осуждали эти взгляды и не то чтобы особенно понимали, в чем таковые состоят, но могли насторожиться и совершить какие-нибудь вредные поступки. Выходцами из какой страны и приверженцами какой идеологии представить товарищей, Юбер собирался решить по приезде: смотря по тому, кто окажется к тому времени у власти. Пока коммунисты ехали в Шармантию, кабинет Валади-Дюамеля получил от парламента вотум недоверия, а в кресло премьера уселся некто Шарлье, известный противоречивыми симпатиями: он вроде бы сочувствовал фашистам, но не вполне, поддерживал капитализм, но не до конца, пекся о народе, но не часто. Ввиду такого обстоятельства Юбер решил сообщить родне всю правду о своих товарищах, не открывая лишь цели их путешествия, необычайной ценности груза, заключенного в маленьких пробирках, и предназначения этого сокровища.

Впрочем, предосторожности были излишними. Мадам Вивьен не без труда запомнила

имена визитеров, приняла заверения в том, что проживание в ее доме будет оплачено, и совершенно перестала интересоваться Вальдом, Заборским и Кирпичниковым. За ужином (пустая похлебка с мокрым хлебом и расплавленным вонючим сыром, вареный эндивий и кофе без сахара) начались бесконечные разговоры о детстве, родне, общих знакомых, знакомых общих знакомых и прочих «интересных» вещах, от которых гости чувствовали себя просто «в центре внимания». Заборский откровенно заскучал: ему было тем более невесело, что он не знал шармантийского языка. Краслен украдкой разглядывал юную племянницу Юбера, сидевшую за столом вместе со всеми. Вальд где-то раздобыл газету, в которую, разложив ее на коленях, дабы не выглядеть невежливым, поглядывал время от времени.

— Глянь-ка! — шепнул он тихонько Краслену. — Гласскугеля сняли!

— Надо думать, — ответил Кирпичников.

Из статьи следовало, что организатор похищения ученых (хотя таковым его, разумеется, не называли!) снят со всех постов, арестован и, очевидно, на днях будет препровожден в концлагерь.

— Если учесть, что газета трехдневной давности, он, видимо, уже там. Получил, наконец, по заслугам, — довольно констатировал Гюнтер. — Кажется, мы здорово разозлили Шпицрутена своим побегом!

Беседой неожиданно заинтересовалась мадам Вивьен.

— Что? Вы говорите об этом Гласскугеле? — спросила она. — Говорят, его сняли за дело! Сговорился с какими-то социалистами!

— Не знал, что ты так уж сильно против социалистов, — заметил Юбер.

— Как-то раз социалисты были у нас у власти! Кажется, даже целую неделю. Ничего примечательного мы от них не дождались! Так что Шпицрутен все сделал правильно. Молодец, красавец-мужчина, да и форма у его солдат весьма элегантная! Впрочем, мне нет дела до этой политики: на своем веку я пережила двести тридцать четыре правительства и ни одно из них ничего не изменило!

— А мне Шпицрутен раньше совсем не нравился, — разоткровенничалась юная Жакетта. — Его раньше в газетах без ретуши рисовали, а теперь он стал выглядеть намного симпатичнее!

— И в кинохрониках с началом войны его стали чаще показывать! — поддержала мамаша. — Брюнеция неплохая страна, дядюшка Жано как-то привез оттуда фарфоровый сервиз...

— А Сандрина уже расколотила больше чем половину его! — продолжила дочка.

— Помнишь Сандрину, Жильбер?..

Разговор вернулся в прежнюю колею.

После ужина гостям разрешили принять душ, попросив, по возможности, не лить слишком много воды. Всех четверых устроили в мансарде с косым потолком, о который с непривычки все то и дело стукались головой. В планах на завтра стояло наведение связей с местной коммунистической ячейкой и решение вопроса о том, как удобнее и дешевле переправиться в Ангелику.

Трое ученых захрапели, едва добравшись до кроватей, а Краслену почему-то не спалось: наверное, кофе выпил слишком много. Он устал ворочаться, встал, присел на подоконник и, глядя за окно, принялся обдумывать события последних недель. Впервые после короткого путешествия на дирижабле он чувствовал себя в покое и безопасности. Вспомнил про фрау Шлосс — как-то она сейчас? Потом Кунигунду. Странно, он-то думал, что совсем к ней не привязан. Потом Джессику. Все-таки Джессика заслоняла всех остальных. Скоро Краслен с ней увидится... А если нет? Если у нее уже кто-то другой? Впрочем, и сам он хорош — даже жениться за это время умудрился! Изменил Джессике. А Бензина? Что будет, когда он вернется в Краснострию? Ох, Бензина, Бензина... А Жакетта между тем тоже симпатичная девушка!

Проснулся Кирпичников от стука в стекло: особа из дома напротив, отделенного улицей, по которой мог спокойно пройти лишь один человек, да и то не слишком толстый, завидела новосела через окно, раскрыла свои ставни, дотянулась до соседних и теперь настойчиво выражала желание познакомиться. Недовольный тем, что его разбудили, Краслен задернул шторы. Впрочем, сразу вслед за этим он подумал, что поступил невежливо, но на попятную решил не идти. Противоречивые эмоции окончательно согнали с красностранца сон.

Никого из товарищей в комнате уже не было. Хозяйские часы показывали пол-одиннадцатого. Быстро одевшись и раздумывая о том, были ли ученые снова похищены или предали идею коммунизма и просто сбежали, Краслен вышел из комнаты и спустился вниз. Ни трупов, ни пугающей тишины, ни следов борьбы он не обнаружил. Жакетта сидела на кухне и раскрашивала деревянный паровозик.

— Твои друзья сказали, ты всю ночь не спал, и решили не будить тебя, — объявила она, не дожидаясь вопроса. — Они ушли и в случае чего просили передать извинения... Что хочешь на завтрак? Есть хлеб и вода.

— Надолго они?

— Я не знаю, должно быть, до вечера.

До вечера! Кажется, первый раз в жизни Кирпичникову было нечем заняться. Пока он раздумывал, стоит ли завтракать хлебом и что делать дальше, в окно кухни постучали. За стеклом была та же дамочка, которая только что приставала к Краслену на втором этаже. То, что он принял за назойливость, для Жакетты, похоже, было обычным поведением: бросив работу, она распахнула окно и высунулась в него чуть ли не наполовину.

— Мадам Дюканж! Как ваш сыночек? Все еще поносит? А у нас, видите, гости: дядюшка Жильбер приехал со своими друзьями! Да-да, молодой только этот! Что-что? Из какой-то далекой страны, я забыла название! Что? Не женат ли? Не знаю! Послушай, а ты не женат?

— Не женат.

— Не женат! Что? Как звать? Не запомнила! Как-то, мадам, не по-нашенски! Лучше скажите: а что говорят о Пьеретте и Пьере?

«Удивительно, — подумал Краслен, глядя на торчащую из окна попу, ненадежно прикрытую ситцевым платком, и две свисающие черные косы. — Такая недалекая, несознательная девушка — а сколько очарования в этой ее глупости! Удивительно: никакой классовой позиции, зато такая приятность!»

— Ну, до завтра, нас не забывайте! — крикнула в окно Жакетта.

— Может, прогуляемся вместе сегодня? — спросил пролетарий, как только она обернулась.

Через час Краслен уже любовался не только белыми домиками с полосатыми ставнями, разношерстными трубами и ползучим плющом, но и нарядом своей спутницы: яркое, нарядное клетчатое платье с пелериной, украшенная цветами широкополая шляпка, идеально ровные стрелки на шелковых чулочках, туфельки на платформе. О том, что он уже давно заблудился в кривых узких улицах, вымощенных неровным камнем и ведущих то вверх, то под горку, Кирпичников молчал, полностью доверившись Жакетте. Та поминутно встречала знакомых, оборачивалась на чьи-то голоса, выкрикивала приветствия под окнами, останавливалась поговорить то с торговцем мидиями, то с подметальщиком улиц. Краслен использовал эти остановки, чтобы как следует разглядеть кованые балкончики; завитки на фонарных столбах; вываленных прямо на мостовой морских гадов; проституток, раскланивающихся с проходившей мимо религиозной процессией; вывески «Ресторан» или «Кафе» на каждом доме; уличных мимов и акробатов; двадцать сортов пирожков, выставленных в витрине украшенной изразцами булочной; прислоненные там и сям велосипеды; мотоциклы с влюбленными парами; расклейщика фашистской агитации; углубившегося в философский трактат нищего. Этих, последних, на улице было немало: одни рылись в мусорных бачках, другие на скамейках принимали солнечные ванны, третьи

не спеша беседовали о смысле жизни. От англиканских шармантские нищие отличались тем, что выглядели не выброшенными из жизни неудачниками, а всем довольными приверженцами своего, особого образа жизни. Агитаторов тоже встречалось немало: на одной стороне улицы паренек в мешковатых штанах, рубашке с коротким рукавом и сбитой набок фуражке призывал за анархистов; на другой — девчонка в длинном платье и платке требовала вернуть трон «Его Величеству Божию милостью королю Людовику XXV». Краслен с удивлением видел, что полиции и властям, похоже, нет никакого дела до этих «подстрекателей». Еще страннее было то, что внимания на пропагандистов не обращали и прохожие. Шармантцам нравилось делать вид, что классовой борьбы не существует, и она, словно не выдержав пренебрежения, действительно куда-то подевалась из их страны.

— Зайдем в кафе? — предложила между тем Жакетта, остановившись возле вывески «У Луизон», под которой, прямо на тротуаре, красовалось несколько мешающих прохожим столиков.

— Ну... — смутился Краслен, — я, конечно, не против. Только у вас же тут, кажется, принято, чтобы кавалер платил за даму? Если честно, я не привык к такому. Это как-то унижает женщину, по-моему... Да и денег у меня нет.

— Не привык?! — Жакетта рассмеялась. — Откуда ж ты такой приехал? Я забыла.

— Из С. С. С. М.

— Ах да! — От названия страны девушке почему-то стало еще смешнее. — И что, там кавалеры считают неприличным платить за дам в ресторане?

— Там нет ресторанов. Вся еда бесплатна. И кавалеров с дамами тоже нет — все товарищи.

— Все товарищи! Хи-хи! Слушай, а... хи, не могу, как смешно!.. А где это такая страна?

— Что за вопросы? Ты что, глобуса ни разу не видела? — обиделся Кирпичников.

— Глобус есть только в школе, — легко ответила Жакетта. — А я в школе не училась. Помогала маме делать паровозики, чтобы прокормиться, какая уж тут учеба! Ладно, думаю, что к тетушке Луизон все-таки стоит заглянуть.

В кафе было двое посетителей: потертый старикан, ничего не заказавший и сидевший задом к столику, да собака, что-то искавшая на полу. На новых гостей заведения она отреагировала быстрее, чем тетушка Луизон: подбежала к Краслену и начала его обнюхивать.

— ...А она что? — спросила хозяйка за стойкой.

— Послала к чертям, — отвечал старикан.

— Ну, а ты что?

— Добрый день, мадам Луиза! — прервала Жакетта их беседу. — Можно нам две чашки баваруаза? В долг?

— В долг? Что-то негодящего парня ты себе выбрала, девочка. Или он работает на фабрике Денуартера, где уже три месяца не выплачивают зарплаты? Тогда все понятно.

— А нам можно в долг? — спросил один из возникших в дверях бледных, тощих молодых людей в беретах.

— Разумеется, нет! Сколько можно повторять?! Погляди-ка на них, Гийом: опять заявились, бездельники!

— Мы не бездельники. Мы занимаемся творчеством. Обещаем, мадам: как только...

— Вон отсюда! Мне не нужны ваши обещания и ваши чертовы картины! Они даже на растопку печи не годятся! Я не кормлю нищих и не занимаюсь благотворительностью!

Печальные художники ушли.

— Так, ну, а ты что? — продолжила Луиза беседу со стариком.

— Я сказал ей все, что думаю.

— Про Поля?

— И про Поля.

— А она что?..

Краслен и Жакетта устроились за дальним столиком: он был самым чистым и единственным таким, все стулья возле которого были из одного набора. «Кавалер» разместился на одном, «дама» — на другом, на третий же без промедления запрыгнула скачущая собака. Поставив передние лапы на скатерть, она радостно оглядела новых знакомых, несколько раз громко гавкнула и вывалила язык.

— ...Она ответила, что я старый дурень и ни на что не гожусь. Подумайте, какая!.. Не бойтесь, господа, Галета не кусается!

— Ну, чего расселись? Забирайте свой баваруаз, не тащить же мне его через весь зал, если вы даже не платите вовремя!.. Так, ну, а ты что?

— А я что? Уже и не помню...

Забрав напитки в почти не битых чашках и вежливо разъяснив собаке необязательность ее присутствия за столом, Краслен тихо произнес:

— Послушай, у вас что, так и принято: обсуждать незнакомых людей, комментировать, кто с кем пришел, лезть со всякими интимными вопросами? Вот мы в Краснострании все делаем сообща, да и имущество почти все у нас коллективное, а все-таки ведем себя скромнее!

— Но всем же интересно, кто со мной! Что тут такого?

— Впервые вижу целую страну людей, которым есть дело до всякой ерунды, но наплевать на то, что делается в мире!

— А что делается в мире? — спросила Жакетта.

— Много чего! — авторитетно ответил Кирпичников. — Рабочий класс жмет капиталистов, буржуазия загнивает, человек человеком эксплуатируется, фашизм когти показывает, война бушует!

— Но она же бушует в этой... как там... в общем, далеко. Шпицрутен хочет цивилизовать дикие народы, привыкшие грабить и убивать, так мне объяснил дворник с нашей улицы. По-моему, это даже хорошо. Во всяком случае, на торговлю игрушечными паровозиками точно не повлияет.

— Но Жакетта! Ты даже не понимаешь, что такое фашизм! Ты представить не можешь, что такое концлагеря, устроенные Шпицрутенем, сколько невинных людей гибнет там ежедневно!

— Слушай, не будь таким нудным, Краслен, да?

— Да.

— Пока ты самый скучный из парней, с кем я гуляла!

— Но...

— Поговорили пять минут о войне — и достаточно. Сколько можно об одном и том же? Скажи-ка лучше, ты танцуешь? Вальс? Жаву? А может, танго? Сегодня в восемь танцы в «Ля Генгет». Послушаешь, как Паскаль играет на аккордеоне, — и сразу забудешь о своей скучной политике.

— Но Жакетта!

— Там уже фонарики развесили! Весь город соберется!

— Я, конечно же, не против потанцевать...

— Правильно, парень, сходи развекись! — вклинилась в разговор хозяйка заведения. — И брось эту политику! Она еще никого до добра не доводила!.. Так, приятель, а ты кто такой? Что-то я тебя здесь раньше не видела!

Одноногий субъект в старой, времен Империалистической войны, военной форме доковылял до середины зала и поднял левую, свободную от костыля руку, в которой виднелась пачка каких-то бумажек.

— Попрошу минутку внимания, братья-шармантийцы! — объявил он. — Предлагаю вам ознакомиться с бюллетенем Народной партии! Зачем мы отстояли свою Родину в прошедшей войне, зачем глотали иприт, оставляли на полях свои руки и ноги?! Для того ли, чтобы инородцы, эмигранты и коммунисты пользовались благами нашей родины! Шармантийцы, ведь вы шармантийцы! Вспомните о национальной гордости!

— Да это же фашистский агитатор! — прошептал Кирпичников.

— Еще один крикун, — вздохнула девушка. — Мой братец любит таких слушать. Надо будет познакомить тебя с моим братцем. Вы найдете общий язык.

— У меня нет ничего общего с фашистами!!!

— Но ты же говорил, что за какую-то партию? Ах, впрочем, не пудри мне мозги всеми этими их названиями! Достаточно второго братца: как только он приходит, так сразу начинает изводить всех разговорами о футбольных командах!

— Жакетта, при чем тут футбол?!

— Боже мой, сразу видно, что ты не шармантеец! Тебе так не хватает легкости!

— ...Шармантеец должны править миром! — сказал одноногий.

— Верно, верно! Дело говоришь, приятель! — подал голос старикан.

Собака радостно завертелась вокруг фашиста и лизнула ему ладонь.

После «завтрака» отправились в кино. Стоя перед афишей, Жакетта спросила, что показывают: оказывается, она даже читать не умела. Ближайший сеанс обещал музыкальную комедию «Птенчик из Клиши, или Красавица под зонтиком» — на него и взяли билеты.

В зал Жакетта и Кирпичников вошли почти первыми: кроме них, там был единственный мосье, храпевший под одной из скамеек последнего ряда.

— Да это же Арно с Торговой улицы! — с готовностью прокомментировала девушка. — Ну, брат отца второй снохи мадам Луизы! У него сына в прошлом году в шахте завалило, а дочка в заведении работает. Ну, в заведении, понимаешь?

Вскоре зал стал наполняться зрителями: в основном молодежью, рабочей, мелкобуржуазной и деклассированной. Явились и девицы из названного Жакеттой «заведения»: безвкусно накрашенные и дурно одетые, они прошествовали цепочкой со своей «мамашей» во главе и заняли места в одном из первых рядов.

— Эй, девчонки, гостей принимаете? — крикнули сзади.

— Приходите завтра, мальчики, мы нынче выходные, в профсоюзе состоим! — гордо ответила мадам, не обращая внимания на насмешки.

— Сегодня вместо них — Зизи Мартен! — сдохнул белокурый парнишка в соломенной шляпе.

— Что?! — С места вкочила девушка в грязном свитере и с густо подведенными глазами в стиле «вамп». — Да как ты смеешь оскорблять меня, червяк?! Признайся всем, что я тебя бросила! Я пошла с Шарло, а не с тобой, вот ты и злишься! Посмотрите-ка на него, каков выискался!

— На себя погляди! — отозвалась с другого конца зала пышная особа средних лет. — Уж молчала бы, шалава! Про твои прогулки все наслышаны!

— Язык попридержи! — разозлилась Зизи Мартен. — Я, в отличие от некоторых, не строю шашни со свекром!

— Потому что у тебя его никогда не было и не будет! — ответила, не моргнув глазом, оппонентка. Из-за пианино вскочил тапер.

— Это правда?! — истошно заорал он, обращаясь к пышной особе. — Это правда, Софи?! Правда то, что я только что услышал?!

— Что за шум? Раскричались... Поспать не дадут... Сволочи! Негодяи! Чтобы вам всем провалиться! — зарычал из-под скамейки Арно.

— Прошу внимания! — объявил появившийся перед экраном человек с пачкой листовок. — Минуточку внимания, товарищи! Все вы, наверное, знаете о жестокой захватнической войне, развязанной фашистским диктатором Шпицрутеном против молодых республик Шпландии и Фратрии! Всем вам известно о братоубийственной бойне в Котвасице! Все вы слышали о бесстыдной аннексии вячеславских земель! Шармантеецкое правительство трусливо потворствует распускающей свои щупальцы фашистской гидре! Кто может остановить грабежи и убийства? Кто может защитить мир от надвигающейся катастрофы? Кто должен схватить за руку зарвавшегося брюннского шакала? Есть такая партия, товарищи! Вступайте в...

— Пошел вон! — вскричал Арно, высунувшись из-под лавки.

— Пошел вон!!! — хором заорали зрители. — Кому ты нужен со своей чертовой болтовней?!

— Дай хоть здесь отдохнуть! — заворчали «девочки» из «заведения».

— Убирайся с глаз долой, безбожник! — взвизгнула какая-то старушонка.

Тапер и еще один тип, выбежавший из подсобки, схватили пропагандиста, пытавшегося раскидать свои листовки, и выволокли из зала.

Наконец погас свет. Жакетта нежно прижалась к Красленову плечу. Кинопроектор застрекотал, на экране появились белые закорючки...

— А я не буду играть! — раздался в темноте голос тапера. — Я отказываюсь играть до тех пор, пока Софи мне все не объяснит!

Белые закорючки исчезли, кинопроектор замолк, снова включился свет. Зал засвистел, завозмущался.

— Играй уже, дома разберешься! — кричали зрители.

— Играй, собака, иначе я тебе шею сверну! — заплетающимся языком проговорил обитатель Торговой улицы и грохнулся обратно под лавку.

— Я верна тебе, пупсик! — вскричала Софи. — Клянусь Богом!

Вышел хозяин кинотеатра и начал ругаться с тапером. Зизи Мартен продолжила перепалку с бывшим поклонником в канотье. Те, кто не болел ни за него, ни за нее, принялись задирать девиц из «заведения».

«Кажется, совершить революцию в этой стране будет труднее, чем где бы то ни было, — удрученно подумал Кирпичников. — Шармантский обыватель — главное препятствие на пути построения коммунизма. Так, пожалуй, и назову свою статью об этом. „Красные зори“, наверное, напечатают».

Наконец тапер с Софи пошли решать свои проблемы, хозяин театра более-менее успокоился, свет снова погас и пустили кинохронику.

Сначала, естественно, шли новости первостепенной важности: замужество какой-то киноактрисы, хождение акробата по канату, натянутому между небоскребами, слон в зоопарке, игра в теннис на крыльях аэроплана... Затем долго демонстрировали нового премьера и его рукопожатия с каждым членом кабинета. Мельком показали бастующих горняков и почтальонов. Наконец дошла очередь и до событий в мире. Кадры бегущих солдат на фоне вздымающихся столбов пыли и летящих во все стороны шматков земли вперемешку с осколками сопровождалась текстом о том, что «в Шпландии и Фратрии продолжается вооруженный конфликт». Вслед за этим появилась довольная, откормленная и здорово отретушированная физиономия брюннского канцлера. Несмотря на щегольской черный фрак и розу в петлице, вид у него был, как обычно, слегка придурковатый, вернее сказать, безумный: лихорадочно блестящие глаза, налипшая на лоб редкая челка, измятый, словно его жевали, галстук. «Премьер-министр Брюнеции демонстрирует способности к предвидению», — последовал текст на экране.

«Что-о-о???» — изумился про себя Кирпичников.

«Вся страна в восторге от того, как господин Шпицрутен верно предсказал динамику курсов акций и развитие событий в Маняне. Его считают настоящим пророком!»

«То ли я рехнулся, то ли он», — подумал пролетарий. Не успел он сообразить, кто же все-таки лишился разума, как хроника сообщила еще более сногшибательное известие: Гласскугель освобожден и снова приближен к Шпицрутену. На черно-белых кадрах канцлер обнимал наряженного в парадный мундир с аксельбантами похитителя ученых и позировал фотоаппаратам.

— В мире творится что-то странное! — шепнул Краслен задремавшей Жакетте. — Что-то очень подозрительное! Мне это не нравится!

— Мяу! — ответила девушка. — Мур-мур-мур!

Свет включился снова. Перед залом опять появился директор кинотеатра. Лицо у него было испуганное.

— Ну что, где тапер-то? — спросили из зала.
— Друзья... Шармантйцы... — промямлил директор. — Сограждане! Фильма не будет.

— Как «фильма не будет»?! — вскричала толпа.
— Я только что узнал... — продолжил директор, запинаясь, — час назад... брюннские войска перешли границу Шармантии... Птивиль и Экс-о-Нор стерты с лица земли...

В зале повисла мертвая тишина.

— Война началась, господа! — завершил речь киношник.

— К оружию, граждане!!! — возопил, встав во весь рост, Арно с Торговой улицы.

— Отечество в опасности!!! — вскинули кулачки проститутки.

— Все на защиту Шармантии!

— Проклятые агрессоры!

— Они не пройдут!

— Грудью встанем!

— Сомкнем ряды, комбатанты!

— Польем свои поля фашистской кровью!

— За свободу!

— За Республику!

— Гнусные Шпицрутеновы банды! — закричала, вскочив с места, Жакетта. — Убирайтесь восвояси и передайте своему господину, что мы будем стоять насмерть и разлюбим свою Родину, только повинуясь силе штыков!!!

Ее патриотический экспромт (или не вполне экспромт?) покрыли аплодисменты. Из подсобки выбежал тапер, плюхнулся за инструмент и с ходу заиграл бравурный марш. Несостоявшиеся зрители, не сговариваясь, встали с мест и затянули патриотическую песню.

— Неслыханно, неслыханно! — повторяла запыхавшаяся Жакетта пять минут спустя, когда они вместе с Красленом, не обращая внимания на проливной дождь, бежали домой. — Почему не пел? Слов не знал?! Боже мой, какой ты дремучий! И как тебе не стыдно быть столь равнодушным к тому, что творится в мире?!

Кирпичников молча удивлялся ее прыти, старался не отставать и смотрел, как по ножкам, обутым в неуклюжие платформы из дешевой пробки, стекают остатки коричневой краски, имитирующей чулки, и тихонько бегут разноцветные струйки воды с линяющего на глазах платья. Когда от Жакеттиной шляпки, оказавшейся сделанной из картона, отвалился сперва декоративный цветок, а затем и вся правая половина, он промолчал. Мысли были заняты войной и новостями о Шпицрутене.

Ученые были уже дома и ждали Краслена. Мадам Вивьен носилась взад-вперед, в спешке укладывая чемоданы и проклиная Шпицрутена, которого она, по ее собственным словам, «ненавидела с самого рождения» и «всегда подозревала в гнусной подлости».

— Сестра сказала, что в телеге ее старшего сына найдется место для ближайших родственников, но не для вас, друзья, — шепотом поделился Юбер. — Думаю, мы не вправе ее осуждать. Я сказал, что уступаю свое место ее пожиткам и отправляюсь с вами.

— А куда? — спросил Кирпичников.

— Как и все, подальше от границы.

— Бежать? Но разве не обязаны мы как представители передового класса и передовой идеологии остаться здесь и вступить в борьбу со шпицрутенскими полчищами?.. — спросил Краслен, воспитанный на историях о партизанах.

— Не глупи, товарищ! Нам не до геройства! — оборвал его Заборский. — Главное — доставить оживин нашему Вождю. Черт знает, что эти буржуи учудят теперь с его телом! Как бы фашистские бомбардировщики не добрались до фабрики Памперса раньше нас с вами!

— Фашистские бомбардировщики? Ангелика что, тоже вступила в войну?

— Час назад, если верить радиосводкам, — ответил Юбер. — Похоже, Шпицрутен

сильнее, чем мы думаем. Ну, или он конченный безумец, если решился в один день объявить войну двум крупнейшим державам.

— Знаете, сейчас в кинотеатре, когда хронику показывали... — вспомнил вдруг Кирпичников.

— Не время для рассказов! — оборвал его Юбер. — Наше преимущество перед остальными жителями города в том, что у нас нет вещей. Стало быть, мы можем отправиться в путь раньше других и, возможно, даже успеем сесть на какой-нибудь поезд! Так что, не теряя ни секунды, — на вокзал!

Отстающие часы на вокзале — символ вчерашней беспечности — сегодня уже стояли. Никуда не делись противоречащие друг другу указатели. А вот стал ли перрон чище или грязнее по сравнению с прошлым разом, сказать Краслен не взялся бы: под ногами тысяч человек, стремившихся уехать, пола видно не было. Кричащее, стонущее, бранящееся и плачущее на разные голоса море нельзя было обойти, пересечь или заставить расступиться. Коммунисты лишь старались не упустить друг друга из виду да по возможности держаться за руки, чтобы не потеряться среди людей, тюков, узлов и чемоданов. Волны народа тащили Кирпичникова то назад, к выходу с вокзала, то вперед, к осаждаемым поездам. Куда те шли — никто не спрашивал. Билеты, кажется, больше не были в ходу: шармантйцы расталкивали проводников, собирались по десятку в одно купе, набивались в тамбур, висели на подножках, залезали в локомотив и требовали машиниста ехать как можно быстрее и как можно дальше. На путях стояли какие-то допотопные паровозы с угольными топками: то ли их приказало задействовать позаботившееся об эвакуации правительство, то ли заставили вывести на рельсы сами беженцы. Из репродуктора что-то постоянно говорили, пожалуй, даже выкрикивали: может, предлагали сохранять спокойствие, а может, объявляли пути следования поездов — разобрать было невозможно.

Краслену, Юберу и Вальду удалось взобраться на крышу последнего вагона одного из паровозов. Пожилого Заборского втащить с собой никак не получалось. Видя страдания ученого, люди на задней открытой площадке потеснились и пустили его к себе. Запыхавшийся, красный Заборский плакал от радости и обещал своим спасителям всеобщее счастье сразу после войны и помощь при любых болезнях — если только они смогут найти его в Краснострании.

— Ну вот, — сказал Юбер, как только поезд тронулся, — кажется, одной проблемой стало меньше.

— А другой — больше, — добавил Вальд. — Есть какие-нибудь соображения по поводу того, как выбраться из этой страны без денег и документов? Или хотя бы что делать там, куда мы приедем? Да и куда мы приедем-то, собственно?

— Если я не ослышался, поезд направляется в Ля Корн. Честно сказать, я ни разу там не был. Не знаю, есть ли там коммунистическая ячейка... Я чувствую себя виноватым в том, что предложил вам ехать через Шармантию.

— Вы ни в чем не виноваты, товарищ Юбер! — поспешил ответить брюнн. — В той ситуации этот выход был единственным! Никто же не знал, что Шпицрутен вздумает объявить войну вашей Родине... То есть все, конечно, к этому и шло, но чтобы так быстро, чтобы одновременно с Ангеликой!..

Шармантиец, освоивший за время пребывания в Краснострании местную фразеологию, подтвердил:

— Да уж, что творится у Шпицрутена в голове — одному Труду известно!

— Мне, кажется, тоже, — вдруг вставил Краслен.

Ученые озадаченно уставились на него. Кирпичников пересказал увиденное в кинохронике.

— Я пришел к выводу, что объяснение всему этому может быть только одно: Бржеские живы и перешли на сторону диктатуры. Были схвачены и сдали оживин, чтобы спастись. Рассказали о его свойствах. Очевидно, предсказания, которые Шпицрутен приписывает себе,

в действительности сделаны Марженкой. Обладание оживином сделало канцлера очень самоуверенным... Хотя у него всего лишь одна пробирка...

— Но, судя по тому, что Гласкугель возвращен и его ведомство восстановлено, он планирует скоро увеличить его количество! — с досадой завершил Вальд. — Черт бы его побрал!!!

— Как вы думаете, сколько времени понадобится брюннским ученым, чтобы выявить состав оживина и наладить его производство? — спросил Кирпичников.

— Зависит от самих ученых, оборудования, денег, что им выделят... Хотя, боюсь, тут Шпицрутен экономить не будет, — сказал Вальд.

— В любом случае не меньше нескольких дней, — добавил Юбер. — Возможно, неделю. Плюс-минус. С массовым производством сложнее, тут у нас с коллегами нет опыта...

— Дьявол, оживин все равно у фашистов! — Вальд сплюнул. — Даже десять, даже пять порций нашего препарата обеспечат им психологический перевес в войне! Или мы прямо сейчас поворачиваем назад, едем в Брюнецию и пытаемся отобрать свою пробирку... или надо, чтобы в ближайшее время случилось нечто, в корне меняющее расстановку политических сил.

— Воскрешение Вождя?

— Если только завод с его телом еще не разбомблен.

— Угу...

Коммунисты удрученно замолчали.

Поезд монотонно постукивал, удаляясь от линии фронта. На крыше причитали, грызли сухари, пытались успокоить младенцев, в десятый раз обсуждали, надолго ли война. Справа бежали прилизанные белые избушки, средневековые церкви, идеально подстриженные садики, вишни и кипарисы, неестественно гладкие луга, кокетливые шармантские облака, завитые, словно перманентом... Слева ползли набитые скарбом телеги, велосипедисты с тюками и рюкзаками, тачки с чемоданами, коробками и маленькими детьми, толкаемые мужчинами и женщинами; наконец, просто нагруженные пешеходы. Поезд обгонял беженцев одного за другим, и Кирпичников ждал, когда же все они наконец останутся позади, но людская река не кончалась и не кончалась. Военные грузовики, движущиеся навстречу самозвакуантам, без конца создавали заторы. Народ громко жаловался, кричал, завистливо смотрел на пассажиров паровоза и с опаской вглядывался в небо. Краслен тоже туда посмотрел. Пока было чисто. Закатное солнце обещало сидячую ночевку на вагонной крыше, но по сравнению с фашистской армией это было сущими пустяками.

— Сколько нам еще ехать? — спросил Краслен.

— Часов шесть, — отвечал шармантеец. — В Ля Корне будем перед рассветом. Может, там выйдет немного поспать на вокзале...

— Боюсь, у всего поезда планы точно такие же, так что найти свободное место будет проблематично, — сказал Вальд.

— Не будьте столь пессимистичным! — Кирпичникову хотелось поднять настроение товарищей. — У нас есть шанс получить бесценный опыт сна на качающейся крыше поезда! Во многих кинофильмах герои бегали и стреляли на таких крышах, но вот спать — это совершенно ново и оригинально! Только представьте, какое впечатление произведет рассказ об этой ночевке на наших внуков! Кроме того, по сравнению с теми, кто висит между вагонами и на дверях, мы невероятные везунчики, едем сидя! Лишь бы ночью не было дождя...

— Или чего похуже, — сказал Вальд. — Например...

Слова брюнна потонули в грохоте идущего навстречу состава с шармантскими солдатами. От пронесшейся мимо сотни одинаковых окошечек с одинаковыми головами в одинаковых пилотках зарябило в глазах. Над поездом проплыла уже знакомая Краслену местная патриотическая песня.

— Задайте им жару, ребята!!! — крикнула с крыши какая-то женщина.

— Так точно, мадам!!! — проорали солдаты.

Поезда расстались, вдохновленные друг другом. Шармантские ребята еще не догадывались, что едут воевать с бессмертными солдатами.

Следующий эшелон с призывниками Краслен увидел, когда через час после отправки поезд остановился на какой-то мелкой станции. Солнце уже окончательно зашло, освещения, дабы не тратить энергию и не быть заметными с воздуха, не включали. Лишь полная луна позволяла разобрать стоящий на путях состав с военными, поезд с беженцами из Берр-сюр-Ривьер, на который коммунисты не успели, еще какие-то вагоны и суетящихся служащих железной дороги, не способных справиться с неразберихой. Свежий воздух пах морем. На фоне всеобщего страха и замешательства эта приятная мелочь казалась печальной и неуместной.

— Что, портовый городок? — спросил Краслен.

— Похоже на то, — ответил шармант. — Думаю, это Сен-Рок. Хотя точно никто нам не скажет. Сейчас не до нас. Пойдемте-ка разомнемся.

— От поезда не отстанем? — забеспокоился Вальд.

— Еще неизвестно, когда его отправят! Предыдущий до сих пор тут, так что не исключено, что мы простоим здесь не один час, а может быть, и всю ночь. Пропускаем солдат и военные грузы.

Большинство эвакуантов, особенно те, кому нашлось место внутри вагонов, не спешили покидать состав: опасались, как бы их места не заняли. Краслен, по природе своей не склонный к беспокойству и чересчур обдуманным поступкам, первым соскочил с нагретой людьми крыши. Юбер и Вальд последовали сразу за ним: у первого затекли ноги, второму хотелось по нужде. Заборский, увидев, что его товарищи спускаются, побоялся остаться в одиночестве, взял с соседей по площадке обещание не занимать его места и присоединился к спутникам.

Разговор не клеился. На ум Краслену шли одни вопросы, но и без слов было ясно, что ответов на них ученые не знают. Что делать дальше? Близко ли фашистские войска? Как выжить? Как добраться до Ангелики? Удастся ли воскресить Вождя, прежде чем Шпицрутен сможет синтезировать оживин? Хотелось забыться, отвлечься, не думать ни о чем, но новые вопросы лезли и лезли в голову. Как скоро отправится поезд? Что сейчас с Жакеттой, в безопасности ли она? Смогли ли уехать мадам Луиза, бедные художники, обманутый тапер, девочки из «заведения»? Цел ли Берр, не разбомблен ли еще кинотеатр, как себя чувствуют кованые балкончики и фонари с завитками? И что это за грохот вдалеке — разрывы снарядов или просто гроза, пока еще просто гроза?.. Можно было бы спросить у ученых, они старше, они видели Империалистическую, но Кирпичников боялся. На фоне пения ночных птиц и романтического стрекотания насекомых разрывы звучали особенно устрашающе.

Коммунисты пару раз прошлись по платформе. Свободных лавок не было, присели прямо на бетон.

— Неплохо бы перекусить! — заметил Яков Яковлевич.

— Да уж, не помешало бы, да нечем, — отозвался Юбер.

Вдалеке еще раз бухнуло. Все сделали вид, что не заметили, а Краслен в очередной раз сказал себе: «Это гроза. Это, несомненно, гроза».

— В то время как вы бежали из города сломя голову и радовались отсутствию багажа, я кое о чем позаботился, — сказал, хитро прищурившись, Заборский.

Из глубоких карманов плаща он извлек кусок хлеба — небольшой, грамм на триста — и два вилка эндивия.

— На кухне было еще рагу, — прокомментировал ученый. — Но его не унесешь. Ухватил, что сумел.

— А может, побережем еду? — предложил Юбер. — Теперь неизвестно, когда случится добыть еще чего-нибудь.

— Лучше сейчас, — мрачно отозвался Гюнтер Вальд. — В случае чего убегать лучше с пустыми карманами и полными желудками.

Насчет «полных желудков» он, конечно, преувеличил: трапеза оказалась более чем скудной, особенно для четверых. Но приятной она, несомненно, была. Краслен так увлекся сырым эндивием, что поначалу не заметил ни гудения над головой, ни испуганных возгласов окружающих. Только крик Юбера «Самолеты!!!» заставил пролетария забыть о еде и посмотреть на небо — туда, куда уже были направлены взгляды всей вокзальной толпы.

С мрачным гудением над головами прошла первая девятка летающих лодок... затем вторая... Аппараты развернулись, сделали круг над станцией. Судя по выражениям лиц, большинство присутствующих видели подобные машины впервые.

— Это наши? Наши, да? — с надеждой просил кто-то. — Шармантские самолеты пришли защитить нас?

Опознавательных знаков, если они и имелись, в темноте было не разглядеть.

— Наши, наши! — поддержала испуганная толпа.

— Это не наши! — мрачно объявил Юбер. — На вооружении Шармантии нет таких машин. Это брюннские самолеты.

— Но они же не будут бомбить? — загудели со всех сторон.

— Это разведчики, просто разведчики!

— Да нет же, это наши самолеты!

— Все в порядке!..

Краслен и ученые обеспокоенно переглянулись.

— Надо уходить. Пока не поздно, — сказал Вальд.

— А может быть?.. — Краслен никогда в жизни не видел настоящих бомбардировщиков, и в нем заговорило детское любопытство, смешанное с детской же бесшабашностью.

— Никаких «может»!!! — Заборский схватил Кирпичникова за руку и потащил куда-то сквозь толпу.

«Разведчики, разведчики... Грузовые... Они же не будут нас бомбить... Брюнны — цивилизованные люди», — шелестели вокруг.

— Убирайтесь, дураки!!! — кричал Юбер. — Бегите, пока жи...

Продолжение его фразы потонуло в свисте первой бомбы.

— А-а-а-а-а!!! — завопила толпа.

— Падай! — выкрикнул Заборский.

Краслен нырнул в какой-то овраг, но до конца долететь не успел. Грохот за спиной оглушил, земля ожила, горячая волна подбросила вверх, стукнула о край оврага, с размаху кинула на дно и засыпала бетонной крошкой.

Сразу за первым взрывом послышался второй, потом третий, четвертый, пятый... В промежутках между ними уши раздирали вопли тех, кто остался на платформе, — казалось, еще немного, и крики умирающих заглушат грохот бомб. Дышать становилось все труднее. Подталкиваемый кем-то из ученых, Краслен с трудом встал на ноги, полез наверх, был сброшен обратно очередным взрывом, снова полез, выбрался из оврага и побежал (а может, пополз? пополз? он не помнил) дальше, дальше от вокзала, повинаясь животному страху и крикам товарищей...

В лесу под Сен-Роком было сыро и мрачно. Ноги путались в высокой траве и кустарниках. Почти нулевая видимость заставляла держаться за руки.

Краслен предлагал вернуться в город и попросить пристанища у местных, Заборский то и дело порывался вернуться обратно на станцию — помочь раненым и по возможности оживить кого-нибудь. «Оживили уже на свою голову! — бурчал Гюнтер. — Да и не думаете же вы, что после такой бомбардировки хоть один труп остался в целости?!» Юбер не уставал твердить, что чем дальше от города, тем безопаснее. Учитывая взрывы, все еще слышавшиеся за спиной, спорить с ним никто не брался.

— Надо уйти подальше от линии фронта, — повторял шармантонец. — Уйти подальше, а там видно будет! Ночевать тут все равно нигде, так что не будем терять времени! Может, к

утру выйдем к какому-нибудь поселку...

Мысль о «каком-нибудь поселке» была призвана подбодрить коммунистов, но ни на чем не основывалась. Ни карты, ни компаса, ни опыта пребывания в окрестностях предполагаемого Сен-Рока у путешественников не было. Звездное небо могло подсказать лишь самое общее направление.

— Вот не взял я спичек-то! А вы и не подумали! — проворчал себе под нос Заборский, отвлекшись наконец от мыслей о пострадавших.

— Костры — это опасно, — сказал Вальд. — Засекут фашисты с самолета — тогда мало не покажется.

«Костер! — подумал про себя Кирпичников. — Фашисты фашистами, а погреться сейчас очень не помешало бы! Хотя... Ой, а что это?»

Забавно — стоило Краслену подумать о костре, как вдалеке, к востоку, за деревьями, замаячил огонек. Остатки горящего самолета? Новое природное явление? Поселок? Или просто галлюцинация от усталости? Кирпичников пригляделся. Пять секунд, семь, десять... Огонек не исчезал. Знать, не мерещится.

— Краслен, не отставайте, потеряетесь! — сказал Юбер.

— А гляньте-ка направо! Не огонь ли?

— Так и есть, огонь! — обрадовался Заборский. — Стало быть, люди!

— М-да... — Вальд тоже пригляделся. — Может, и люди, да только какие? В наше время иной человек хуже зверя...

Несмотря на то что брюннский товарищ был, как всегда, полон мрачных опасений, коммунисты решили двигаться на восток.

— Фашистов на этой земле еще нет, — рассудил шармантеец. — Должно быть, свои. Видимо, еще одни пассажиры разбомбленного поезда...

— ...Более предусмотрительные, чем некоторые, а потому взявшие с собой спички! — не преминул добавить Яков Яковлевич.

Чем дальше товарищи шли на восток, тем явственнее они ощущали запах моря. Вскоре до пролетарских ушей донесся и шелест волн. Спустя еще несколько минут коммунисты вышли из леса. Берег был холмистым и поросшим кустарником — вскоре выяснилось, что — к счастью для путешественников. Не спеша открывать свое присутствие и поглядев из укрытия на костер, — теперь было ясно, что это именно костер, — товарищи увидели возле огня человеческую фигуру, а вслед за тем — и фашистскую летную форму на ней. Рядом, на отмели, чернела грузная туша бомбардировщика.

— Что он здесь делает? — шепотом спросил Кирпичников.

— Шпион! — предположил Заборский. — И наверняка вооруженный! Предлагаю убраться подобра-поздорову, пока он нас тут всех не порешил.

— Глупости! — Вальд пригляделся. — Судя по форме, это рядовой пилот самолета-амфибии. Наверняка один из тех, кто бомбил станцию в Сен-Роке. Остаться здесь одному ему нет никакого резона, так что, скорее всего, парня подбили зенитчики и посадка на воду была вынужденной, аварийной. Думаю, сейчас он сам не знает, что делать дальше, надеется на скорый подход своих и боится нас больше, чем мы его.

— Да на кой он нам сдался! — отозвался Яков Яковлевич. — Разве что позаимствовать огоньку...

— И что-нибудь покушать, — завершил Краслен.

— Не скажите! — Вальд довольно ухмыльнулся. — Плавучий самолет был бы нам сейчас очень полезен! К тому же я, кажется, знаю эту модель. И умею управлять ею... Значит, сколько километров до Ангелики отсюда?..

...Через несколько минут рядовой Имперской авиации Вольф Хазэ увидел странного незнакомца, появившегося из-за пригорка. Первым делом он выхватил пистолет: очевидно, что у диких шармантийцев на уме не могло быть ничего доброго. Каково же было удивление рядового, когда незнакомец совсем по-родному вскинул руку и выкрикнул: «Слава Шпицрутену!» Рядовой ответил как положено и с удивлением узнал, что перед ним стоит

соотечественник, заброшенный во вражеский стан с целью способствовать победе Империи изнутри. И гладкая брюннская речь, и расово чистая внешность располагали к себе, но оставляли сомнения. Предъявленный паспорт гражданина Брюнеции мог, по мнению Хазэ, быть поддельным. Лишь когда новый знакомый без запинки процитировал клятву юных шпицрутенцев, рассказал, в какой булочной Пуллена лучшие плюшки и назвал имена самых популярных брюннских радиоведущих, Вольф поверил и обрадовался: он спасен! Спаситель предложил оставить все и не медля двигаться за ним. Вольф свернул за холм, углубился в кустарник и сам не понял, как вдруг оказался сбит с ног, поколочен, лишен пистолета и связан подтяжками.

— Ай да мы! — сказал Заборский.

— Кто бы мог подумать, что изготовленные брюннскими коммунистами паспорта еще пригодятся! — довольно добавил Кирпичников.

Обезвредив фашиста, товарищи поспешили к бомбардировщику. Судя по его состоянию, у шармантийцев была-таки действующая ПВО (хотя на судьбе сен-рокского вокзала это и не отразилось). Внутри самолета обнаружили два окровавленных тела — штурмана и радиста. В первом случае, очевидно, поработала пуля из зенитного пулемета, во втором — осколочный снаряд, разорвавшийся, видимо, позади самолета, оставивший в корпусе массу дыр и повредивший еще и двигатель: у того оказался перебит бензопровод.

— Если они захватили с собой запасную трубку, то можете считать его уже починенным! — уверенно заявил Вальд, имея в виду бензопровод.

Трубка, к счастью, была. Топлива тоже оставалось предостаточно. Кроме того, на борту обнаружился небольшой, но оказавшийся весьма кстати запас еды: банка мясных консервов и две пачки галет. Их, как и содержимое фляжки Вольфа Хазэ, решили пока приберечь. Потом вытащили из самолета мертвецов, дыры в корпусе забились кусками дерева, вычерпали воду. Незадолго до рассвета летающая лодка была, по выражению Заборского, «почти как новая». Только тут выяснилось, что тяга управления рулем высоты порвана и не подлежит восстановлению в полевых условиях, стало быть, летать аппарат более не способен.

— Выходит, у нас нет самолета, — сказал Вальд. — Зато есть лодка, и притом с авиационным мотором!

Вдалеке, за лесом, опять что-то загрохотало, напоминая о необходимости спешить. Не теряя времени, товарищи забрались в лодку.

— Давайте-ка выбросим в море брюннские паспорта, — предложил шармантиец. — Больше они нам точно не помогут, а вот навредить могут запросто.

Все с ним согласилось. Четыре подделки полетели за борт.

— Подождите! — вспомнил Гюнтер. — А где пистолет того парня?

Ему подали оружие. Брюнн выбрался из лодки, ушел в заросли, где все еще валялся связанный фашист, и выстрелил два раза. Затем вернулся, ни говоря ни слова, забрался на борт и завел мотор.

27

Следующие две недели оказались однообразно тяжелыми. Топлива в лодке оказалось хоть и много, но все же недостаточно, чтобы дотянуть до берега Ангелики. Пришлось грести — чем придется. Путешествие растянулось на два дня — не самые приятные два дня в жизни Краслена, если учесть мизерный запас еды и постоянную опасность подвергнуться атаке ангеликанских патрулей. Впрочем, с последним пунктом коммунистам повезло: войска буржуазной страны их то ли проворонили, занятые более важными делами, то ли не приняли всерьез.

На берег коммунисты выползли обессиленными, голодными, с трудом верящими в то, что плавание закончилось. Попытались поймать рыбу — не смогли. Пришлось ограничиться парой лягушек, зажаренных на костре (спички нашлись на борту бомбардировщика), какой-то травой, выглядевшей более-менее съедобно, и ягодами. Дальше надо было выяснить свое

местоположение и найти людей. Только к вечеру первого дня Краслен и ученые вышли к какому-то городишке. Добрые люди дали им поесть, пустили на ночлег и рассказали, что до Манитауна около тысячи километров. Учитывая отсутствие денег, а также то, что с поездками из-за войны была полная неразбериха и почти все они были изъяты государством для армейских нужд, добраться туда путешественникам светило лишь пешком.

Через три дня ходьбы все четверо обзавелись кровавыми мозолями и зверски устали. Надежда на водителей грузовиков и частных автомашин испарилась: те подозревали фашистского лазутчика почти в каждом незнакомце и подвозить наотрез отказывались. Вальд простудился из-за вынужденной ночевки на голой земле, Заборский подвернул ногу. Пришлось сделать длительный перерыв в путешествии: к счастью для коммунистов, они как раз проходили мимо фермы, владелец которой согласился дать путникам кров и пищу в обмен на помощь по хозяйству.

Следующие несколько дней Краслену пришлось косить траву, пасти коров, убираться в стойле и не переставая думать о преимуществах родных сельхозкоммун. В голове строчка за строчкой уже складывалась будущая статья в «Красную правду»: она должна была называться «Кулацкое хозяйство за границей, или Как живут англиканские батраки». Задумал Краслен написать в газету и еще об одной вещи: несмотря на повсеместную (в рамках С. С. С. М., разумеется) известность того факта, что никакие крестьяне, кроме красностранных, не имеют доступа к радио и не могут наслаждаться этим расширяющим границы мира новаторским изобретением, приемник у фермера все-таки был. «В редакцию нашей газеты попал вредитель, распространяющий дезинформацию, — понял Кирпичников, как только увидел в доме волшебную говорящую тарелку. — Скорей бы вернуться домой и разоблачить его!»

Хозяйская жена без конца слушала по радио мессы: стоило закончиться трансляция из церкви одного города, как начиналась трансляция из другого. Опиум выключался только тогда, когда из школы возвращались шестеро фермерских деток: они отгоняли мать от приемника и до глубокой ночи слушали фокстротики и болтовню о киноактерах. Лишь изредка главе семьи удавалось захватить власть над окном в большой мир и поймать сводку с фронта — в эти минуты к нему присоединялись и постояльцы. Новости о войне были неутешительны.

На десятый день войны фашисты вошли в столицу Шармантии. Шарлье бежал из страны вместе с кабинетом, родней, коллекцией антиквариата и годовым бюджетом. Новый премьер Рабурден, ветхий, выживший из ума старикашка, принес Шпицрутену присягу на манер феодальной.

За неделю до того выкинули белый флаг Шплянция и Фратрия. Канцлер объявил об их присоединении к «Империи»: лучшие земли планировалось раздать брюннским солдатам (не сейчас, конечно, а после завоевания всего мира), на тех же, что похуже, заложили несколько десятков молодежных, спортивных, оздоровительных, поэтических, художественных, трудовых, исправительных, селективных, репродуктивных, евгенических и «ликвидационных» лагерей.

Частью Брюнеции формально стала и Котица: Васицу Шпицрутен учтиво подарил царю Збажды. Впрочем, на взаимной резне котичей и васичей это никак не отразилось: наплевав на государственную власть, они руководствовались теперь лишь своими племенными традициями. Экономической выгоды ни Збажда, ни Брюнеция тоже не получили: немногочисленные заводы и фабрики бывшей Котвасицы, уцелевшие среди ежедневных взрывов и перестрелок, стояли пустыми — все трудоспособное население либо смылось за границу (а в безопасности теперь себя чувствовать можно было разве что в С. С. С. М.), либо ушло в леса, где добросовестно истребляло бывших братьев или было истребляемо само.

Разделавшись с основными противниками, Шпицрутен за пару дней смахнул с политической карты несколько карликовых государств — таких незначительных, что в названиях их путались даже дикторы англиканского радио. Впрочем, без них брюннское господство, очевидно, было бы неполным и несовершенным, как обед без сладкого.

Реакционное княжество на крайнем севере и отсталый каганат на крайнем юге присоединились к Збажде, объявив себя профашистскими. Марионеточное правительство, руководившее огрызком Вячеславии, не стало тянуть время и объявило о вхождении в состав Брюннской империи. Предводитель эскеридских реакционеров, ожидавший со дня на день полного разгрома республиканцев, слал брюннскому канцлеру дружеские приветы. Теперь под знаменами Шпицрутена были объединены, кажется, все мракобесы планеты.

Руководы Краснострании, как и ожидалось, выразили яростный протест против агрессии Брюнеции. Освободительные войны шпьяндского, фратрийского, шармантийского, англиканского и других народов были признаны справедливыми. Впрочем, помогать им и ввязываться в войну рабочее государство не спешило: таково было решение народа. Хотя футуристическая фракция Совета художников и рвалась в бой, жажда войны ради войны, но супрематисты, абстракционисты и конструктивисты высказались против. Пролетариям ни к чему было участвовать в драке буржуев с буржуями.

Что до Ангелики, то ситуация становилась день ото дня все более неприятной. Пока бои шли лишь на море и дредноуты «Свобода» и «Демократия» не затонули, о войне, кроме мобилизации флотских, давали знать лишь назойливая патриотическая болтовня по радио (из эфира неожиданно исчезли комплименты в адрес Шпицрутена — равно как и рассказы о страшных и свирепых красностранцах) да введение карточной системы. Приютивший коммунистов фермер довольно потирал руки, предвкушая повышение цен на хлеб. Однако прошло несколько дней, и ему стало не до смеха: призыв сделался поголовным, в армию забрали племянника, а затем еще одного. Начались бомбежки городов. До той части острова, где находились Краслен с товарищами, вражеские самолеты пока что не долетали — лишь это обстоятельство, да еще обособленная жизнь на натуральном хозяйстве позволяли думать, будто бы война где-то далеко или вовсе не существует...

...Через неделю после прибытия, когда Заборский поправился, фермер неожиданно заявил, что количество совершенных им по отношению к путникам благодеяний обязывает их остаться еще на неделю и поработать — теперь уже как следует, от зари до зари. В случае самовольного ухода хозяин обещал заявить в полицию: в условиях военного времени она вряд ли стала бы церемониться. Пришлось остаться. Помимо скромной еды и ночлега, коммунисты смогли выговорить себе скромное денежное вознаграждение за работу — на пропитание в предстоящей дороге. «Думаю, теперь неделя-другая уже не имеют значения, — грустно сказал Яков Яковлевич. — Мы в любом случае опоздали. Если Бржеский действительно сдал оживин, то фашисты, я уверен, уже готовы его синтезировать».

Еще неделя ушла на дальнейший пеший путь до Манитауна. Навстречу коммунистам двигались беженцы, стремившиеся оказаться как можно дальше от столицы. А вот попутчиков не было. В ту же сторону шли разве что грузовики с солдатами и боеприпасами. С каждым днем ощущение паники становилось все острее, чужие взгляды — подозрительнее, воздушные тревоги — чаще, полицейские досмотры — тщательнее.

В итоге в Манитаун компания прибыла без малого через месяц после отплытия.

28

Манитаун стал пыльным. Очень пыльным. Пылью было покрыто все: тротуары, скамейки, рекламные вывески, покореженные взрывами фонарные столбы; провисшие или рваные, валяющиеся на земле телеграфные провода; остовы сгоревших авто и трамваев; фрагменты метромостов, некогда перекинутых между небоскребами, а теперь лежащих на мостовой. Большой плакат, на котором была нарисована белая девушка, целующая в щечку довольного негра в военной форме, тоже был пыльным. Подпись под рисунком называла черных англиканцев «братьями» и звала их поскорее записаться в армию. Крепился плакат на фасаде многоквартирного дома. Кроме фасада, от этого дома ничего уже не осталось.

— Мой Труд, мой Труд!.. — ошарашенно бормотал Краслен.

Он не узнавал города, где был всего каких-то пару месяцев назад. Окна хвастливых

небоскребов, не так давно остекленные и блестящие чистотой («Жив ли еще тот мойщик?»), зияли черными дырами, кое-где «расширенные» с помощью бомб. Бумажные кресты на тех немногочисленных стеклах, что были еще целыми, навевали мрачные кладбищенские ассоциации. Частым зрелищем были дома без фасадов, без крыш, дома, от которых осталась половина или четверть. Призрачные, нелепые, покрытые выбоинами от осколков и проплешинами в штукатурке, останки манитаунских строений — таких модных, современных, прогрессивных! — напоминали развалины древнего городища, откопанного археологами. Краслену казалось, что он попал в будущее, на тысячу лет вперед, и смотрит на остатки старинной англиканской цивилизации. В сегодняшний день возвращал серьезный голос из репродуктора: «Господа, будьте бдительны! Будьте бдительны, господа! В городе могут быть фашистские шпионы! Наша задача — вывести их на чистую воду! Отстоим столицу нашей Родины! Мы Ангелика, мы победим!.. А сейчас танго „Мой пупсик“ в исполнении несравненной Бетти Квакс!»

Над развалинами заиграло танго. Грязные ребята-беспризорники, сидевшие на куче железобетонных обломков, закачались в такт музыке. «Ах мой пупсик, ах мой сладкий пупсик! — затянула очередь у колонки. — Напиши мне хоть строчку, хоть строчку! О мой пупсик! Ты разрываешь мне сердце!». «О пупсик, пупсик... — запела противным голосом женщина в клетчатом платье, поднимая с земли два ведра воды литров по пятнадцать каждое. — Ты разрываешь мне сердце, о-ла-ла!»

«Эй, Дженни, тут мясо дают! Двести грамм в одни руки!» — выкрикнул кто-то за углом. Очередь побросала ведра и бросилась к магазину. Чумазные дети с бессмысленными глазами медленно сползли с кучи мусора и побрели вслед за остальными, не переставая раскачиваться.

«А теперь новости с биржи!» — объявили по репродуктору.

...Война, как хирург, вскрыла тело Манитауна, обнажив все больное, настоящее — от неистребимой жажды наживы до лицемерной заботы о гражданах, от хрупкости «монументальных» построек до содержимого нищих комнатух в ополовиненных зданиях.

Последние часы перед предполагаемой встречей с Джессикой и Джорданом Кирпичников от нетерпения весь извелся и извел своих спутников рассказами о самых-замечательных-неграх-на-свете. Добравшись до Манитауна, первым делом он потащил ученых не к фабрике Памперса, а в трущобы чернокожих.

— Сейчас вы с ними познакомитесь! Они вам понравятся, обязательно! Отдохнем, перекусим, узнаем новости, встретимся с местной ячейкой, а там и решим, как быть дальше! Теперь дела пойдут! Джордан и Джессика знают, что к чему! Сейчас вы с ними познакомитесь! Они вам понравятся! Обязательно!

На месте бидонвиля коммунисты обнаружили ровный слой мусора. Джордана здесь не было. Не было никого и ничего, даже кустов и деревьев. Дом, когда-то приютивший Краслена, как будто истолкли в ступе вместе с мебелью, забором, мусорными баками, растениями... и жителями?

— Пойдемте отсюда, — сказал Юбер растерянному Кирпичникову. — Чего вы еще ждали? Полгорода в руинах.

— Чьи дома будут разбомблены в первую очередь? Уж конечно, не богачей! — пробурчал Вальд. — Таковы законы этого проклятого мира...

— Да нет же, они живы, они живы! — закричал Краслен, как будто кто-то утверждал, что негры умерли. — Джессика вообще тут почти не появляется! Скорее всего она дома у своих господ! Идемте, тут не очень далеко, я покажу!

— Беда с вами, влюбленными! — Заборский улыбнулся.

Кирпичников не слушал. Он уже почти бежал той дорогой, которой пару месяцев назад провожал возлюбленную негритянку. Выбрался из бывших трущоб, миновал вокзал с пробитой крышей, обогнул сгоревшую церковь, прошел мимо публичного дома (из заклеенных окон выглядывали отошавшие девицы с мешками под глазами), пересек площадь

со щербатым памятником коню, на котором до войны сидела статуя какого-то полководца... Ученые поспевали за ним, как могли. Когда до заветного дома оставалось ходу каких-то пятнадцать минут, Кирпичников услышал сирену.

«Тревога! Тревога! — произнес равнодушный голос из репродуктора. — Просьба всем спуститься в убежища! Повторяю...»

Проходивший мимо трамвай остановился, из него высыпал народ. Очередь к керосиновой лавке разразилась громкой бранью и исчезла. Из-за угла вышла издерганная женщина, сопровождающая два десятка ребятишек, построенных парами и пронзительно кричащих. Солидная пара с чемоданами торопливо вышла из подъезда. Все они направлялись в одну сторону. Коммунисты, не имея времени на раздумья, побежали следом за остальными.

Люди шли к метро. Быстро, деловито, без паники спустились в подземку. Краслен с учеными последовали общему примеру. Вскоре они оказались на забитой народом платформе.

Ангеликанцы сидели на чемоданах, на сумках, на одеялах, на голом бетоне. Многие лежали, завернувшись в спальные мешки, и не возражали, если через них кто-нибудь перешагивал. Одни играли в шашки, другие занимались чтением газет, третьи что-то писали, четвертые дремали, обняв друг друга. Какая-то женщина, собрав вокруг себя десяток ребятишек, объясняла им таблицу умножения. Детский плач звучал не прекращаясь: стоило успокоиться одному малышу, как тут же начинал кричать другой — остальные, как это водится у грудничков, сразу же выражали с ним солидарность. Несколько подростков с радиоприемниками пытались найти нужную частоту, но из-под земли ловилось плохо. Только за одним занятием никто из постояльцев метрополитена не был замечен: за едой. Потреблять пищу на людях еще не было опасно, но уже сделалось неприлично.

Коммунистам места на платформе не нашлось, и они спустились на пути. Опасаться было нечего: поезда по обесточенным рельсам не ходили.

Черные и белые сидели вперемешку: похоже, что в условиях войны ангеликанцам стало не до расовых предрассудков. Рядом с Красленом оказалась толстая негритянка с тремя маленькими детьми. Вскоре после того как наверху раздались первые взрывы, он решил завести разговор:

— А что, леди, не знаете, давно ли разбомбили восточный негритянский район? — спросил Кирпичников. — Нынче был там и нашел одни развалины!

— Что за странный вопрос? Вы, должно быть, не здешний?

— Сегодня пришел.

— Я и вижу! — ответила женщина. — Восточные трущобы разнесли в первый же день войны! А теперь уютят с каждым налетом. Там, должно быть, ничего крупнее песчинки уже не осталось!

— Но зачем? — спросил Краслен.

— Не «зачем», а «почему», мистер! Зенитчики простреливают все пространство над городом, и многие брүнны, боясь летать далеко, сбрасывают бомбы на нищие пригороды. Они ведь как раз прилетают с востока, эти фашисты! А наше правительство и радо! Ему наплевать, где будут жить чернокожие, главное, чтобы особняки белых господ остались в сохранности! Я вам так скажу, мистер: нас принесли в жертву! Специально! И без нашего согласия!

— Но разве с началом войны сегрегацию не отменили? Кажется, теперь, когда у ангеликанцев есть общий враг, им должно быть не до предрассудков?

— Ну и наивный же вы, мистер! — ответила негритянка. — Ну да, наши господа убрали таблички «Чернокожим вход воспрещен» или «Скамейка только для белых»... Но разве не понятно, что это всего лишь средство пустить неграм пыль в глаза, навязать им интересы государства, завлечь в армию? Аристократы и денежные мешки по-прежнему ненавидят нас, мистер! В этой войне все против негров: одни убивают нас, а вторые подставляют под пули первых! Уж конечно, если б на востоке Манитауна жили не негры, а

банкиры и фабриканты, правительство бы придумало, как спрятать их от бомб! Но нет! Мы не белые господа, мы даже не тело главного коммуниста с бывшей фабрики мороженого, которое стерегут от фашистов днем и ночью!.. Мы...

— Стойте! Тело коммуниста?

— Ну да, мистер, тело главного коммуниста из С. С. С. М.

— Откуда вы слышали об этом?!

— О-о, мистер! — Негритянка засмеялась. — Сразу видно, вы — не местный! Про это тело знает весь город, хотя по радио про него и не говорят! Наша разведка выкрала его еще до войны. А теперь правительство ведет переговоры с красностраницами: просит военной помощи в обмен на этого мертвеца. Многие говорят, что тело коммуниста — наша единственная надежда! Если С. С. С. М. не согласится прислать нам хоть несколько самолетов, Ангелика погибла...

Кирпичников задумался. Наверху в очередной раз рвануло, женщины заохали, детишки заревели с новой силой.

— Помолимся Господу Богу нашему! — объявила одна из монахинь, сидевших в конце платформы, и «сестры» затянули религиозный гимн.

В пику им расположившийся на путях негр в клетчатой рубашке заиграл на банджо.

Бомбежка продолжалась три часа. Выбравшись наконец из убежища, Краслен почему-то почувствовал себя жутко уставшим, хотя ничем особенным не занимался — просто сидел и ждал. Солнце уже успело зайти, а пыль после налета поднялась такая, что не видно было и на метр. Кирпичников сделал шаг и тут же споткнулся о наполовину обгоревшего плюшевого медведя. Сделал другой — и вмазался в липкую лужу. Сделал третий — наткнулся на что-то большое и мягкое.

— Боже мой!!! — воскликнул невидимый Заборский, к которому от нервного потрясения вернулся давно забытый старорежимный лексикон. — Здесь повсюду убитые!!!

Стараясь не смотреть по сторонам, Краслен повел товарищей намеченной дорогой к дому, где служила Джессика. Уличное освещение, разумеется, не работало. Ориентироваться помогало только пламя, охватившее дома, пораженные зажигательными бомбами: таковые встречались почти на каждой улице. Вечерняя прохлада заставляла бездомных кучковаться возле пожарищ; кое-кто даже пытался готовить на этом огне обед. Тушить дома, похоже, было некому.

Через двадцать минут добрались до искомого здания. Особняк хозяев Джессики смотрелся непривычно. Даже странно. Огромный плакат «Защитим нашу капиталистическую родину!» закрывал чуть ли не половину дома. Окна первого этажа были заложены мешками с песком, второго — забиты фанерой. Об облупленности фасада и говорить-то не стоило: Краслен уже не обращал внимания на такие мелочи. Самым удивительным было то, что за закрытыми воротами кованой ограды возилось человек двадцать негров. Некоторые из них сидели возле костра, другие — таких было большинство — возились с огородными посадками, сменившими господские цветники. Лакейской формы ни на ком из новых постояльцев не было, да и выглядели они слишком грязными и слишком независимыми для слуг.

Кирпичников просунул голову сквозь решетку ограды.

— Эй, парни! — крикнул он по-свойски. — А где Джессика? Вы Джессику не видели? Ну, стройная такая, невысокая...

Негры у костра бросили на Краслена недовольные взгляды. Один из них приблизился.

— Кто ты такой и чего тебе здесь надо? — недружелюбно спросил он.

— Я ищу Джессику. Я ее друг. Она ждет меня. Джессика работала горничной в этом доме, но господа выехали отсюда, не правда ли?

— Выехали или нет — это не твоё дело! — ответил негр. — Здесь нет никакой Джессики и ты никому не нужен! Уматывай подобру-поздорову!

— Но я свой, парни! Не смотрите на то, что я белый! Ведь я же за вас, за народ!

— Конечно! — Собеседник ухмыльнулся. — Теперь белые все так говорят! Думаешь, дурачка встретил, да? Уматывай, говорю!

— Послушайте, мне нужна Джессика...

Негр покачал головой, вытащил из широкой штанины маузер и красноречиво продемонстрировал его Кирпичникову.

— Ладно. Я понял, — ответил Краслен.

Через минуту он удрученно рассказывал спутникам, стоящим поодаль:

— Не понимаю, чей теперь этот дом и что в нем происходит! В саду полно негров, и они то ли не хотят сказать мне, где Джессика, то ли действительно не знают ее! Не представляю, где искать дальше...

— Может, спросить в полиции? — предложил Юбер.

— Но я не знаю ее фамилии!

— Ну и ну! — Вальд покачал головой. — Вы говорите, что она ваша возлюбленная, а даже фамилии не знаете! Можете хотя бы описать ее?

— Чернокожая, маленькая, худенькая, с короткими волосами... — начал перечислять Кирпичников. — Много улыбается. Обычно ходит в канареечном платье, таком стареньком и протертом... Кажется, кроме него, у Джессики ничего и нет...

— Это вроде вон той? — неожиданно спросил Заборский, показав рукой на дорогу, где шла чернокожая в желтом.

— Джессика!!! — не веря своим глазам, заорал Краслен.

Несколько секунд спустя они уже обнимались.

— Ленни? Ленни... Откуда ты?.. Как ты?.. Я думала... Я не знала, что и думать! Ты ничего не...

— Я расскажу, расскажу, дорогая! Не представляешь, сколько всего со мной приключилось! Ты все еще живешь в этом доме?

— Да... То есть нет... С тех пор как ты пропал и началась война, так много изменилось! Кто твои друзья?

— Они коммунисты. А твои? Они сказали мне, что в доме нет никакой Джессики, и пригрозили оружием!

— Они тоже коммунисты. Это конспирация, не осуждай их, дорогой. Труд мой, как же я рада, что ты вернулся!

— Я и не знал, ждешь ли ты меня...

— О, Ленни... О... Ты еще спрашиваешь...

Увидев свою вернувшуюся соратницу и недвусмысленные объятия, негры открыли ворота. Джессика пригласила ученых войти и попросила товарищей налить им похлебки и определить место для ночлега. Краслена же повели в ту самую каморку, где прошло столько приятных минут...

— Ну, рассказывай! — сказала негритянка, когда оба разместились на кровати.

— Нет, ты первая!

Джессика стала рассказывать. О его местонахождении и миссии в Брюнеции она, естественно, не имела ни малейшего представления. После срыва покупки Краслена у гангстеров и разоблачения обмана (ведь негритянка буквально на ходу придумала байку о том, что Джонсон якобы приказал уступить пленника буржуям) был серьезный разговор с товарищами и угроза исключения из партии. С трудом Джессика убедила соратников, что Кирпичников — друг, а не враг рабочего класса. Поверили ей, кажется, не до конца, хотя от наказания избавили, учтя былые заслуги. Потом арестовали Джордана — всего через несколько дней после того, как он все-таки осмелился вступить в партию. Вскоре началась война. Бидонвиль разбомбили с первым же налетом, мать погибла под развалинами. Через пару дней хозяева особняка решили эвакуироваться, уволив предварительно всю прислугу. Джессика не была бы собой, если бы не сделала перед отъездом господ копию ключей для себя и не вернулась в дом самочинно, приведя с собой товарищей и однопартийцев.

— Для полиции у нас тут общежитие черно-белой дружбы, — пояснила негритянка. —

Ты ведь уже слышал про то, что ввиду нехватки солдат наше правительство спешно объявило сегрегацию незаконной! Ха-ха! В общем, мы тут делаем вид, что ведем патриотическую работу среди негров и даем кров погорельцам. Даже плакат, вон, повесили. На самом деле это штаб компартии. Ну да, и общежитие заодно. Если у вас с товарищами нет других, более интересных предложений, где ночевать, то милости просим... Кстати, ты так толком и не рассказал мне о них.

— Это ученые, Жеся! Может, это и покажется тебе невероятным, но они создали оживляющий препарат для Вождя!

Кирпичников кратко пересказал историю похищения и освобождения троицы.

— ...Так что теперь наша цель — как можно скорее получить доступ к телу Вождя и воскресить его. — завершил Краслен. — Кстати, ты в курсе, что про секрет фабрики Памперса знает теперь весь город?

— Естественно, в курсе! Это теперь и не фабрика. Памперс переметнулся на сторону Брюнеции и уехал. Здание его фабрики национализировали. Теперь это просто хранилище тела Вождя. Его берегут как зеницу ока! Несколько кругов оцепления по периметру, зениток — без числа, а сверху — гигантское зеленое полотнище, чтобы бомбардировщики думали, будто здесь парк, а не фабрика. Тело Вождя — это шанс получить подкрепление для нашего правительства.

— Да, его хотят обменять на военную технику.

— Технику и солдат. А с Ангелики — Вождь плюс освобождение из тюрем всех коммунистов, включая Джона Джонсона.

— Ты думаешь, они смогут договориться?

— Понятия не имею. В любом случае надо поставить красностранных руководителей известность о том, что сюда прибыли ученые и оживляющее средство. Завтра я познакомлю тебя с членами нашего ЦК. У них есть выход на комкрин. Думаю, проблемы это нам не составит.

— Завтра, — сказал Краслен и нежно улыбнулся.

— Да. Завтра! — ответила Джессика, принимая горизонтальное положение.

...Все-таки она не шла ни в какое сравнение с Кунигундой!

29

— А ведь это тот парень, что привез бомбу для Джонсона по указке предателя Буерова, не так ли, Джессика? Неужели ты думала, я его не узнаю? — Негр-рабочий в синих хлопковых штанах на подтяжках и клетчатой красно-синей рубашке скептически усмехнулся.

— Это он, товарищ Паттерсон! Он был на тех плакатах. Но сколько можно повторять: по ошибке, только по ошибке! Кирпичников — друг коммунистов, друг негров!

— И твой приятель, как я понимаю, — в том же скептическом тоне добавил член ЦК англиканской компартии.

— Какое отношение это имеет к делу?.. — Джессика немного смутилась. — Между прочим, Съезд профсоюзов Краснострании уже принял резолюцию о невозможности осуждения сексуально раскрепощенных пролетарок, и довольно давно... А Краслена обвинили незаслуженно! Если он и не был достаточно бдителен с Буеровым, если и поддался его предательским уговорам, то теперь вполне искупил свою вину! Он спас пролетарских ученых!

— Я не имею ничего против резолюции профсоюзов, дорогая товарищ, но боюсь, что это любовное увлечение совсем отбило у тебя классовое чутье... Тобой движут эмоции, Джессика. А какие доказательства есть у тебя и у Кирпичникова? Почему я должен верить, что он действительно был в Брюнеции, а эти люди — похищенные ученые?

— Пустите меня к телефонному аппарату! — выкрикнул по-краснострански стоявший поодаль Заборский. — Я позвоню уполномоченному по здравоохранению, позвоню самому Робеспьерову, он меня знает, он скажет вам, кто мы такие! Краслен, переведите!

Паттерсон бросил на ученого недовольный взгляд.

— Кирпичников, успокойте своих друзей! — сказал он. — И перестаньте стоять столбом, скажите хоть слово сами, пока я не арестовал вас!

Краслен выглядел кисло. Котелок у него практически не варил. Прошлой ночью они с Джессикой уснули в четвертом часу, а в половине пятого утра начался воздушный налет. Прикорнуть в убежище не удалось: младенцы орали, детишки постарше просили еды, несколько женщин оплакивали погибших. В шесть, когда тревога закончилась, оказалось, что опять не до сна: в двух шагах от бывшего господского особняка разбомбило больницу. Раненые кричали из-под завалов, и пройти мимо было невозможно. Четыре часа подряд негры, ученые и Краслен разбирали остатки здания, вытаскивая из-под бетонных обломков живых и умерших. Завтрака не было: хлеб в магазины почему-то до сих пор не завезли. В десять в штаб явился Паттерсон. Общение с ним происходило в бывшей хозяйской гостиной, где фамильные портреты в золотых рамах и вычурные обои контрастировали с гамаками из брезента, подвешенными к лепному потолку, и лежащими на полу старыми одеялами. Краслену очень хотелось убедить англиканскую компартию в своей невинности и оживить Вождя, но гораздо сильнее он мечтал о том, чтобы выспаться и поесть.

— Товарищ! — произнес он. — Ваши сомнения справедливы и обоснованны. Однако лучшее доказательство наших идей и намерений — созданный силой пролетарского разума оживин! Яков Яковлич, покажите!

Заборский вытащил из внутреннего кармана пробирку и продемонстрировал Паттерсону.

— Откуда мне знать, что внутри? Может, это яд? — парировал тот. — Вы хотите, чтобы мы, коммунисты Ангелики, уговорили красностранское руководство обменять военную помощь на тело Вождя, а затем передали вам, незнакомым и не внушающим доверия людям, это тело для введения туда непонятно какой жидкости?

— Характеристики товарищей Заборского, Вальда и Юбера вы можете получить от компартий их стран. Обратитесь к руководству Рабинтерна.

— У вас есть документы, подтверждающие личности?

— Дело в том, что...

— Понятно. В таком случае мне нужно просить у компартии не только характеристики, но и ваши фотографии, чтобы убедиться, что вы действительно те, за кого себя выдаете. Телефакса у меня нет, а почта сейчас практически не работает. Вы же понимаете меня?..

— Я ручаюсь за них! — воскликнула Джессика.

— Помолчи! — ответил Паттерсон. — Тебя надо было бы судить за то, что привела в штаб непроверенных людей. Джонсон так бы и сделал, так что скажи «спасибо», что он в тюрьме и что я его замещаю. Ограничимся пока что домашним арестом на всякий случай.

— Но...

— Никаких «но»! Совсем распустились без Джонсона! А что касается вас... — негр повернулся к Краслену с учеными, — ...придется вам на деле доказать действенность своего так называемого «оживина». Прошлой ночью погиб наш товарищ...

— Оживин годится не для каждого случая! — поспешил сказать Кирпичников.

Паттерсон взглянул на него сурово.

— Ему оторвало ногу, и он умер от потери крови, — завершил негр. — Или ваше средство работает только на красностранцах?

Кирпичников перевел для ученых.

— Нога — не страшно, — сказал Вальд. — Наверное, справимся. Какая группа крови?

Группу крови Паттерсон не знал. Заборский заявил, что в таком случае можно перелить нулевую, а нулевая как раз у него самого. Краслен тоже выразил готовность поделиться своей кипучей и пролетарской.

— Кажется, мы обо всем договорились, вот и отлично! — резюмировал негр. — А сейчас прошу вас всех пройти в комнату Джессики и оставаться там. Оборудование и пациента вам доставят. Бейкер, Бакстер — назначаю вас охраной!

Двое негров вытянулись во фронт.

— Дожили! — пробормотал Заборский. — Нас арестовывают коммунисты!

— Все будет нормально! — прошептал в ответ Краслен. — Вы оживите погибшего и нам поверят! Кстати, он тоже теперь научится предсказывать будущее?

— Если бы я знал! — сказал ученый.

Вечером того же дня Джессика сидела с Красленом на полу собственной каморки и думала, вероятно, о том, что еще ни разу здесь не было так тесно и даже в страшном сне ей не снился одноногий мертвый парень на ее кровати.

Пациент был совсем мальчишкой, лет четырнадцати на вид. С медицинскими инструментами на этот раз проблем не было: в развалинах больницы нашлось много чего годного в работу. Вальд и Юбер только что зашили ему культю и готовились брать у Заборского кровь для переливания. Все, что могли Джессика с Кирпичниковым, — это не мешать.

Дверь, соединявшую каморку горничной с остальным домом, коммунисты задвинули шкафом. Вторая дверь, ведущая в сад, была открыта: замок на ней сломался, так что, кроме Бейкера и Бакстера, бывших шахтеров, ныне целиком посвятивших себя будущей революции, дисциплина арестантов никем и ничем не гарантировалась. Особенных строгостей не было: время от времени стражники позволяли отворить дверь, чтобы запустить свежего воздуха, приносили поесть и даже с удовольствием рассказывали новости. Впрочем, удовольствие, конечно, можно было получить только от процесса рассказывания, а отнюдь не от самих новостей: ночью фашисты, оказывается, повредили систему водоснабжения, вследствие чего остановился хлебозавод. По карточкам выдали муку. Что с ней делать, учитывая дефицит электроэнергии и керосина, было непонятно. Коммунисты намесили «теста», состоявшего лишь из муки и воды, и напекли на костре лепешек. Получилось отвратительно и очень жестко, однако арестанты от такого обеда не отказались: что-то внутри подсказывало, что дальше все будет лишь хуже и хуже.

Поведали Бейкер с Бакстером и о том, что Шпицрутен болтает из-за моря о неуязвимости своих солдат, обещая вот-вот удивить мир преодолением законов природы. «Совсем у диктатора крыша поехала!» — смеясь, прокомментировал один из охранявших. Пленники не стали улыбаться ему в ответ.

После Заборского кровь сдал Краслен. Учитывая качество питания, это было совсем некстати. Силы остались только на то, чтобы полулежать на полу, опустив голову на колени Джессики, увлеченно наблюдающей за манипуляциями ученых.

— Поспи! — сказала девушка.

Нежные пальчики прошли по Красленовой шевелюре.

— Почему у тебя такие короткие волосы? — тихо спросила негритянка.

Кирпичников открыл рот, но понял, что разговаривать он тоже уже не способен, промычал нечто невнятное и провалился в сон.

...Снились Краслену Правдогорск, родной завод и заводская столовая с двенадцатью сортами супа. Кирпичников брал то из одной, то из другой бадьи, ел, ел и все не мог наесться. Потом в столовой появился воскрешенный Вождь. Он расцеловал прослезившуюся Электрису Никаноровну, спросив между делом, как ей управляется государством. Потом пошел ручкаться с невесть откуда взявшимися Пялером, Делером и Пятналером, похлопал по спине Никифорова, стал приветствовать других рабочих. Неожиданно в толпе пролетариев мелькнуло негритянское лицо. «Бензина!» — подумал Краслен, почему-то уверенный в том, что его давняя подруга — чернокожая. Одна мысль быстро сменилась другой: «Раз Вождь воскрес и пришел к нам, надо пожаловаться ему насчет супов!» Кирпичников бросился к любимому руководу, но толпа оттеснила его. Чем ближе к Вождю пытался подобраться Краслен, тем больше народу оказывалось вокруг и тем слабее различался черный пиджачок по моде прошлого века в море серебристых комбинезонов. Вдалеке что-то завывало. «Смена начинается! Не успею!» — подумал Кирпичников и

заработал локтями сильнее. Заводской гудок выл все громче, все ближе, все отвратительнее. Толпа заволновалась. «Капитал атакует!» — крикнул Вождь. «Капитал атакует!» — повторили все пролетарии. «Сейчас и этих супов не останется!» — понял Краслен и бросился обратно, к линии раздачи. Не успел. Прямо на его глазах с жутким грохотом разорвались бадьи с борщом и щами. Ключья капусты разлетелись по столовой, облепили белые занавески, запачкали комбезы, запутались в усах Никифорова. Следом грохнул рассольник, и пол заходил ходуном. «Коммунисты не сдаются!» — успел выкрикнуть Кирпичников, прежде чем ощутил осыпавшуюся с потолка штукатурку и проснулся.

Когда он проснулся, сирена по-прежнему выла. Бомбы падали где-то совсем рядом. Бледные, старающиеся не выдать страха ученые продолжали делать негру ИВЛ и НМС. Джессика, незаметно освободившаяся из объятий спящего Краслена, стояла у открытой двери.

— Разве вы не видите, они бомбят нашу улицу! — восклицала она со слезами на глазах. — Я не боюсь смерти, но, если погибнут ученые, с ними уйдет и надежда вернуть Вождя мирового пролетариата!

— Нельзя, Джессика. Приказ есть приказ, — ответил голос из-за двери.

— Вы останетесь под арестом, а мы — на посту, — добавил второй. — Коммунисты держат слово.

— Мы клянемся, что не убеж...

Новый взрыв, совсем близкий, прервал речь негритянки. Особняк затрясся, с потолка опять посыпалась штукатурка, дверь захлопнулась сама собой. Джессика с Красленом обнялись, готовые если погибнуть, то вместе.

— Дышит! — радостно провозгласил Заборский.

— Сердце забилося! — сказал Юбер, вытирая пот со лба.

Вальд не успел ничего добавить. Волна от очередного взрыва, совсем близкого, оказалась такой силы, что он с трудом устоял на ногах. К грохоту бомбы добавился стук ударяющих в стену осколков и сдавленный крик из-за двери. Джессика отворила. Голова Бейкера валялась в двух метрах от туловища. Бакстер, пораженный осколками и лежащий ничком, тоже уже не дышал.

Тела, не теряя времени, затащили внутрь. Покидая рассекреченное жилище фрау Шлосс, пятеро товарищей унесли на себе пять порций оживина. Одну Бржеский выдал фашистам. Одна ушла на одноногого. Одна предназначалась Вождю. Значит, в запасе были еще две порции, как раз две...

На другой день в штабе прошло расширенное совещание ЦК АК. Кроме руководителей местного пролетариата, здесь присутствовали трое ученых, Краслен, Джессика, шумно дышащий Бейкер, с шеи которого еще не сняли шов, Бакстер с забинтованной грудью, а также юный Сэмми, одноногий «сын компартии».

— Дорогие товарищи ученые! Уважаемый Кирпичников! — взял слово негр Паттерсон. — Примите мои извинения за то, что позволил себе усомниться в вас! Вы проявили себя как гениальные изобретатели, как герои, как настоящие коммунисты! То же касается Бейкера с Бакстером. Думаю, ваш пример самоотверженности и взаимовыручки послужит образцом для многих поколений!

Члены ЦК зааплодировали, пожали руки каждому из ученых, вернулись на места, уселись на свои одеяла, подобрали голые пятки и отхлебнули по глотку кипятка из железных кружек.

— Я уже запросил ваши характеристики в Рабинтерне, хотя это, конечно, совершеннейшая формальность, — продолжал руковод. — Товарищ Стивенс известил комкрин о вашем спасении и о решении поставленной перед вами задачи. Стивенс, доложите!

— Крининдел товарищ Аэропланов уже готовит распоряжение о том, чтобы пойти на сделку с англиканским правительством, — сообщил белый парень в комбезе и кепке. —

Кринвоенмор товарищ Экспрессов также поставлен в известность и уже организует войска для помощи нашей стране. Обвинение в сотрудничестве с предателем Буеровым и его правоуклонистским террористическим блоком с Кирпичникова снимается. Ввиду отсутствия дипотношений и постоянного представительства С. С. С. М. в Ангелике Яков Яковлевич Заборский назначен уполномоченным по сдаче-приемке тела Вождя мирового пролетариата.

— А что же вы молчите насчет ордена? — влез Сэмми.

— Э-э... Орден? Но Сэмми... Откуда ты?.. — Стивенс смешался.

Сэмми посмотрел на Бейкера, Бейкер — на Бакстера.

— Ну, что ж вы, говорите! — вымолвил последний.

Воскрешенные снова обменялись выразительными взглядами.

— Не молчи, ты же первый подумал! — бросил Бейкер товарищу.

— Да ладно! — Бакстер махнул рукой. — Я же слышу, что тебе давно уже не терпится выступить!

— Пусть говорит Сэмми, — решил Бейкер. — Он обижен, что мы его перебили.

— Стивенс не сказал нам про то, что комкрин постановил наградить товарищей ученых и товарища Кирпичникова орденами Черного Квадрата первой степени! — радостно провозгласил спасенный подросток.

Когда новые аплодисменты, переходящие в овации, стихли, слово взял Заборский.

— Благодарим за приятные новости и просим прощения за то, что не предупредили вас кое о чем, — сказал он, пользуясь услугами Краслена как переводчика. — Оживин — это новый и недостаточно испытанный препарат. Теперь нам известно, что он имеет своего рода побочное действие. Будучи катализатором всех органических процессов, убыстряя и усиливая их во много раз, он способен не только поднимать мертвых, но и пробуждать в них, по крайней мере временно, до сих пор неразгаданные способности. Ранее мы думали, что род этих способностей определяется индивидуальными особенностями организма. Как выяснилось, нет. Очевидно, новые способности возникают, учитывая время, когда была произведена реанимация. Так, у товарищей Бейкера, Бакстера и Оксмана, оживленных в течение одного дня, возникла общая способность читать чужие мысли.

— Потрясающе! Невероятно! Вот это поистине препарат будущего! — зашумели члены ЦК.

— Позвольте узнать, а какая же сверхъестественная способность проявится у Вождя? — спросил один.

— Какое еще электричество из пальцев, Бакстер?! — Бейкер фыркнул. — Что за глупости ты думаешь?! Вождь не гидроцентральный и динамомашинный!

— Я позаимствовал эту мысль у Паттерсона, — признался Бакстер.

— К порядку, к порядку! — потребовал смутившийся Паттерсон. — Слово Заборскому.

— Да что тут говорить... — Ученый развел руками. — Какая способность проявится у Вождя, мы не знаем! Надеемся только, что она будет полезна для мировой революции...

— Я не знаю, когда будет мировая революция! — огрызнулся на Бейкера Бакстер. — Не задавай мне таких заумных вопросов, даже мысленно! И когда закончится это заседание, я тоже не знаю!

— Уймись! — буркнул Бейкер. — Да, Сэмми, это на всю жизнь. Новая нога у тебя не вырастет.

— Парни, перестаньте! — крикнул Сэмми. — Слышите, что думает товарищ Паттерсон?!

Троица сразу же замолчала.

— То-то! — сказал Паттерсон. — Геройство геройством, но и о дисциплине не забывайте. Вопросов по оживлению больше нет? Тогда перейдем к следующему пункту. Сегодня от профсоюза шоферов поступила информация о планирующейся стачке. Ребята будут требовать военного пайка и улучшения условий работы. С ипритового завода тоже ползут слухи о недовольстве: хозяин не платит ребятам зарплату вторую неделю, ссылается на войну! Швеи просят поддержать забастовку с требованием приравнять женские зарплаты

к мужским и раздать бесплатно нереализованные дамские пальто.

— Поддержим! — крикнул Стивенс.

— Кажется, новая империалистическая война создает новую революционную ситуацию! — восторженно констатировала Джессика, поражаясь тому, как здорово подтверждаются на практике идеи классиков истмата.

— Верно думаешь, Бакстер! Сейчас заварушка начнется! — сказал Бейкер.

— Товарищ Кирпичников, товарищ Кирпичников! — смущенно пролепетал Сэмми. — Как вам не стыдно думать сейчас о таких вещах?!

Бакстер хихикнул.

Краслен покраснел и отодвинулся от Джессики.

30

Два дня спустя военный порт Уоллингтон, практически до основания разрушенный фашистскими бомбардировками, был сдан врагу и брюннский десант высадился в Ангелике. Те из манитаунцев, кто не выехал из города, желая защитить его своей грудью или боясь соседей-мародеров больше, чем войск неприятеля, оказались в ловушке: обойдя столицу с севера, брюнны отрезали путь беглецам и подкреплению. К воздушным обстрелам добавились минометные. В перерывах между ними горожане, готовясь к уличным боям, сооружали баррикады, благо материала для них было предостаточно: куски бетона и железные балки от разрушенных небоскребов, остатки вагонов метро, обрушившихся с воздушных веток, поваленные телефонные будки, шкафы и кровати из взорванных квартир. Особенно полезны оказались снятые со стен гигантские вывески и рекламы: почти каждая баррикада в городе могла похвастаться надписью вроде «Крем шахини — это Ваша молодость!» или «Вкладывайтесь в акции Уэрксворта!».

«Господа ангеликанцы! — повторяли между танго и чарльстоном голоса из громкоговорителей. — Не громите продуктовых лавок, не требуйте дешевого хлеба! В суровых военных условиях противоборства с тоталитарным режимом для нас как никогда важно сохранить уважение к собственности, дух здоровой конкуренции и другие атрибуты демократии!» Премьер-министр Чертинг, до недавних пор выступавший по радио чуть ли не ежедневно и призывавший сограждан не поддаваться панике, куда-то пропал из эфира. Вместо него из репродукторов звучали дрожащие дикторские голоса, уверяющие, что глава кабинета в Манитауне, вместе со своими избирателями, и планирует стоять до последнего. Чем чаще слышались эти уверения, тем меньше в них верилось. Что творилось с правительством, где оно было и было ли вообще, никто не понимал, тем более что карточек на очередную декаду — последнюю декаду лета — не выдали. То ли их негласно отменили, то ли оказалось не на чем печатать, то ли — вероятнее всего — распределять по карточкам все равно было нечего. Чем более редкостными и дорогими товарами становились крупа, хлеб, соль, спички и керосин, тем чаще и громче говорили в очередях о припасах капиталистов, коллекции вин Чертона и персональном снабжении премьер-министра.

Помимо питания, беспокоила жителей осажденного города еще одна проблема: дефицит противогазов. Невзирая на явную угрозу газовой атаки, власти ничуть не озаботились безопасностью гражданского населения. Противогазы можно было только купить, и купить за немалые деньги, причем только в магазинах Свинстона по установленной им бесчеловечной цене. Истерические слухи об иприте и фосгене, распыляемых фашистами, появлялись по нескольку раз на дню. В подвалах, метро и убежищах почти все разговоры вращались вокруг противогазов. Говорили, что Свинстон в сговоре с властями и тех, кто пытается штурмовать его магазины и брать противогазы силой, полиция расстреливает на месте как предателей и паникеров. Все чаще звучала версия о том, что правительство и капиталистическая верхушка решили пожертвовать Манитауном и его жителями, с тем чтобы отойти в глубь страны и накопить сил для нового удара по противнику.

Бывший дом хозяев Джессики, коммунистическое общежитие, все-таки разбомбили. К

счастью, никто не погиб. Штаб, Сэмми и несколько самых больных, самых хрупких здоровьем партийцев переехали на квартиру к Паттерсону. Остальные теперь ночевали в метро, а светлое время суток проводили, разбирая завалы своего недавнего жилища, выковыривая из-под обломков и поедая остатки несостоявшегося огорода, отлавливая кошек в подворотнях, собирая разбрасываемые с самолетов фашистские листовки, помогая на постройке баррикад, стихийно вооружаясь и ожидая, когда С. С. С. М. и Ангелика ударят по рукам. Тем же самым занималось большинство рабочих масс: шоферы и уборщики бастовали, слуги почти все были уволены, у ремонтных и строительных фирм не было заказов, фабрики стояли из-за отсутствия электричества и воды. Только клерки из контор в тех небоскребах, что пока не взорвали, упорно таскались на работу каждое утро.

На пятый день по воскрешении трех негров Краслен и Джессика отправились на развалины восточного пригорода в надежде отыскать что-либо, могущее служить оружием, и порыться там, где прежде были огороды. Авианалет, сменившийся минометным обстрелом, настиг их в километре от ближайшего укрытия, практически в чистом поле, техногенной пустыне. Два часа молодые люди пролежали в овраге, едва дыша и не веря, что выживут. Краслен подумал о том, что чертовски обидно умирать за пару дней до возвращения Вождя и что нельзя покинуть мир, не сказав Джессике всей правды. Под свист снарядов он поведал девушке и об оставленной в Правдогорске подруге, и о невольной фашистской женитьбе, и даже — хотя это вроде бы было и ни к чему — о приставаниях к фрау Шлосс и попытке ухаживать за Жакеттой. Затем, чтобы облегчить душу окончательно, поведал о предательстве Бржеского, до сих пор скрываемом по общему молчаливому согласию путешественников.

— Труд мой! — прошептала негритянка. — Так у Шпицрутена тоже есть оживин?! А я-то считала все эти рассказы о второй жизни брюннских солдат глупым блефом!

— Что еще за рассказы?

— Ты не читал, что написано на фашистских листовках?

Краслен покачал головой. Как и было приказано руководителями, они собирал и сжигал вражескую агитацию, не читая. Женское любопытство оказалось сильнее угрозы наказания.

— Там написано, что со дня на день фашисты готовят оживление пробной партии солдат, погибших на ангеликанском фронте. Какой ужас! Наше радио не говорит об этом, но, если у Шпицрутена все выйдет, даже оно не сможет молчать! Это будет хуже всякой бомбы! Наши военные и так-то храбростью не отличаются, а если узнают, что противник неуязвим, разбегутся как тараканы! Неужели все погибло, дорогой?!

Краслен на минуту задумался.

— То есть ты не злишься на меня из-за других женщин? — ответил он вопросом на вопрос. — Не злишься, верно?

...Когда обстрел наконец закончился и коммунисты выползли из оврага, мокрые, грязные, дрожащие и, к своему удивлению, живые, солнце уже садилось за небоскребы.

— Смотри, какой красивый закат! — промолвила Джессика.

Краслен взглянул на небо и вдруг заметил планер. Один, второй, третий... Несколько эскадрилий! Сперва ему показалось, что по небу летят «этажерки» времен Первой Империалистической, но через секунду Кирпичников понял, что непривычно широкие и массивные корпуса аэропланов — вовсе не корпуса. Это были танки! Родные красностранные танки, поставленные на крыло силой инженерной мысли, не знающей преград в рабочей стране, и переброшенные на подмогу ангеликанцам! Полк пошел на снижение. Одна за другой боевые машины отделялись от планеров, готовые свалиться фашистам как снег на голову. Сотня красных парашютов один за другим раскрылась в небе над Манитауном.

— Танки над городом!!! — вырвался крик у Краслена. — Летят!!! Это наши!!! Родные!!! Пришли наконец-то!!!

Взявшись за руки, Кирпичников и Джессика бросились бегом в сторону города.

Танковый корпус сменил в небе отряд боевых дирижаблей. Десять гордых колбас,

украшенных красными звездами и черными крадратами, загородили собой едва ли не все небо над Манитауном, устроили солнечное затмение. «О мой Труд, мой Труд...» — шептала Джессика.

Следом шли авиаматки, по пять самолетов на каждой: два на крыльях, два под крыльями, один под фюзеляжем. Сверху они казались колониями насекомых, гигантскими живыми существами. Краслен смотрел на небо, раскрыв рот. Несколько десятков горожан, вылезших из укрытий, последовали его примеру. Задрав головы, они с восторгом наблюдали за тем, как истребители и бомбадировщики отделяются от авианосца, и самолетов, явившихся спасти Манитаун, становится в два, три, четыре раза больше...

— Наши... Ребятки... — Краслен чуть не плакал от радости, сжимая в объятиях Джессику.

— Да здравствует С. С. С. М.!!! Ура коммунистам!!! — выкрикнула негритянка.

— Ура коммунистам!!! — отозвались ликующие ангеликанцы. — Да здравствует С. С. С. М.!!!

Через два часа Кирпичников с учеными стояли у ворот бывшей фабрики мороженого. Охрана сличила физиономию Заборского с присланной из С. С. С. М. фотокарточкой и дала ему подписать накладную. Тело вождя передавалось красностранным представителям вместе с содержащим его зданием. Здание фабрики — одна штука, ключи — одни, мертвое тело — одно. «Теперь у нас есть где жить!» — пошутил Юбер.

Кирпичникову было не до шуток. Этого момента он ждал три долгих месяца путешествий и несколько бесконечных дней, проведенных под фашистскими бомбежками. Даже дольше. Всю жизнь. С тех пор, как сопливым детком прочел в букваре о царе, Революции, заводском выступлении Вождя и предательском выстреле женщины.

— Он на четвертом этаже, — равнодушно бросил ангеликанский охранник, складывая бумаги.

Шаги товарищей гулко разносились по обезлюдевшему зданию бывшей фабрики. Вставший конвейер, опустевшие котлы для молока, заснувшие машины для производства шоколада, оборванные шланги непонятного предназначения, пульта управления с отломанными тумблерами, вытертыми подписями, облезлыми боками — все это как будто говорило о несладкой, невкусной эпохе в истории Ангелики. Стопки неиспользованных фантиков, разорванные картонные коробки, рассыпанные палочки для эскимо намекали на шаткое положение капиталистического способа производства. Облицованные белой плиткой стены создавали больничную атмосферу.

На четвертом этаже слышалось урчание сохраняющего Вождя рефрижератора. Прозрачный холодильный шкаф, в котором лежало тело, был похож на мавзолейный саркофаг, но без специальных драпировок, украшений и подсветки Вождь смотрелся беззащитным и совсем не героическим. Белый и застывший, он напоминал кусок пломбира, приготовленный к нарезке.

— Мы будем оживлять его сейчас же, да, товарищи? — Краслену не терпелось.

— Сперва отогреем, — ответил Юбер. — Если оживить замороженным, он тотчас же умрет от переохлаждения.

Заборский открыл дверцу шкафа и отключил рефрижератор. Разрываемый на части любопытством и смущением, Кирпичников все же осмелился сунуть в шкаф руку и прикоснуться к величайшей пролетарской драгоценности. Вождь обжег холодом. Серый пиджачок стоял колом. Даже усы, даже знаменитая бородка клинышком были твердыми как камень.

— Сколько времени он будет размораживаться? — недовольно спросил Краслен.

— До утра, я думаю, как минимум, — ответил Гюнтер Вальд.

— Может, облить его кипятком? — предложил Кирпичников.

— Еще чего!

— Скажете тоже!

— Куда вы так торопитесь, Краслен? Несколько часов не играют никакой роли!

— Играть! — И Кирпичников рассказал то, что услышал от Джессики насчет оживления фашистских солдат. — Еще немного, и Шпицрутен войдет в историю как первый оживитель людей! Победа в войне будет ему гарантирована, а воскрешение Вождя уже не произведет никакого эффекта!

— В таком случае нам действительно надо поторопиться, — резюмировал Заборский. — Коллеги, может быть, воспользуемся холодной водой?

— Водопровод не работает! — напомнил Вальд. — До реки полчаса ходу, а у нас даже и ведер-то нет.

— В таком случае нам требуется подмога. Краслен, не откажите в любезности сбегать за товарищами по партии и заодно принести наш медицинский инструмент, — сказал Яков Яковлевич.

— Всегда готов! — отрапортовал пролетарий. — Сейчас сбегая, одна нога здесь, другая там!

— Только постарайтесь не привлекать к себе внимания. Огласка нам пока что ни к чему. Если капиталисты что-нибудь заподозрят — не дай Труд, примут меры. Они ведь уже получили с коммунистов все, что хотели.

В прокуренной квартире Паттерсона, куда примчался Кирпичников, царили, несмотря на поздний час, оживление и атмосфера праздника. Народу было так много, что из одной комнаты в другую надо было пробираться, помогая себе руками, словно в автобусе. Какие-то незнакомые Краслену люди обнимались с другими незнакомыми Краслену людьми, рыдали друг у друга на плече, радостно галдели. Даже Джессику в такой толпе народа он смог заметить далеко не сразу.

— Ленни, Ленни! — закричала негритянка. — Наконец-то! Давай к нам! Вот, познакомься! Это мой старший брат Джулиан! Он провел в застенках целый год, бедный мой братишка...

Высокий негр лет тридцати с тонкими бровями и лицом киноактера протянул Кирпичникову руку.

— Кирпичников! Сколько лет, сколько зим! — закричал невесть откуда взявшийся Джордан. — Дай-ка обниму тебя, дружище! Это правда, что сказала Джессика?

— А что она сказала?

Джо не успел пояснить: Краслена ухватили за рукав и потащили в другой конец комнаты. Сэмми, Бакстер и Бейкер наперебой знакомили его со своими вышедшими из тюрьмы приятелями, рекомендуя как отважного борца за справедливость, гениального мыслителя, профессора, врача, реаниматора, а также красностраница. Наконец Кирпичникова подвели к седому бородатому субъекту в коверкотовом костюме цвета пыльного асфальта.

— Джонсон! — представился тот.

Краслен несмело пожал вождю англиканских коммунистов руку и, встретившись взглядом с его умными, спокойными глазами, неожиданно смутился:

— Очень... рад... знакомству...

— Взаимно, уважаемый Кирпичников! Я тоже очень рад знакомству с вами. И тому, что оно случилось сейчас, а не раньше, не правда ли? — И Джонсон рассмеялся.

— Я виновен, я допустил преступную беспечность, я не развил в себе классовое чутье достаточно для того, чтобы разоблачить врага, однако обещаю вам, товарищ Джонсон...

— Полно, полно, друг мой! Буеров уже наказан, а вы вполне доказали свою приверженность прогрессивным идеям! В вас никто не сомневается! Ну же! — Ангеликанец похлопал Кирпичникова по плечу. — Кстати, где ваши спутники и как обстоит дело с передачей тела?

— Я как раз в связи с этим... — Краслен обернулся. — Ах вот вы где, Паттерсон! Как у вас с ведрами?..

Глубокой ночью те из манитаунцев, кому не спалось или попросту негде было ночевать, могли наблюдать странную картину. Длинная, не в одну сотню метров, цепочка людей, черных и белых вперемешку, начиналась у реки и уходила куда-то вдаль. По рукам ходили чайники, кофейники, кувшины и кастрюли. Люди улыбались друг другу и хором, кто тише, кто громче, напевали какой-то марш. На вопросы зевак о том, чем таким они заняты, добровольцы отвечали, что вода идет на хлебное производство, открытое на бывшей фабрике Памперса после того, как оттуда вынесли тело главного коммунистического вождя. Многие прохожие не только одобряли предприятие, но и даже предлагали свою помощь.

— Отмякает, — констатировал Заборский, ощупывая Вождя. — Ноги ничего, а вот голова еще твердая. Да и вода тут уже ледяная! А ну, переложим!

Тело вытащили из бадьи для молочной смеси и переложили в соседнюю, только что наполненную речной водой комнатной температуры, — на этот раз вниз головой. Весь пол месильного цеха был залит, рукава коммунистов намокли. С ветхого костюмчика Вождя лилась вода. Перед размораживанием его не сняли: не из пошлой мещанской стыдливости, разумеется. Просто застывшее тело раздеть было невозможно. Даже старомодные очки примерзли к переносице руковода намертво.

К тому времени, как предводитель красностранской революции окончательно отогрелся, а ученые приступили к операции по удалению убившей его пули и починке внутренних органов, была уже глубокая ночь: часа три, а то и больше. Спать Краслену, тем не менее, не хотелось. Смотреть на операцию почему-то тоже: от зрелища вокрешаемого Вождя пролетарий волновался так, что голова начинала болеть. Пришлось уйти в другое место. Возбужденный, он ходил туда-сюда по цеху заморозки и напоминал собой отца, ожидающего чуда за воротами роддома. Джессика тоже не могла усидеть на месте: поглядев на работу ученых, спешила рассказать о ней Кирпичникову, а оказавшись возле него, сгорала от нетерпения снова пойти в цех, где проходило оживление. Он стрелся успокоить ее, она — его. Чем дальше, тем сильнее волновались они оба.

На рассвете, в шесть утра, загрохотало: красностранские танки и цеппелины пошли в атаку. При звуках боя Краслен испытал не страх, а подобие облегчения. Теперь, когда свои уже здесь, можно не бояться бомбардировок и сдачи города! Подойдя к окну, пролетарий невольно залюбовался: яркие, длинные, ветвистые молнии одна за другой озаряли небо над Манитауном, и конца им не было видно. Это новое оружие завода «Теслэнерго» наконец пустили в ход.

За грохотом разрывов Кирпичников не расслышал шагов Джессики. Отвернувшись от окна и увидев перед собой негритянку, он вздрогнул от неожиданности.

— Идем! — сказала та. — Они уже ввели оживин и делают искусственное дыхание. Этого нельзя пропустить!

Молодые люди бросились в месильный. Здесь, похоже, собрались все коммунисты и сочувствующие Манитуана: толпа, в которой смешались белые и цветные, люди с ведрами и люди с кастрюлями, была еще плотнее, чем на встрече заключенных в доме Паттерсона.

— Позвольте... Извините... Разрешите... — бормотал Краслен, пытаясь пробраться если не вперед, то хотя бы в такое место, откуда что-нибудь можно увидеть.

Узнав героя, массы расступились.

Юбер разогнулся, Вальд убрал руки. Не веря своим глазам, коммунисты наблюдали, как грудь Вождя несколько раз сама поднялась и опустилась. Кожа порозовела, рот раскрылся...

— Доложите результаты продразверстки! — слабым голосом сказал глава рабочих.

Спустя час-другой, когда Вождь смог сидеть и стоять, а также понял, где находится, и пожал руки всем желающим, ангеликанцы стали потихоньку расходиться: кому-то надо было отправляться на поиски еды, другие понимали, что, хоть красностранские части и под боком, хоть коммунисты и пошли на временный союз с буржуазией, многолюдные сборища, тем

более без конспирации, могут быть опасными. Джессика отправилась за пищей для Вождя, Джордан — за новой пристойной одеждой, Джулиан — за спальным мешком для воскресшего, которого решили держать на фабрике — пока не окрепнет. С руководом остались Краслен и ученые — надо было проследить, чтобы ему не стало хуже, ввести в курс мировых событий и исполнить свое давнее желание — пообщаться с величайшим человеком.

— Так, стало быть, я пролежал мертвым двадцать три года? — удивленно спрашивал Вождь. — А кулачество уже истреблено как класс? Крестьянские массы влились в сельхозкоммуны? Страна индустриализирована? Новый быт сделался повсеместным? Что, и электричество у каждого? И женщин уважают? Все — так быстро?! Неужели я увижу это собственными глазами?!

— Как только окрепнете, сообщим об этом своим и все вместе выберемся в Краснострану, — отвечал Заборский. — Наверняка для вас выделят один из находящихся здесь наших самолетов.

— Наших самолетов? Что они здесь делают?!

Вождю рассказали о разгоревшейся войне, о положении в Ангелике и красностранской помощи в борьбе с фашизмом. Черные глаза руководителя яростно засверкали, густая шевелюра, и без того стоявшая дыбом, едва не зашевелилась.

— В таком случае какого черта вы предлагаете мне ехать домой?! — вскричал воскресший. — Новая империалистическая война вот-вот сделает нужду угнетенных классов невыносимой! Верхи разбежались, у низов кончается терпение, массы активизировались, революционная ситуация на носу! А вы предлагаете мне сидеть дома?!

Ученые смутились. Один лишь Краслен отреагировал на мнение Вождя незамедлительно и восторженно:

— Правильно, правильно, Лев Давыдович! Я знал, что вы так и ответите! Если решите возглавить мировую революцию — можете на меня рассчитывать! Не зря меня в честь вас назвали!

— А как вас зовут? — спросил Вождь.

— Краслен. То есть красный ленист!

— Вот оно как! — улыбнулся поклонник романов в стихах. — Что же, это очень лестно. А скажите-ка мне теперь: повсеместно ли наша страна радиофицирована? Завершилась ли победой война с религиозным дурманом? А грамотность, чистка зубов и прививка от оспы — всеобщие?..

Рассказ о достижениях рабочей партии прервали Джессика и Джордан. Взволнованные лица негров говорили о том, что, помимо еды и костюма, они принесли с собой важные новости.

— Брюнны отброшены! — объявила негритянка.

Краслен перевел. Все захлопали.

— К сожалению, это еще не все новости на сегодня, — добавил ее брат. — Ввиду того что угроза уличных боев отпала, начальник полиции требует сдать все оружие, включая самодельное, и разобрать баррикады.

— Это его собственное мнение? — сурово спросил Ленский.

— Думаю, нет. Указание сверху. Впрочем, министры разбежались, мэр исчез, так что теперь не разберешь, кто правит городом.

— Те же, кто и всегда, — ответил Кирпичников. — Капиталисты. Только теперь, полагаю, они это делают сами, не прикрываясь демократическим фасадом.

— Значит, они боятся народных масс, — подал голос Заборский. — И видимо, не напрасно. Забастовки не прекратились?

— По радио объявили, что забастовщиков будут судить как военных преступников, — сообщил Джо. — Войска С. С. С. М. выполнили свою задачу и уже выводятся, так что мы беззащитны перед эксплуататорами! Вот-вот снова начнутся гонения на коммунистов! Красностранская армия сбросила лапу фашизма с шеи буржуазии и ушла, а та вздохнула свободно и решила взяться за «дело»!

— Между тем хлеба нет как не было, — добавила Джессика. — Я принесла товарищу Ленскому похлебку из корешков, которые мы выкопали на развалинах. По радио требуют снова затянуть пояса!

— Говорят, под предлогом поисков подпольных складов оружия и разоблачения шпионов полиция начала повальные обыски! Уже арестовали несколько человек. Они врываются в чужие дома, словно хозяева! — продолжал Джордан. — Мы выдержали такую осаду, а что в результате?!

— Скажи о брюннах, Джо, — напомнила негритянка.

— Да... — Джордан вздохнул. — Ходят слухи, они оживили свою пробную роту убитых.

— Час от часу не легче! — буркнул Вальд.

— Долой опасения! — провозгласил Лев Давыдович. — Нам не впервой бросать вызов реакционным режимам! Я чувствую: победа мирового коммунизма совсем близко!

С этими словами он сделал шаг в сторону негров, молниеносно подхватил их на руки — брата левой, сестру правой — и закружился с пролетариями так, как будто это были маленькие дети.

В тот же день, ближе к вечеру, в городе начались баррикадные бои. Это произошло как-то само собой, без чьих-либо призывов и бунтарских планов. Полиция получила приказ демонтировать баррикады ввиду их ненужности. Гражданам это не понравилось: одни боялись, что фашисты еще вернутся, вторые считали, что укрепления пригодятся для обороны от кого-нибудь другого, третьим было просто жаль своей работы. Принудительное разоружение тоже мало кого устраивало. Мелкие стычки с полицией мало-помалу переросли в массовые сражения.

Боевого духу повстанцам придавали разговоры о якобы возникающем то там, то здесь человеке, невероятно похожем на Льва Давыдовича Ленского, вождя мирового пролетариата, погибшего двадцать три года назад и до недавнего времени хранившегося замороженным в здании фабрики Памперса. Рассказы о невероятной физической силе воскресшего (как вариант — двойника) делали слухи совершенно фантастическими. И все же в них верили многие. Особенно после того, как по радио объявили опровержение «нелепых сплетен о восставшем мертвеце», — тогда вера в вернувшегося Ленского стала чуть ли не всеобщей.

К тому времени, как стало смеркаться, большинство полицейских ретировалось или перешло на сторону восставших. Разогнав прислужников капитала и отстояв свои сооружения, англиканский народ, вопреки ожиданиям, не успокоился. Ораторы, вещавшие с афишных тумб и постаментов разрушенных статуй, говорили о бесчестном поведении правительства и требовали от измученного народа взять власть в свои руки. Первые советы появились при заводах и при фабриках. Когда стало окончательно ясно, что завершение фашистских обстрелов не означает ни хлеба, ни карточек и необходимые продукты не появятся сегодня в продаже, так же, как не было их ни вчера, ни позавчера, раздались призывы штурмовать закрома буржуазных особняков.

Под покровом ночи толпы хлынули к домам О'Нила, Ромберга, Кебба, Уилсона, Чертона, Чертинга и, разумеется, Свинстона. Тысячи рук бросали в особняки камни и бутылки с керосином, трясли решетки оград и вздымались вверх с требованием справедливо разделить питание. Ленский возникал то там, то здесь. Теперь его видели многие. Оживший Вождь одной рукой вырывал из земли заборы, окружавшие «частную собственность», и срывал двери с петель. Слуги богачей с криком разбегались, увидев Вождя. Кроме них, в особняках никого не было. Хозяев не нашли ни в одном из домов. Позже, когда граждане распределяли между собой захваченные вина, сыры и колбасы, кто-нибудь непременно вспоминал, что совсем недавно, еще утром, видел поднявшийся над особняком вертолет или автомобиль с тонированными стеклами.

Впрочем, хлеб и мясо оказались далеко не главными находками народа в логове

эксплуататоров. В нескольких богатых домах обнаружили телеграммы, ясно говорившие о том, что буржуазия разуверилась в победе над Брюнецией и перешла на сторону противника. Причиной тому было известие о воскрешении роты фашистских солдат, поступившее от англиканской разведки. Буржуи и генералы решили, что Ангелике и всему нефашистскому миру пришел конец, бежали из страны и принесли присягу «новому господину мира».

Подтверждение сведений о воскрешенных солдатах и новость про бегство верхушки потрясли манитаунцев. Сообщения и о том и о другом передали по радио ровно в полночь — сразу после того, как вещательная станция была захвачена группой коммунистов и сочувствующих. Следом выступил Ленский. На ломаном англиканском он объявил, что жив и снова готов возглавить народные массы. Новые хозяева радиостанции тем временем разбили все пластинки с записями глупых песенок и одурманивающих фокстротов. На их место должна была прийти новая, прогрессивная, идейная музыка. Звуки Интернационала, впервые транслируемые англиканским радио, возвестили, что наступающий день стал первым днем революции.

— Внимание, внимание! Говорит Манитаун! Передаем важное сообщение! — произнес Краслен, стараясь держать правильное расстояние от массивного, похожего на руль микрофона. — Ввиду измены и коллективного бегства бывшего правительства с сегодняшнего дня оно объявляется низложенным! Верховная власть переходит к заводским, фабричным и конторским советам народных депутатов! Функции кабинета министров поручаются Временной исполнительной комиссии под руководством Льва Давыдовича Ленского и Джона Джеймса Джонсона!.. А теперь прослушайте песню о тракторах!

Кирпичников выключил микрофон и потянулся.

— Ну как? — спросил он. — Хорошо получилось?

— Лучше не придумаешь! — ответила Джессика и забралась к нему на колени. — Говоришь совсем без акцента, а голос у тебя такой красивый, что любой из наших прежних дикторов обзавидуется!

— Еще вчера я не мог и представить, что стану вещать по радио!

— А позавчера мы не верили, что увидим революцию в Ангелике! Ленни, Ленни, неужели все это происходит в действительности?!

В студию вбежал взволнованный Бакстер и бросил на стол перед Красленом какой-то листок.

— Зачитай, — велел он. — И хватит думать обо всяких глупостях! Да, я тоже не спал двое суток...

Кирпичников жестом заставил Бакстера замолчать. Джессика слезла с его колен.

— Внимание, внимание! Говорит Манитаун! Передаем важное сообщение! Как только что стало известно, руководство Самой-Счастливой-Страны-в-Мире приняло решение о повторном оказании военной помощи Ангелике! В связи с капитуляцией англиканских вооруженных сил и новым наступлением фашистских захватчиков, Комитет красных инженеров С. С. С. М. постановил выделить на оборону Манитауна четыреста танков, восемьсот самолетов и двести тысяч человек личного состава! Ангеликанский народ сердечно благодарит своих заморских братьев и верит в победу над диктатурой!.. А теперь прослушайте песню о линии электропередач!

Микрофон вновь был выключен.

— Как там наши, Бакстер? — спросил новоявленный диктор.

— Инспектируют типографию на предмет изъятия буржуазной агитации и печатания новых карточек. Полицию упразднили, теперь у нас народные дружинники за порядком смотрят. Паттерсон не успевает в партию записывать — столько желающих! Всех новичков он тут же отправляет на мукомольный завод — проверять склады, собирать мучную пыль, трясти мешки. Джо теперь начальник! Продбригадами командует. Обыскивают разные склады, заброшенные фабрики, подвалы. Говорят, уже несколько центнеров всякого съедобного для города нашли! И воды добровольцы на хлебокомбинат натащали.

Поужинаем, значит! Эх, буржуи, ничего-то они сделать не могли... А всего-то было надо...

Монолог Бакстера прервал еще один добрый вестник: Бейкер влетел в комнату, размахивая телетайпной лентой, словно это было знамя победы.

— Смотрите сюда! Что творится! — сказал он взволнованным шепотом.

Товарищи разворачивали ленту, читали новость и не верили своим глазам.

— Чудеса! — сказала Джессика. — Но как? И почему?

— Похоже, что у них там тоже жизнь не сахар! — ухмыльнулся Бакстер.

— Но почему так неожиданно? — вопрошал его коллега. — Ведь еще вчера на подобное не было ни намека!

— Очень просто! — ответил Кирпичников. — После оживления кто-то видит будущее, кто-то может читать мысли, кто-то приобретает невероятную силу... а кто-то неожиданно начинает думать своей головой, вместо того чтобы слепо верить пропаганде! Не так уж и просто этому научиться! Особенно если ни разу не пробовал, как эти бедняги!

С этими словами красностранец, широко улыбаясь, повернулся к микрофону:

— Внимание, внимание! Говорит Манитаун! Передаем важное сообщение! Срочные новости из Брюнеции! В госпитале города Шлоттау рота оживленных солдат объявила о своем неповиновении фашистскому режиму и призвала всех сознательных брюннов выступить на борьбу с диктатурой Шпицрутена. По последним данным, восстание поддержано многими жителями города. Ангеликанские пролетарии желают своим брюннским товарищам скорейшего освобождения! Да здравствует брюннская революция! Ура, товарищи! Ура, братья и сестры!.. А теперь прослушайте песню о свободной любви!

— Ого, у вас даже про это имеется! — присвистнул Бейкер, как только мелодия заиграла.

— У тебя все мысли на одну тему, — подколот его Бакстер.

— В отличие от твоих, они не заняты темой еды двадцать четыре часа в сутки! Даже сейчас, когда стало известно о переброске красностранских войск, ты думаешь в первую очередь о том, не захватят ли они с собой еды для нас!

— И что с того? Мысли как мысли. Вот Краслен, тот совсем как мальчишка — до сих пор с удовольствием вспоминает, как весело было колотить пластинки с буржуазной музыкой!

— Ну хватит вам уже! — сказал Кирпичников.

— И правда, ребята! Ну будьте серьезней! — добавила Джессика. — Тут война, а вам все шутки!

Словно в подтверждение ее слов неожиданно загудели сирены. На столе у Краслена включилась условная лампочка.

— Граждане! Воздушная тревога! — произнес он, придвинувшись к микрофону.

Для нового диктора это было первое объявление такого рода. К счастью, скоро оказалось, что и последнее.

31

Неделю спустя в Манитауне были и вода, и электричество, и хлеб. Под звуки новых песен добровольческие бригады разгребали развалины, чистили улицы, убирали противотанковые ежи и ненужные баррикады, выправляли трамвайные рельсы, снимали рекламные вывески старорежимных контор и бывших притонов. Первые отряды ангеликанских юнкомов радостно отдавали честь красностранским солдатам и летчикам, гулявшим по городу. Здесь и там шла раздача подарков из С. С. С. М. — бесплатных колбас и зубных порошков. Черные парни целовали белых девушек под красными знаменами. В чистом небе кружились осенние листья и первые махолетчики: освобожденный от людских страданий воздух Ангелики теперь был подходящим для летатлинов.

Возле входа в самый высокий небоскреб, на верхнем этаже которого некогда совещались капиталисты, красовалась вывеска: «Общежитие „Красная спальня“». Теперь

здесь размещались не бессмысленные конторы, а потерявшие крышу над головой пролетарии. Это был новый дом Бакстера, Бейкера, Сэмми, Джулиана, Джордана и Джессики. Двое последних стояли сейчас на крыльце и прощались с Красленом.

— Как жаль, что ты так быстро, — сказал Джо. — Но мы ведь встретимся?

— Конечно же, дружище! Я до смерти не забуду, как ты выручил меня, привел домой!.. Ох, Джессика...

— Ленни! Если б ты только остался немного подольше!..

Влюбленные обнялись.

— Я бы сам рад остаться, да нельзя! — сказал Краслен. — Комкрин прислал за нами специальный самолет, дома ждут с наградами... Да и соскучился я по Правдогорску, честно говоря! Так долго на родине не был! А ты... Ты прекрасная девушка, но, понимаешь ли...

— Понимаю, — вздохнула негритянка. — У тебя там есть девушка, вы давно любите друг друга, ты ей много всего обещал... и она, конечно, подходит тебе больше, чем я.

— Жеся, Жеся! — прошептал Кирпичников, сжимая негритянку в объятиях. — Если бы только можно было не расставаться с тобой! И не обижать Бензину... Хотя я, наверно, люблю ее больше... Нет! Что я болтаю! По-настоящему у меня все было только с тобой! Ты слышишь, Джессика?! Да, ты для меня главная! А Зина... Зина, Зина... Без нее я не могу. Да что ж такое?!

Джессика заплакала.

— Поезжай домой, любимый. Обо мне не вспоминай. Ты будешь счастлив с Бензиной, вы родите много красивых детишек, станете трудиться, жить, любить... А я... Я как-нибудь устроюсь. Наша страна только что встала на новый путь. Сколько всего предстоит сделать! Я буду отстраивать город, возводить предприятия нового типа, осваивать пустынные земли, учить грамоте люмпенов... Я найду себе занятие, Краслен! А может быть, однажды мы и встретимся еще раз! До свидания.

— До свидания, — молвил Джо.

— Прощай, родная!

Краслен последний раз поцеловал свою любимую, поправил рюкзак, развернулся, спустился с крыльца, сделал шаг... Потом встал. Обернулся. Сказал:

— Слушай, Жеся! А может, поедешь со мной?

На аэродром они примчались, держась за руки и уже предвкушая совместную жизнь в Краснострании. По дороге Кирпичников «все обдумал» и «твердо решил» объясниться с Бензиной сразу же по возвращении: лучше сделать больно один раз, чем всю жизнь быть рядом с ней, а думать про другую.

Легкий самолетик густо-томатного цвета стоял наготове. Трое ученых прохаживались туда-сюда в ожидании отправки: теперь не хватало лишь Ленского. Стройный пилот снял с себя шлем, и по кожаной курке рассыпались черные волосы.

— Жакерия! — воскликнул Краслен. — Ну и встреча!

Удивленная летчица обернулась. Густо подведенные глаза встретились с глазами пролетария, губы винного оттенка плотно сжали папиросу, выгнутые ниточки бровей поползли вверх.

— Я — Краслен Кирпичников. Вы меня помните? Ну, летатлин, беспосадочный полет, посадка с поезда?.. Товарищ Урожайская! Три месяца назад! Ну как же так?!

— Не помню, — ответила летчица.

Взяла наманикюренными пальцами сигарку и пустила вверх колечко дыма.

— Наш Краслен и здесь уже успел! — сказал Заборский. — Посмотрите-ка! Пытаетесь очаровать героя С. С. С. М., а, Кирпичников? Боюсь, это будет непросто, ха-ха!

— Я всего лишь собрался спросить у пилота, нельзя ли нам взять одного пассажира сверх списка, — надувшись, ответил Краслен.

— Нет, нельзя, — раздался голос Урожайской. — Больше шестерых машина не поднимет.

Краслен посмотрел на Джессику. Джессика посмотрела на Краслена.

— Ну вот и все, — сказала она. — Тебе не придется принимать решения.

— Но... Жеся... Мне так жаль...

— Может, это и к лучшему, что так случилось, — произнесла негритянка. — Ну же! Тебя ждут Бензина и орден! Не будь слабаком! Подтянись!

— Джесс... А ты?..

— Буду жить, как жила. Ну, прощай!

Джессика развернулась и быстрым шагом направилась с аэродрома. Краслен хотел броситься следом. Заборский его удержал.

— Ну же, товарищ! — сказал Яков Яковлевич. — Вам и в самом деле надо бы одуматься! Погуляли — и будет. У всех нас бывают такие увлечения. Но подумайте сами: она ведь даже языка не знает! У вас там подруга, у нее здесь родные. К чему все эти метания, пошлые буржуазные страстишки? Ангеликанцам предстоит большое социалистическое строительство, да и нам с вами есть чем заняться...

Кирпичников грустно кивнул.

— Заборский прав, — добавил подошедший Юбер. — Мы стоим на пороге великих событий. Сколько всего предстоит еще! Кстати, вы слышали о восстании в Шармантии?

— В Шармантии? — встрепнулся Краслен.

— Революционные массы взяли штурмом все тюрьмы в столице! Рабурдену отрубили голову. До коммунизма уже рукой подать!

— А в Эскериде республиканцы одержали окончательную победу над силами реакции! — вставил Вальд. — После того как сторонники диктатуры лишились помощи шпицрутеновских войск, это оказалось на удивление легко!

— Вот так скорость, не так ли? — поддакнул Заборский, стремясь отвлечь Краслена от грустных мыслей. — Думали ли вы, что однажды станете современником столь стремительных и ярких событий?

— После смерти Шпицрутена меня уже ничего не удивляет, — отозвался Кирпичников. — Когда здоровый и полный сил диктатор как по мановению волшебной палочки отбрасывает коньки на третий день народного восстания, поневоле начинаешь думать, что чудеса случаются не только в поповских сказках!

— Так вы еще не в курсе насчет подробностей его смерти? — удивился Вальд.

— Подробностей?

— Рабочее правительство Брюнеции опубликовало фотографию его тела. Сегодня она во всех газетах. Шпицрутен умер дряхлым стариком.

— Не может быть!

— Может, — подтвердил Заборский слова Вальда.

— Ему же еще не было пятидесяти, кажется? — не мог понять Краслен.

— Совершенно верно! Единственная вещь, которая могла состарить его столь стремительно...

— Оживин?

— Блестяще, Кирпичников! — Вальд пожал руку Краслену. — Общение с нами не прошло для вас напрасно!

— Активизируя все жизненные процессы, оживин может поднять мертвеца и развить его скрытые таланты, а может и заставить внутреннее время человека течь быстрее, — пояснил Заборский. — Это в том случае, если ввести его живому и здоровому человеку.

— Очевидно, Шпицрутен позарился на сверхвозможности воскрешенных, — продолжил Юбер. — Конечно, для подавления восстания они ему очень быгодились! Вот только умереть, чтобы ожить, он не рискнул. Наверно, понимал, что возвращать его с того света никому из приближенных не захочется!

— Чудеса-а-а! — сказал Кирпичников. — Хотя порой мне кажется, что и мое время неожиданно побежало быстрее обычного. Кажется, еще вчера милитаристская Брюнеция поглощала государства одно за другим и бомбила Манитаун — и вот уже рабочее

правительство выводит войска с оккупированных территорий и готовит земельную реформу!

— Что и говорить! — отозвался Заборский. — Мы живем в удивительное время. Когда-нибудь потомки оглянутся, вспомнят этот век, посмотрят на наши свершения и скажут...

— Лев Давыдович! — вскричала Жакерия. — Наконец-то!

Краслен повернулся и увидел на другом конце аэродрома фигурку в сером костюме, спешащую к красному самолету.

— Да он ли это?

— Думаю, он. — Вальд прищурился.

— Уже пора, товарищи, — добавил Заборский. — А опоздания, как я помню, не в духе Вождя.

— И все же это не он, — сказал Кирпичников, первым разглядевший приближающегося незнакомца.

Через минуту запыхавшийся парень в сером костюме подбежал к стоящей возле самолета компании.

— Прошу прощения! — задыхаясь, начал он. — Я по поручению Ленского! Лев Давыдович отбыл в Брюнецию по приглашению тамошних рабочих. Просил передать, что до тех пор, пока мировая революция не победила, он домой вернуться никак не может. Так что Лев Давыдыч извиняется и просит отправиться без него.

— Выходит, он со мной не полетит?! — проговорила разочарованная Урожайская.

— Выходит, у нас в самолете есть свободное место?! — радостно закричал Кирпичников.

И мигом, не дожидаясь реакции остальных, бросился с аэродрома — догонять свою Джессику.

Третий день четвертой пятидневки школьного месяца на правдогорском заводе «Летающий пролетарий» был объявлен всеобщим выходным. Весь коллектив предприятия, все население при заводского жилкомбината от мала до велика отправилось на вокзал — встречать спасителя Вождя, героя мировой революции.

Прибывший из Столицы поезд мгновенно обступила толпа. Десяток нарядных деткомов с пышными букетами встали на изготовку. Самодеятельный оркестр металлообрабатывающего цеха получил последнее напутствие от дирижера Никифорова. Директор Непейко нервно перелистал свою приветственную речь, чтобы убедиться, все ли десять страниц в ней на месте. Новомир перевел кадр в фотоаппарате и «прицелился». Электриса Никаноровна поправила солонку на пятиконечном караване. Бензина еще раз поглядела на себя в зеркальце.

Краслен возник в дверях вагона — серьезный, повзрослевший, счастливый и растерянный одновременно, в новом комбизе и с черным квадратиком на груди. Фотовспышки засверкали одна за другой. Никифоров взмахнул руками, и оркестр заиграл туш.

— Краслен!!! — заорала толпа.

— Сколько лет, сколько зим!

— Да здравствует Кирпичников!

— Качай его!

Героя стащили с подножки и стали качать. Маленькую негритянку, вышедшую вслед за ним, никто как-то и не заметил.

— Да ладно вам... Да хватит... Отпустите! — требовал Кирпичников, смеясь.

Наконец его поставили на ноги. Деткомы наперебой бросились вручать букеты герою. Нарпитовка с хлебом-солью, оказавшаяся в море малышей, с трудом держалась, чтобы не уронить каравай. Только когда Краслену были оказаны все положенные почести, к нему сумела пробиться Бензина.

— Крася! — крикнула она, плача от счастья.

— Зиночка... — прошептал кавалер Черного Квадрата и обнял девушку.

Надо же, он и не знал, что эти голубые глаза, эти светлые кудри, эти теплые хрупкие плечи под серебристой тканью страндартного комбеза так ему дороги. И все-таки...

— Я так скучала! — сказала Бензина.

— Ждала меня?

— Ты еще спрашиваешь!

— А с другими ребятами не гуляла? — с надеждой спросил пролетарий.

— О чем это ты?!

— Ну... Меня долго не было, я понимаю... За это время тебя мог посетить крылатый Эрос, ты могла встретить кого-нибудь другого, ты могла...

— Как ты можешь, Краслен?! Ты же знаешь: у меня никогда не было и не будет другого парня!.. Но... — Взгляд Бензины неожиданно упал на стоящую рядом с Красленом боевую подругу. — Кто эта негритянка?

Джессика потупилась. Кирпичников смутился.

— Понимаешь ли, Бензина... — начал он.

— Ты ее любишь?

— Видишь ли... — Горе-кавалер стушевался еще больше. — Мне, конечно, не хотелось бы делать тебе больно, не хотелось бы разборок, всякой ревности, прощания...

— Краслен! — вскинулась Зина. — Неужели ты считаешь, я способна на такое?! Неужели ты думаешь, что в любви мне свойственно пошло-буржуазное чувство собственности?! Неужели ты держишь меня за конченную ретрограду в вопросах пола?!

— Так, значит?.. — Кирпичников неуверенно улыбнулся.

— Будем современными людьми, — сказала Зина.

Эпилог

Прошло полгода.

Сильно поменялась жизнь в Брюнеции. Не было здесь больше ни фашистов, ни скрипучих пауков, ни лагерей. В грохоте станков, при свете электричества, под звуки рабочих песен строилась, расцветала новая жизнь. Никто уже не укладывал брюннов спать в десять вечера: свободные от тирании, теперь они могли хоть ночи напролет гулять по городу. Вместо старой, буржуазной, граждане освобожденной страны заложили новую, пролетарскую традицию: наступление каждого нового утра отныне знаменовал бодрый марш, льющийся из всех радиоточек.

Краслен так привык просыпаться по музыке, что сегодня открыл глаза ровно за пять минут до общей побудки. Лучи солнца, проникающие через окно, ласково гладили стены бывшего номера бывшей столичной гостиницы «Мариотт» — нового общежития для рабочих. Портрет Льва Давыдыча гордо смотрел со стены. Благодарственная телеграмма от шпильдского коммуниста Франтишека Конопки лежала на рабочем столе рядом с недописанной статьей в «Красную правду». Слева сопела Бензина. Справа, свернувшись клубком, спала Джессика.

В Брюнецию все трое прибыли месяц назад, по заданию партии: рождающейся заново стране требовались рабочие руки, добрые друзья и опытные коммунисты. Кирпичников помогал налаживать местное производство летатлинов, Бензина учила брюннских швей трудиться по-коммунистически, способная к языкам Джессика сделалась женоргом. День ото дня жизнь в Брюнеции становилась все краше, все интереснее.

Краслен осторожно, чтобы не потревожить своих боевых подруг, слез с кровати, сладко потянулся, раскрыл окно и вдохнул свежий весенний воздух. Потом посмотрел вниз, на улицу.

Столицу бывшего фашистского государства было не узнать. Ни следа не осталось от старой, болезненной, феодальной архитектуры: извилистые, узкие, вонючие средневековые улочки стали широкими современными проспектами. Дворцы и театры, поставленные на колеса, ходили по городу, словно гигантские пароходы. Там, где вчера лепились друг к другу

убogie двух— и трехэтажные домики, свидетели веков неравенства и угнетения, встали сегодня высокие жилкомбинаты, здания из стекла и бетона. Там, где недавно мрачно высились статуи Шпицрутена и стены городских тюрем, теперь воздвигли школы и музеи. Парки, стадионы, детплощадки пришли на смену блошиным рынкам и пустырям. Невиданные, самодвижущиеся, шарообразные, парящие в воздухе дворцы культуры заняли место унылых церквей и грязных притонов. А воздетые к небу стрелы подъемных кранов словно говорили о безграничности и неисчерпаемости дерзаний Нового Человека...

...Радостная музыка возвестила о наступлении нового утра. Подруги заворочались в постели. Краслен вдохнул, выдохнул, расправил плечи, приготовился к занятию утренней гимнастикой.

Вдруг в дверь постучали.

— К нам гости? — спросила Бензина.

Краслен побежал открывать.

Особу, стоящую на пороге, он не узнал. Румяные круглые щеки, сбившаяся красная косынка на коротких волосах, значок Авангарда, счастливый животик под комбинезоном — таких женщин сейчас тысячи в Брюнеции, миллионы по всему миру. Из партячейки? С завода? По женским делам?

— Здравствуй, Курт! — сказала Кунигунда.

Лишь по голосу он смог узнать «жену». Куда делись длинные косы, где модные наряды из журналов? Откуда на груди значок передовой организации и, главное, этот решительный взгляд, так непохожий на выражение глаз поклонницы Шпицрутена?!

— Не узнал? Изменилась? — спросила баронская дочка.

— Изменилась, что и говорить... — признал Краслен.

— Долго мы не виделись, да, милый? Сколько воды утекло! Как все поменялось с тех пор! Война, революция. Реквизиция, экспроприация. Разбаронивание, перевоспитание. Папа не выдержал, застрелился. Ганс в детдоме. Старший брат погиб. А я — перековалась. Много думала. Читала. В авангардовцы вступила. Пошла в техникум. На фабрике работаю.

— Молодец! Уважаю! — одобрил Краслен. — Вот, не ждал, если честно...

— Старалась я, милый. Хотела достойной тебя быть. Возьмешь ли обратно? Учиться, работать — не брошу! И стану хорошей подругой и верным товарищем!

— Да видишь ли, как бы сказать-то... — замялся Краслен, покосившись на пузо «жены». — Не один я уже...

— Что ж, пусть так! — сказала Кунигунда. — Будем жить по-современному! Приверженность устаревшему институту брака я в себе изжила! В половом вопросе стою на самых передовых позициях!

— Стало быть, ты теперь красная?..

— Да! Навсегда!

— Эх... Ну, Труд с тобой!.. Милости просим!

*Екатеринбург — Москва,
октябрь 2007 — декабрь 2009*